

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Смоленский государственный университет»

на правах рукописи

Лаптев Антон Константинович

Деятельность полиции и жандармерии Смоленской губернии в годы
Первой мировой войны (июль 1914 – март 1917 гг.)

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель –
доктор исторических наук,
доцент Горская Наталья Ивановна

Смоленск – 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
Глава I. Полиция и жандармерия Смоленской губернии в условиях военного и чрезвычайного положения: полномочия и состав.....	24
1.1. Правовое положение Смоленской губернии в годы Первой мировой войны и обязанности полиции и жандармерии.....	24
1.2. Смоленская полиция в годы Первой мировой войны.....	41
1.3. Жандармерия Смоленской губернии в годы Первой мировой войны.....	58
Глава II. Деятельность полиции и жандармерии Смоленской губернии по снабжению армии.....	72
2.1. Роль полиции и жандармерии в проведении мобилизационных мероприятий.....	72
2.2. Содействие в организации госпиталей и контроль над военнопленными и гражданами иностранных государств.....	102
2.3. Охрана железных дорог.....	123
Глава III. Обеспечение безопасности тыла действующей армии.....	137
3.1. Участие жандармерии и полиции в контрразведывательной деятельности.....	137
3.2. Охрана общественного порядка и борьба с антиправительственными выступлениями.....	160
Заключение.....	190
Список источников и литература.....	198
Приложения.....	218

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования.

Одним из приоритетных направлений отечественной историографии является изучение институтов государственной власти и управления в периоды войн, революций и других экстремальных ситуаций. Первая мировая война (1914–1918 гг.) поставила перед местной властью прифронтовых и тыловых губерний новые задачи снабжения фронта и обеспечения правопорядка и государственной безопасности в тылу действующей армии. Ситуация осложнялась большой миграцией населения и нарастанием кризисных явлений в экономической, общественной и духовной жизни общества.

Сложность положения, необходимость действенных и решительных мер со стороны местной власти, позволяют говорить о ценном опыте, который может быть использован не только в период военного времени, но и в период других чрезвычайных ситуаций, с которыми сталкивается современное общество.

Большой исследовательский интерес представляет изучение деятельности полиции и жандармерии и взаимодействие этих государственных структур в решении вопросов, обусловленных военным временем. От слаженности действий государственного аппарата во многом зависел авторитет местной власти и положение на местах накануне революционных событий 1917 г.

Важной задачей представляется изучение количественного и социального состава полиции и жандармерии, так как ликвидация этих органов государственной власти в 1917 г., а затем создание милиции Временного правительства на основе «демократизации», привело к нарастанию анархии и неуправляемости на местах и способствовало приходу к власти большевиков.

В современных условиях проблемы охраны правопорядка и поддержания законности имеют первоочередное значение для функционирования российского государства. Решением этих вопросов занимается МВД и его структурные подразделения на местах. Полиция предназначена «для противодействия преступности, охраны общественного порядка <....> для обеспечения

общественной безопасности», а также должна участвовать в обеспечении режимов военного и чрезвычайного положения.¹

Объект исследования – система правоохранительных органов России в годы Первой мировой войны.

Предмет исследования – деятельность полиции и жандармерии Смоленской губернии в годы Первой мировой войны.

Хронологические рамки исследования охватывают период с июля 1914 г. до марта 1917 гг. – от начала Первой мировой войны до ликвидации институтов полиции и жандармерии в 1917 г. При анализе законодательства пришлось обратиться к более раннему периоду, поскольку законодательная основа деятельности полиции и жандармерии в основных чертах сложилась во второй половине XIX века.

Территориальные рамки исследования определяются административными границами Смоленской губернии в 1914–1917 гг., составляющими территориальную основу деятельности местной полиции и жандармерии. В изучаемый период в состав Смоленской губернии входили двенадцать уездов: Бельский, Вяземский, Гжатский, Дорогобужский, Духовщинский, Ельнинский, Краснинский, Поречский, Рославльский, Смоленский, Сычевский, Юхновский, разделенных на 34 полицейских стана и 239 волостей.

Степень изученности темы.

Хронологические рамки изучаемой темы побуждают нас обратиться к советской и современной историографии.

В советской историографии был создан большой пласт литературы о Первой мировой войне. Ей посвящены обстоятельные историографические обзоры, разделы в учебниках по историографии, диссертационные исследования.²

¹ О полиции от 07. 02. 2011 № 3–ФЗ (ред. 07. 03. 2018) // Собр. законодательства Российской Федерации. 2011. № 7. ст. 900. Ст. 1, 12.

² Козенко Б.Д. Отечественная историография Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2001. № 3. С. 3–27; Мальцев Д.А. Советская историография Первой мировой войны // Первая мировая война: историографические мифы и историческая память. В 3 кн. / под ред. О.В. Петровской. Кн. 1. М.: РИСИ, 2014. С. 15–30; Советская историография под ред. А.Л.

Советская историография занималась проблемами военной истории, рабочим и социалистическим движением, внешнеполитическими аспектами мирового конфликта «с уклоном в социополитическую и политическую историю».³

Вместе с тем советские историки занимались изучением политического режима и деятельностью центрального государственного аппарата в годы Первой мировой войны. Большое внимание они уделяли борьбе полиции и жандармерии с революционным и общественным движением.⁴ Основные выводы исследователей советского периода историографии заключались в том, что в условиях Первой мировой войны страна переживала общественно-политический кризис, государственный аппарат царской России не справился с вызовами военного времени, что привело к падению монархии в России.

Вопросы местного управления и деятельности полицейского аппарата на всех этапах развития российской государственности, включая Первую мировую войну, проследил Н.П. Ерошкин. В работе «История государственных учреждений дореволюционной России», которая выдержала несколько изданий, он рассматривал местные и центральные органы власти как единую систему государственного аппарата. Несмотря на обязательный классовый подход при характеристике «буржуазно-помещичьего» аппарата, историк последовательно применял системный принцип, показывая подчиненное положение полиции губернаторской власти и единство целей карательных органов, включая жандармерию, по поддержанию «тишины и порядка». Исследуя местные государственные учреждения, Н.П. Ерошкин указывал, что к началу XX века роль

Нарочницкого. М., 1981. гл. IV; Шубин Н.А. Россия в Первой мировой войне. Историография проблемы (1914–2001): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2001 и др.

³ Козенко Б.Д. Отечественная историография Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2001. № 3. С. 3.

⁴ Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в первой мировой войне. Л., 1967; Старцев В.И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг. Л., 1977; Черменский Е.Д. Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1895; Аврех А.Я. Царизм и Третьеиюньская система. М., 1966; Он же. Столыпин и III Дума. М., 1968; Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш., Дубенцов Б.Б. и др. Кризис самодержавия в России. 1895–1917. Л., 1984; Флоринский М.Ф. Кризис государственного управления в России в годы Первой мировой войны: Совет Министров в 1914–1917 гг. Л., 1988; Степанский А.Д. Самодержавие и общественные организации России на рубеже XIX – XX вв. М., 1980 и др.

и полномочия МВД в губерниях существенно возросли, а к осени 1916 г. административно-полицейский гнет в стране значительно усилился, как реакция на массовые социальные протесты в среде рабочих и крестьян.⁵

Важнейшим средством управления и поддержания общественного порядка в условиях военного времени были обязательные постановления губернаторов. П.А. Зайончковский и П.Н. Зырянов, занимаясь изучением государственной власти второй половины XIX – начала XX вв., обратили внимание на право губернаторов издавать обязательные постановления, оценивая его как кризисное явление в местном управлении, как неспособность губернатора управлять традиционными методами и одновременно как расширение полицейских полномочий в условиях чрезвычайного положения.⁶

После революции 1917 г. значительно возрос интерес исследователей к деятельности правоохранительных органов, в особенности к политическому сыску. Советские историки изучали институты полиции и жандармерии с позиций их борьбы с революционным движением, акцентируя внимание на антинародном и карательном характере действий этих государственных учреждений.⁷

Работы М.А. Осоргина, В.К. Агафонова, С.Г. Сватикова были посвящены изучению зарубежной агентуры МВД. Эти авторы входили в комиссию Временного правительства по расследованию деятельности охранных отделений,

⁵ Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983. С. 302.

⁶ Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880 годов. М., 1964. С. 475; Зырянов П.Н. Социальная структура местного управления капиталистической России (1861–1914 гг.) // Исторические записки. Т. 102. М., 1982. С. 291; Об этом подробнее: Минаков А.С. Губернаторский корпус и центральная власть: проблема взаимоотношений (по материалам губерний Черноземного центра второй половины XIX – начала XX века). Орел, 2011. С. 21, 24, 25.

⁷ Волков А. Петроградское охранное отделение. Пг., 1917; Жилинский В.Б. Организация и жизнь охранного отделения во время царской власти. М., 1918; Пильский П. Охранка и провокация. Пг., 1917; Звягинцев Е.А. Провокаторы и подстрекатели. М., 1917; Соловьева М.Е. Царские провокаторы и дело социал-демократической фракции 2-й Государственной думы // Вопросы истории. 1966. №8; Эренфельд Б.К. Из истории борьбы большевистской партии с подрывной деятельностью тайной полиции // Вопросы истории КПСС. 1979. № 12; Эренфельд Б.К. Дело Малиновского // Вопросы истории. 1965. № 7; Перегудова З.И. Департамент полиции в борьбе с революционным движением (годы реакции и нового революционного подъема): дис. ... канд. ист. наук. М., 1988; Революционная борьба и карательная политика царизма в XIX столетии. Сб.ст. под ред. Н.А. Троицкого. Саратов, 1986 и др.

и их работы базировались на документах, которые не были повреждены или уничтожены вследствие событий 1917 г.⁸ В 1932 г. за рубежом вышла книга Б.Н. Николаевского, в которой действия Е.Ф. Азефа, одного из самых известных провокаторов начала XX века, рассматривались на фоне общей картины организации политического сыска в Департаменте полиции и в Петербургском охранном отделении.⁹

С начала 60-х годов советская историография характеризуется повышенным интересом к приемам и методам ведения политического сыска в отношении революционного движения. Этот вопрос стал предметом изучения Б.К. Эренфельда, З.И. Перегудовой, А.Г. Чукаева, Д.И. Шинджикашвили, А.А. Миролубова, Л.И. Тютюнник и других.¹⁰

Именно в советской историографии появились первые работы о местных учреждениях политического сыска,¹¹ специальные исследования о политическом сыске и разведке в годы Первой мировой войны.¹² Началась публикация документов Департамента полиции, относящихся к Первой мировой войне.¹³ В работах Н.Н. Ансимова поставлена проблема взаимоотношений местной администрации и охранных отделений.¹⁴ Автор утверждает, что в России

⁸ Осоргин М.А. Охранные отделения и его сотрудники. М., 1917; Агафонов В.К. Заграничная охранка. Пг., 1918; Сватиков С.Г. Русский политический сыск за границей. Ростов-на-Дону, 1918.

⁹ Николаевский Б.И. История одного предателя: террористы и политическая полиция. М., 1991.

¹⁰ Эренфельд Б.К. Тяжелый фронт. М., 1983; Перегудова З.И. Методы борьбы Департамента полиции с революционным движением. М., 1990; Чукарев А.Г. Методы и средства политического розыска в царской России // Вопросы истории, философии, географии, экономики Дальнего Востока. Владивосток, 1968; Шинджикашвили Д.И. Сыскная полиция царской России в период империализма. Омск, 1973; Тютюнник Л.И. Департамент полиции в борьбе с революционным движением в России на рубеже веков: дис. ... канд. ист. наук. М., 1986.

¹¹ Работнов Н.Г. Тайны Ярославского застенка // Ярославская старина. Ярославль, 1924; Саар Г. Охранное отделение о деятельности Саратовской организации РСДРП // Коммунистический путь. Саратов, 1923. № 9.

¹² Миролубов А.А. Политический сыск России в 1914–1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1988; Сейдаметов Д., Шляпников Н. Германо-австрийская разведка в царской России. М., 1939.

¹³ Миролубов А.А. Документы по истории Департамента полиции периода Первой мировой войны // Советские архивы. 1988. № 3. С. 80–84.

¹⁴ Анисимов Н.Н. Борьба большевиков против политической полиции самодержавия. Свердловск, 1989; Анисимов Н.Н. Охранные отделения и местная власть царской России в начале XX века // Советское государство и право. 1991 № 5. С. 119–125.

существовала «конфронтация местной бюрократии и охраны», что в 1916 г. «только охранные отделения оставались наиболее жизнеспособными защитниками монархии», а губернская администрация «наверное, в большей мере, чем высшие сановники, вела страну к тупику».¹⁵

В постсоветской историографии наблюдается настоящий всплеск интереса к Первой мировой войне, чему не в малой степени способствовал столетний юбилей Первой мировой войны, проведение конференций с участием крупных специалистов по истории войны: В.К. Шацлло, В.П. Волобуева, В.Л. Малькова, З.П. Яхимович, В.П. Булдакова, А.И. Уткина и других. Создана Российская ассоциация историков Первой мировой войны.

Значительно расширилась тематика и методологические подходы к изучению проблем войны.¹⁶ В современной историографии, по словам В.М. Шевырина происходит «тотальная мобилизация источников».¹⁷ Появилось значительно больше работ по проблемам настоящего исследования.

В 1990-е годы была создана целая галерея образов российских губернаторов, правивших в российской провинции, включая период Первой мировой войны. Это работы А.В. Ремнева, Г.В. Алексушина, Г.П. Федюка, В.М. Мирасановой, Э.А. Мазитова, Г.В. Павловой, А.А. Грачева, К.Е. Горбунова, В.А. Кононова и других.¹⁸ Л.М. Лысенко создала базу данных о губернаторском

¹⁵ Анисимов Н.Н. Охранные отделения и местная власть царской России в начале XX века // Советское государство и право. 1991. № 5. С. 125.

¹⁶ Козенко Б.Д. Отечественная историография Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2001. № 3. С. 3–27; Рахимов Р.Н. Современная российская историография Первой мировой войны // Первая мировая война: историографические мифы и историческая память. В 3 кн. / под ред. О.В. Петровской. Кн. 1. М.: РИСИ, 2014. С.43–94; Шевырин В.М. Россия в Первой мировой войне (новейшая отечественная историография) // Россия в Первой мировой войне: новые направления исследований. Сб. обзоров и реф. (Препринт) / Редкол.: Глебова И.И. (отв. ред.) и др. М., 2003. С. 36–66; Сергеев Е. Ю. Актуальные проблемы изучения Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2014. № 2. с. 15–22.

¹⁷ Шевырин В.М. Россия в Первой мировой войне (новейшая отечественная историография) // Россия в Первой мировой войне: новые направления исследований. Сб. обзоров и реф. (Препринт) / Редкол.: Глебова И.И. (отв. ред.) и др. М., 2003. С. 53.

¹⁸ Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь: административная политика второй половины XIX – начала XX века. Омск, 1997; Алексушин Г.В. Самарские губернаторы. Самара, 1996; Мирасанова В.М., Федюк Г.П. Ярославские губернаторы: 1777–1917. Историко-библиографические очерки. Ярославль, 1998; Мазитов Э.А. Деятельность уфимского губернатора А.С. Ключарева (1905–1911 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2009; Павлова Г.В.

корпусе России за весь период существования этого института, показала его центральное место в системе властных отношений на местах и неразрывную связь с монархической формой правления.¹⁹ Г.В. Алексушин исследовал эволюцию самостоятельных губернаторов в послушных чиновников МВД, несоответствие их статуса требованиям думской монархии в позднеимперский период, сложность совмещения правоохранительных и административных функций и высказал мнение о необходимости передачи губернаторам исключительно правоохранительных полномочий. Автор полагает, что ликвидация института губернаторства способствовала коллапсу власти в 1917 г.²⁰

В исследованиях А.С. Минакова, посвященных институту губернаторской власти Черноземного центра и их взаимоотношениям с центральными органами власти, содержатся интересные для нашего исследования выводы и наблюдения об устройстве и функциях губернских учреждений. Губернское жандармское управление рассматривается автором как часть местной системы управления, как важнейший проводник самодержавной политики.²¹

В изучении правоохранительных органов в настоящее время доминирует литература о жандармерии. Наметилась интересная тенденция сравнения методов и практик, используемых органами политического сыска в различные периоды

Воронежская губернская администрация (губернское правление и канцелярия губернатора) в 60-х гг. XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2004; Грачев А.А. Губернское правление, канцелярия губернатора и полиция в системе государственного управления Пензенской губернии в начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2002; Горбунов К.Е. Административная власть Симбирской губернии в 1796–1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2005; Кононов В.А. Смоленские губернаторы. 1711–1917. Смоленск, 2004; Кононов В.А. Институт губернаторства в дореволюционной России: взаимодействие губернской и центральной администраций, 1708–1917 гг.: На материалах Смоленской губернии: дис. ... канд. ист. наук. Смоленск, 2005. и др.

¹⁹ Лысенко Л.М. Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи (XVIII – начало XX века). М., 2001.

²⁰ Алексушин Г.В. Развитие губернаторской власти в России (1708–1917 гг.: исторический опыт и уроки: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2002.

²¹ Минаков А.С. Губернское ведомство МВД: состав, функции, взаимодействие с центром (по материалам Орловской губернии второй половины XIX – начала XX веков): дис. ... канд. ист. наук. Орел, 2003; Минаков А.С. Губернаторский корпус и центральная власть: проблема взаимоотношений (по материалам губерний Черноземного центра второй половины XIX – начала XX вв.): дис. ... д-ра ист. наук. Орел, 2011.

русской истории. Большой интерес представляет также тематика повседневной жизни и социокультурного облика жандармов.²²

Тем не менее, в современной историографии существует потребность в комплексном изучении местной власти, включая полицию и жандармерию и ее деятельности в период Первой мировой войны. К настоящему времени эта тематика представлена в работах Б.Н. Миронова, С.В. Любичанковского, Д.А. Старкова и некоторых других авторов.²³ Б.Н. Миронов рассматривает проблему с точки зрения социальной истории (законность действий чиновников, социальный портрет, эффективности управления, формирование гражданского общества). С.В. Любичанковский с позиций структурно-функционального подхода стремится доказать единство власти и самоуправления. Для нашего исследования наибольшее значение имеет работа Д.А. Старкова. Анализируя кадровые и финансовые проблемы местной администрации Среднего Поволжья, ее участие в решении социально-экономических проблем во время Первой мировой войны, автор показал, что административно-полицейские учреждения (и административно-судебные) входили в ядро губернской администрации, являясь исполнительным органом губернской администрации.

Темами современных исследований по истории полиции и жандармерии является не только политическая борьба с использованием методов политического сыска,²⁴ но и специфика деятельности полиции и жандармерии в период Первой мировой войны. Самыми крупными работами в этом направлении

²² Минаков А.С. Социокультурные особенности облика провинциального жандарма в России второй половины XIX века (по материалам ОГЖУ) // Проблемы исторической психологии и взаимодействия мировоззрений в истории. Материалы Всероссийской научной конференции. Орел, 2000. С. 106–108; Жухрай В.М. Террор. Гении и жертвы. М., 2002; Сысоев Н.Г. жандармы и чекисты. От Бенкендорфа до Ягоды. М., 2002; Жандармы России /сост. В.С. Измолик. М., 2002; Григорьев Б., Колоколов Б. Повседневная жизнь российских жандармов. М., 2007.

²³ Миронов Б.Н. Социальная история России (XVIII – начало XX века). Т. 2. СПб., 2003; Любичанковский С.В. Структурно-функциональный подход к истории местного управления Российской империи (1907–1917). Оренбург, 2005; Старков Д.А. Местное административное управление в Среднем Поволжье в годы Первой мировой войны, август 1914 – февраль 1917 гг. (Пензенская, Самарская, Симбирская губернии): дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2008.

²⁴ Лурье Ф.М. Полицейские и провокаторы: политический сыск в России. 1880–1917 г. М., 1998; Брачев В.С. Мастера политического сыска дореволюционной России. СПб, 1998.

следует считать исследования З.И. Перегудовой, Ю.В. Гончаровой, Ю.А. Реента, К.С. Романова, В.В. Хутарева–Гарнишевского.²⁵ З.И. Перегудова проследила историю политического сыска с момента ликвидации Третьего Отделения и передачи органов политического сыска в структуру МВД, ввела в научный оборот большое число новых источников, включая источники личного происхождения. З.И. Перегудова сконцентрировала свое внимание на деятельности Департамента полиции МВД и на таких методах работы, как внутреннее и внешнее наблюдение.

Юридическая диссертация Ю.В. Гончаровой посвящена практически неизученному подразделению жандармерии – железнодорожной полиции, законодательному регулированию ее организации и деятельности. Ю.А. Реент сосредоточил свое внимание на структуре полиции, которая к началу военных действий имела множество подразделений, среди которых основными структурными единицами оставались общая и политическая полиция. К.С. Романов посвятил свое исследование Департаменту полиции МВД, его борьбе с революционными партиями и пришел к выводу об ошибочности этого курса, поскольку главная угроза заключалась в экономической ситуации в стране. Хутарев-Гарнишевский показал отрицательные стороны реформ В.М. Джунковского, малочисленность жандармерии и ее «бессилие» в борьбе с революционным движением.

Особенности контрразведывательной деятельности отражены в работах И.Н. Кравцева, А.А. Здановича, А.В. Деревянко и А.В. Шарова,²⁶ особенности борьбы со шпионажем – в работах К.С. Романова и Н.В. Грекова.²⁷

²⁵ Перегудова З.И. Политический сыск в России (1880–1917 гг.). М., 2000; Гончарова Ю.В. Жандармские полицейские управления железных дорог (1867–1917 гг.): дис. ... канд. юр. наук. М., 2000; Реент Ю.А. Полицейская система Российской империи начала XX в., 1900–1917 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2002; Романов К.С. Департамент полиции МВД России накануне и в годы Первой мировой войны (1913–1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. СПб, 2002; Хутарев-Гарнишевский В.В. Отдельный корпус жандармов и департамент полиции МВД: органы политического сыска накануне и в годы Первой мировой войн, 1913–1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2012.

²⁶ Кравцев И.Н. Тайные службы империи. М., 1999; Зданович А.А. Отечественная контрразведка (1914–1920): Организационное строительство. М., 2004; Деревянко И., Шаров А. Тайная война // Военные знания. 1994. № 5–10.

²⁷ Романов К.С. Роль департамента полиции в борьбе со шпионажем во время Первой мировой войны // Вторые петербургские военно-исторические чтения молодых историков. СПб, 1998;

Заканчивая обзор исторической литературы, необходимо заметить, что историей полиции занимаются и юристы. В круг их интересов традиционно входят вопросы законодательства, структура, функции и органы управления полицией.²⁸

В целом можно сказать, что к настоящему времени накоплен значительный материал в изучении центральных органов жандармерии и общей полиции, законодательной базы, основных направлений их деятельности и практик борьбы с революционным движением, включая период Первой мировой войны.

Современные историки все большее внимание уделяют деятельности губернских жандармских управлений и губернской полиции. Особый интерес представляют работы, охватывающие период Первой мировой войны, поскольку перед войной «основным звеном политической полиции» были губернские жандармские управления,²⁹ а общая полиция полностью перешла под контроль губернаторов.³⁰ Появились диссертации по изучению истории жандармерии и полиции Тульской, Томской, Московской, Ярославской, Новгородской, Ставропольской, Орловской и других губерний. Историков интересуют проблемы взаимодействия полицейских структур и жандармских управлений, численность, материальное обеспечение, практики обеспечения общественного порядка.³¹

Н.В.Греков. Русская контрразведка в 1905–1917 гг.: шпиономания и реальные проблемы. М., 2000.

²⁸ Сизиков М.И., Борисов А.В., Скрипилев А.Е. История полиции России (1718–1917 гг.). Вып. 2. М., 1992; Мулукаев Р.С. Полиция в России (XIX – начало XX века). Нижний Новгород, 1992 и др.

²⁹ Опилкин А.С. Центральное (Московское) районное охранное отделение в системе органов политической полиции Российской Империи: дис. ... канд. ист. наук. М., 2012.

³⁰ Романов К.С. Департамент полиции накануне и в годы Первой мировой войны (1913–1917 гг.). СПб., 2002. С. 231.

³¹ Алексеева М.А. Новгородское губернское жандармское управление: 1867–1917 г.: дис. ... канд. ист. наук. Великий Новгород, 2007; Бакшт Д.А. Енисейское губернское жандармское управление: организационно-правовой и региональный аспекты функционирования в системе Департамента полиции МВД (1880–1917 гг.). Красноярск, 2015; Гуларян А.Б. Жандармы и полиция в российской провинции. На материалах Орловской губернии. 1894–1914 гг. Орел, 2011; Гурьев В.И. Московская полиция в конце XIX – начале XX вв.: организация, структура, состав: дис. ... канд. ист. наук. М., 2012; Дорохов В.Г. Политический сыск в Томской губернии: 1881 – февраль 1917 гг. Кемерово, 2005; Дремков Н.В. Полицейские структуры и органы жандармерии Ярославской губернии в XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2010; Макаров Г.А. История развития полиции и жандармерии на Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX вв.: На материалах Ставрополя и Кубани: дис. ... канд. ист. наук.

Благодаря этим исследованиям в научный оборот вводится архивный материал, идет накопление исторических знаний. Изучение полиции и жандармерии на материалах отдельных губерний приобретает большое значение еще и потому, что к 1917 г. «правоохранительной системы как единого целого уже не существовало».³² Это обстоятельство объективно повышало значение губернаторской власти, как координатора действий полиции и жандармерии в решении многообразных задач, вызванных войной, включая борьбу с антивоенными и антиправительственными выступлениями.

Заметной чертой современной историографии в изучении Первой мировой войны является, по выражению В.М. Шевырина, «история тыла». В этих работах рассматриваются многочисленные проблемы, возникшие в российской провинции в связи с войной, и решение которых было возложено на местную администрацию и полицию: снабжение, наборы в армию, потоки беженцев, военнопленных, ухудшение социально-экономической ситуации, связанное с потерями на фронте и т.п.³³

Большое значение для нашего исследования имеют работы И.П. Щерова, изучившего проблемы миграции на смоленском материале. И.П. Щеров и И.Б. Белова, привлекая смоленский материал, показали взаимодействие органов местного самоуправления, беженских, благотворительных организаций и

Пятигорск, 2005; Москвитин Ю.Н. Полиция Томской губернии в 1867 – 1917 гг.: Устройство, численность и материальное обеспечение служащих: дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2004; Сенина Н.В. Отдельный корпус жандармов в конце XIX – начале XX вв.: организация, кадры, деятельность: по материалам Тульской губернии: дис. ... канд. ист. наук. Тула, 2007; Шиловский Д.М. Полиция Томской губернии в борьбе с преступностью в 1867–1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2002.

³² Романов К.С. Департамент полиции накануне и в годы Первой мировой войны (1913–1917 гг.). СПб., 2002. С. 231.

³³ Иконникова Т.Я. Дальневосточный тыл России в годы Первой мировой войны. Хабаровск, 1999; Трошина Т.И. Великая война. Забытая война... Архангельск в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Архангельск, 2008; Щеров И.П. Военная миграция в России (1914–1922 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. Смоленск, 2001; Его же. Организация и деятельность коллегий по делам пленных и беженцев в Смоленском крае (1914–1921 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 1998; Белова И.Б. Первая мировая война в российской провинции. 1914 – февраль 1917 г. М., 2011; Белова И.Б. Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914–1925 гг. М., 2014; Китанина Т.М. Россия в Первой мировой войне. 1914–1917 гг. Экономика и экономическая политика царского правительства в первые годы войны. 1914 – середина 1916 гг. СПб., 2003.

губернских администраций в деле работы с военнопленными и оказания помощи беженцам.³⁴

Вопросы деятельности администрации, полиции и жандармерии во время Первой мировой войны интересуют и иностранных авторов. У. Фуллер исследовал феномен шпиономании, охвативший военные и правоохранные структуры царской России накануне и в период Первой Мировой войны на примере дела полковника Мясоедова.³⁵ А. Бауэрмайстер как офицер секретной германской службы описывает методы вербовки пленных русских офицеров и их отправку в Россию в качестве шпионов.³⁶ Зарубежные авторы большое внимание уделяют социально-экономическому положению России и хлебному кризису. Таковы работы П. Готтрелла и К. Мацузато, с тем лишь отличием, что Готтрелл ответственность за трудности в снабжении населения возлагает на губернаторов, а Мацузато – на земства.³⁷ Анализ деятельности Всероссийского земского союза и его взаимодействие с административными властями в годы Первой мировой войны является предметом исследования У. Глиссона.³⁸

Смоленские историки изучали различные аспекты жизни Смоленской губернии в Первой мировой войне³⁹, однако специальных исследований по

³⁴ Щеров И.П. Военная миграция в России (1914–1922 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. Смоленск, 2001; Его же. Организация и деятельность коллегий по делам пленных и беженцев в Смоленском крае (1914–1921 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 1998; Белова И.Б. Первая мировая война в российской провинции. 1914 – февраль 1917 г. М., 2011; Белова И.Б. Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914–1925 гг. М., 2014; Китанина Т.М. Россия в Первой мировой войне. 1914–1917 гг. Экономика и экономическая политика царского правительства в первые годы войны. 1914 – середина 1916 гг. СПб., 2003.

³⁵ Фуллер У. Внутренний враг: Шпиономания и закат императорской России / пер. с англ. М. Маликовой. М., 2009.

³⁶ Bauermeister A. Spies Break Through: Memoirs of a German Secret Service Agent. New York, 1934.

³⁷ Kimitaka M. The role of Zemstvo in Tsarist Total-War Management and in its Collapse. Sapporo, 1994; Gatrell P. Russia's First World War: a Social and Economic history. Harlow, England, 2005.

³⁸ Gleason W. The all-Russian Union of Zemstvos and World war I // The zemstvo in Russia: an Experiment in local self- government. Cambridge, 1982.

³⁹ Самолюбова С.С. Столыпинская аграрная реформа в Смоленской губернии и крестьянское движение в период ее осуществления (1905–1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 1958; Будаев Д.И. Рожденный в борьбе союз. Очерки истории рабочего и крестьянского движения в Смоленской губернии. 1861–1917 гг. М.: Московский рабочий, 1984; Горская Н.И. Смоленское земство в последние годы своего существования (1905–1918 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Смоленск, 1996; Забелин П.В. Местное самоуправление в годы Первой мировой войны: новые

проблематике настоящего исследования нет. Наиболее близкими по тематике являются работы В.А. Кононова. Исследовав взаимодействие центральной власти и смоленских губернаторов на протяжении всего периода существования института губернаторства, автор показал усиление роли губернаторов в решении вопросов местной жизни и их роль в организации работ на армию во время войны. В тоже время, по мнению В.А. Кононова, работу на местах тормозило многообразие обязанностей главы местной администрации и одновременно неспособность института губернаторства к дальнейшему развитию.⁴⁰

В работах И.А. Кипрова и М.И. Рабиновича, относящихся к предвоенному периоду, есть сведения об участии полиции и жандармерии в борьбе с политическими партиями и революционным движением на Смоленщине.⁴¹

Таким образом, несмотря на имеющиеся работы по истории института губернаторства в Смоленской губернии, до сих пор не было специального исследования по проблеме деятельности полиции и жандармерии и взаимодействию этих органов государственной власти на территории Смоленской губернии в годы Первой мировой войны.

Целью настоящего исследования является комплексное изучение деятельности полиции и жандармерии Смоленской губернии в годы Первой мировой войны в контексте внутренней политики России этого периода.

Исходя из цели исследования, были определены следующие **задачи**:

- изучить правовое положение Смоленской губернии в годы Первой мировой войны и обязанности полиции и жандармерии;

направления деятельности (на материалах Смоленской губернии): дис. ... канд. ист. наук. Смоленск, 2013; Смоленская губерния в Первой мировой войне. Смоленск: Край Смоленский, 2016.

⁴⁰ Кононов В.А. Смоленские губернаторы. 1711–1917. Смоленск, 2004; Кононов В.А. Институт губернаторства в дореволюционной России: взаимодействие губернской и центральной администраций, 1708–1917 гг.: На материалах Смоленской губернии: дис. ... канд. ист. наук. Смоленск, 2005.

⁴¹ Рабинович М.И. Классовая борьба в деревне в период реакции и нового революционного подъема (1907–1914 гг.) (По материалам Смоленской губернии): дис. ... канд. ист. наук. Смоленск, 1984; Кипров И.А. Создание и деятельность Смоленской организации партии социалистов-революционеров накануне и в период революции 1905–1907 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2003.

- выяснить структуру, количественный и социальный состав полиции и жандармерии Смоленской губернии в изучаемый период;
- исследовать роль и место полиции и жандармерии губернии в проведении мобилизационных мероприятий и в снабжении армии;
- изучить участие полиции и жандармерии в организации госпиталей и практику контроля над военнопленными и гражданами иностранных государств;
- рассмотреть деятельность жандармерии по охране железных дорог;
- описать участие в контрразведывательной деятельности жандармерии и полиции;
- показать действия полиции и жандармерии по обеспечению правопорядка на территории Смоленской губернии.

Для достижения поставленной цели и решения задач исследования был привлечен комплекс разнообразных **исторических источников**. В соответствии с характером содержащихся в них информации, источники можно разделить на пять групп: 1) нормативно-правовые акты; 2) делопроизводственная документация государственных и общественных учреждений (опубликованная и неопубликованная); 3) материалы периодической печати; 4) справочные и статистические издания; 5) источники личного происхождения.

В исследовании использованы *нормативно-правовые акты*, регламентировавшие права и обязанности местных государственных структур в лице губернатора, органов полиции и жандармерии.

Все законодательные акты, использованные в исследовании, можно разделить на акты обычного и акты чрезвычайного законодательства, а также на законы и подзаконные акты. Нормативно-правовые акты входят в состав Полного собрания законов Российской империи (до 1914 г.), в Свод законов Российской империи, а также в систематизированные сборники правовых актов.

Поскольку территория Смоленской губернии по правовому положению была поделена на два района (уезды с чрезвычайным положением и уезды с военным положением), то обязанности местной полиции и жандармерии во многом определялись довоенным законодательством: «Положением о мерах к

охранению государственного порядка и общественного спокойствия» 1881 г.⁴² и положением «О местностях, объявленных на военном положении».⁴³ В диссертационном исследовании использован сборник правовых актов О.И. Авербаха «Законодательные акты, вызванные войной».⁴⁴ Особое внимание в нем уделено «Положению о полевом управлении войск в военное время», регламентирующему взаимодействие полиции и жандармерии с военными властями.

В исследовании также привлекались акты обычного законодательства, поскольку структура, основные полномочия, формы деятельности полиции и жандармерии сложились в довоенное время и являлись основой их функционирования во время Первой мировой войны: «Общий наказ гражданским губернаторам»,⁴⁵ «Временные правила об устройстве полиции в городах и уездах»,⁴⁶ «Положение о корпусе жандармов»⁴⁷ и другие. Большое значение для нашего исследования имеют локальные акты, например, «Положение о мерах охраны высочайших путешествий по железным дорогам».⁴⁸

Использованная нормативно-правовая база позволила уяснить полномочия полиции и жандармерии Смоленской губернии в условиях двойственности правового статуса губернии и стала основой для изучения практической деятельности полиции и жандармерии в Первой мировой войне.

Делопроизводственная документация государственных и общественных учреждений подразделяется на неопубликованную документацию, хранящуюся в архивах, и на опубликованную.

⁴² Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия от 14 августа 1881 г // ПСЗ-III. Т. 1. №. 350.

⁴³ О местностях, объявленных на военном положении от 18 июля 1892 г // ПСЗ-III. Т. 12. №. 8757.

⁴⁴ Авербах О.И. Законодательные акты, вызванные войной 1914–1915 гг. Т. 1. Издание 2-е. Петроград, 1916.

⁴⁵ Общий наказ гражданским губернаторам от 3 июня 1837 г // ПСЗ-II. Т. 12. Отд. 1. № 10303.

⁴⁶ Временные правила об устройстве полиции в городах и уездах губерний по общему учреждению управляемых от 25 декабря 1862 г // ПСЗ-II. Т. 37. Отд. 2. № 38621.

⁴⁷ Положение о корпусе жандармов от 9 сентября 1867 г // ПСЗ-II. Т. 42. Отд. 2. № 44956.

⁴⁸ Положение о мерах охраны высочайших путешествий по железным дорогам. СПб., 1914.

В диссертационном исследовании использованы *неопубликованные материалы семнадцати* архивных фондов двух государственных архивов.

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ) представлен двумя фондами: фондом Департамента полиции Министерства внутренних дел (Ф. 102) и фондом Штаба Отдельного корпуса жандармов (Ф. 110).

Из фонда Департамента полиции МВД нами привлечены в основном дела второго и третьего делопроизводства. Это различные сведения, отчеты, справки, присылаемые в Департамент МВД смоленскими губернаторами, а также распоряжения и запросы, высылаемые из центра в губернию. В них содержится историческая информация о численности станowych приставов, урядников, конной стражи Смоленской губернии; о награждении чинов местной полиции, об их проступках, о жалобах на них местных жителей, ежемесячные (или дважды в месяц) отчеты о политической ситуации в губернии, о настроениях населения, о происшествиях и несчастных случаях. Эта информация позволила выяснить не только общие сведения об отношении центральной власти к действиям местной полиции и жандармерии, но и установить конкретные случаи и эпизоды, характеризующие деятельность полиции жандармерии Смоленской губернии.

В фонде Штаба Отдельного корпуса жандармов нами обнаружены материалы по филерскому подразделению, действовавшему на территории Смоленской губернии, а также отчетная документация, направляемая в центр из губернии.

Основной массив документов извлечен из фондов *Государственного архива Смоленской области (ГАСО)*. Это фонды Канцелярии смоленского губернатора (Ф. 1), Смоленского губернского правления (Ф. 2), Смоленского губернского по воинской повинности присутствия (Ф. 3), Смоленской губернской земской управы (Ф. 7), Дирекции народных училищ Смоленской губернии (Ф. 45), Смоленского уездного предводителя дворянства (Ф. 55), Смоленской городской управы (Ф. 65), Смоленского губернского императора Александра I мужской гимназии (Ф. 76), Смоленской мужской частной гимназии Н.П. Евневича (Ф. 79), Смоленского губернского комитета Всероссийского земского союза помощи

больным и раненым воинам, (Ф. 369), Поречский уездной земской управы, (Ф. 517), Приставов Смоленского городского управления (Ф. 1146), Управления смоленской местной бригады Московского военного округа (Ф. 1272), Смоленского губернского жандармского управления (Ф. 1289), Помощника начальника Смоленского губернского жандармского управления (Ф. 1411).

Наибольшее значение для нашего исследования имели фонды Канцелярии смоленского губернатора (Ф. 1), Смоленского губернского жандармского управления (Ф. 1289), и Помощника начальника Смоленского губернского жандармского управления (Ф. 1411).

В фонде Канцелярии смоленского губернатора сохранились документы характеризующие структуру, численность, состав полиции Смоленской губернии; отношения полиции и жандармерии, их обязанности, отношения с военными властями и действия полиции и жандармерии по выполнению тех или иных распоряжений военных властей и смоленских губернаторов. Это распоряжения смоленского губернатора, начальника Минского военного округа, начальника губернского жандармского управления, разнообразная переписка, справки, отчеты и т.п. Среди них особо следует отметить многочисленные формулярные списки чинов полиции и служащих полицейских управлений и обязательные постановления, издаваемые губернаторами, особыми комитетами железных дорог и военными властями. На основе изучения формулярных списков установлена численность, социальный состав, образовательный уровень, вероисповедование, продвижение по службе полицейских и служащих полицейских управлений губернии, а также их личное участие в деятельности полиции по обеспечению фронта и безопасности тыла.

Обязательные постановления позволили проанализировать методы управления, способы мобилизации населения на решение задач военного времени и регулирования безопасности на железных дорогах, а также отношение населения к различным аспектам жизни губернии в военное время и отношение к местной власти.

Материалы из фонда Смоленского губернского жандармского управления и фонда помощника начальника Смоленского губернского жандармского управления (инструкции, справки, отчеты, запросы и т.п.) содержат немного сведений о личном составе жандармерии. Однако они позволяют восстановить практики жандармерии по обеспечению мобилизационных мероприятий и безопасности тыла, включая способы и методы контрразведки; взаимоотношения с военными властями, губернаторами, полицией; действия по контролю над населением. Отдельного внимания заслуживают материалы по взаимодействию контрразведывательного отделения при штабе Минского военного округа и Смоленского губернского жандармского управления, среди которых выделяются инструкции по противодействию вражеской агентуре и революционным элементам.

К опубликованным делопроизводственным материалам относятся обзоры и отчеты государственных и общественных учреждений, разнообразные списки, журналы земских собраний и т.п., содержащие в себе данные по Смоленской губернии.⁴⁹ Сведения о Смоленской губернии, главным образом о численности населения и состоянии промышленности, содержится в Обзоре Смоленской губернии за 1913 г., который был приложением к последнему отчету губернатора. Во время войны подача ежегодных отчетов губернатора о состоянии дел в губернии была прекращена. К этой группе источников нами отнесены и приказы по Отдельному корпусу жандармов, которые содержат ведомственные приказы о назначениях по службе, распоряжения и инструкции, документы об обследовании деятельности некоторых жандармских управлений.⁵⁰

Материалы периодической печати представлены официальными и общественными центральными и местными периодическими изданиями:

⁴⁹ Обзор Смоленской губернии за 1913 год. Смоленск, 1915; Обзор деятельности по оказанию помощи больным и раненым войнам по Смоленской губернии. Выпуск первый. Смоленск, 1914; То же. Выпуск второй. Смоленск, 1915; То же. Выпуск третий. Смоленск, 1916; Отчет о деятельности Смоленского губернского Всероссийского земского союза по оказанию помощи беженцам, следовавшим через станцию Смоленск за время 17.5. 1915–1.11.1915 года. Смоленск, 1916 и др.

⁵⁰ Россия. Отдельный корпус жандармов. Приказы по корпусу жандармов за 1915 г. Пг., 1915.

«Правительственный вестник», «Нива», «Вестник Европы», «Смоленские губернские ведомости», «Смоленский вестник», «Смоленские епархиальные ведомости». Использование этой группы материалов позволило конкретизировать изучаемый материал и уточнить некоторые сведения. Особо следует отметить официальный орган местной администрации «Смоленские губернские ведомости». Сплошное изучение материалов этой газеты за весь изучаемый период позволило подтвердить массовый характер обязательных постановлений как важного средства управления во время Первой мировой войны. На страницах «Смоленского вестника» и «Смоленских епархиальных ведомостей» отразились наиболее значимые события и факты повседневной жизни смолян в изучаемое время.

В качестве *статистических и справочных материалов* нами использованы издания губернского статистического комитета, статистического отделения Смоленской губернской земской управы, центрального статистического управления, список Отдельного корпуса жандармов, словари и энциклопедии.⁵¹ Большую информацию краеведческого характера содержат Памятные книжки Смоленской губернии, а также общероссийское издание Центрального статистического управления «Россия в мировой войне 1914–1918 гг. (в цифрах)», которое дает возможность для сравнения смоленского и общероссийского материала.

Наконец, в диссертации привлечен материал источников личного происхождения. Это воспоминания командующего Отдельным корпусом жандармов В.Ф. Джунковского, руководителей политического сыска А.А. Спиридовича, Н.С. Батюшина, А.В. Герасимова, К.Д. Кафафова.⁵²

⁵¹ Памятная книжка Смоленской губернии на 1914 г. Смоленск, 1913; Памятная книжка на 1915 г., Смоленск, 1914; Россия в мировой войне 1914–1918 гг. (в цифрах). М., 1924; Новый энциклопедический словарь. Т. 14. Пг., 1916; Сборник статистических сведений по Союзу С.С.Р. 1918–1923. М., 1924; Список состава Отдельного корпуса жандармов. Исправлен по 1 июля 1915 г., первая и вторая части. Пг., 1915 и др.

⁵² Джунковский В.Ф. Воспоминания. Т. 2. М., 1997. Спиридович А.А. Записки жандарма. М., 1990; Н.С. Батюшин. Тайная разведка и борьба с ней. М., 2002; Герасимов А.В. На лезвии с террористами // «Охранка»: Воспоминания руководителей политического сыска. Т. 2. М., 2004.

Источники личного происхождения позволяют выявить отношение к происходящим событиям современников, а также уточнить события и факты, что позволяет получить более достоверную картину прошлого.

Методологической основой диссертационного исследования стали принципы научной объективности, историзма и системности. Принцип объективности предполагает непредвзятый и критический анализ всей совокупности использованных исторических источников. Согласно принципу историзма исторические события и явления рассматривались в контексте конкретного исторического времени, во взаимной связи и взаимообусловленности. В конкретном случае изменение правового статуса Смоленской губернии, обусловленное условиями Первой мировой войны, повлекло за собой расширение обязанностей полиции и жандармерии, средств и методов решения задач военного времени. События войны сказались на социально-экономическом развитии губернии, на динамике общественных настроений.

Использование принципа системности заключалось в стремлении раскрыть взаимосвязь институтов полиции и жандармерии в реализации полномочий военного времени. В то же время местная полиция и жандармерия рассматривались как элемент государственной системы России периода Первой мировой войны.

Историко-генетический метод позволил выявить довоенные обязанности жандармерии и полиции как они сложились изначально, в первой половине XIX века и во время Великих реформ Александра II. На основе историко-сравнительного метода изучалась ситуация и показатели деятельности полиции и жандармерии в сравнении с общероссийскими показателями и показателями по другим губерниям.

Применение количественного анализа позволило получить данные о численности полиции Смоленской губернии, о количестве несчастных случаев, о

нарушении обязательных постановлений жителями Смоленской губернии. Результаты количественного анализа представлены в семи таблицах.

Научная новизна состоит в том, что это первое специальное исследование, посвященное деятельности полиции и жандармерии Смоленской губернии в годы Первой мировой войны. Впервые изучены полномочия и деятельность полиции и жандармерии в связи с делением губернии на уезды с военным положением и уезды с чрезвычайным положением; впервые изучены структура и состав полиции и жандармерии, доказано единство их действий в решении задач военного времени и подчиненность местной административной власти. Впервые показана многогранная деятельность местной полиции и жандармерии на два фронта: в деле снабжения армии и обеспечения правопорядка в тылу. Новизна исследования заключается также во введении в научный оборот ранее неопубликованных источников.

Апробация результатов исследования. Основные результаты исследования отражены шести публикациях общим объемом 2,5 печатных листов, четыре из которых опубликованы в журналах, входящих в список рекомендованных ВАК для апробации результатов научных исследований. Автор принимал участие в международной научной конференции «Экстремальное в повседневной жизни населения России: история и современность (к 100-летию русской революции 1914 г.)» в Санкт-Петербурге. Диссертация обсуждалась и была рекомендована к защите на заседании кафедры истории России Смоленского государственного университета.

Структура диссертации включает в себя введение, три главы, разделенные на восемь параграфов, заключение, список использованных источников и литературы, приложения.

Глава I. Полиция и жандармерия Смоленской губернии в условиях военного и чрезвычайного положения: полномочия и состав

1.1 Правовой статус Смоленской губернии в годы Первой мировой войны и обязанности полиции и жандармерии

16 июля 1914 г. вследствие агрессии Австро-Венгрии по отношению к Сербии, по указу императора Николая II в России началась мобилизация армии и флота. Мобилизация на военную службу нижних чинов запаса и поставки в войска лошадей и повозок начали осуществляться и в части уездов Смоленской губернии: в Смоленском, Краснинском, Ельнинском, Юхновском, Вяземском, Гжатском и Рославльском.⁵³ 19 июля 1914 г. царским манифестом было объявлено о начале военных действий между Россией и Германией.

Вступление России в Первую мировую войну привело к видоизменению функций государственного аппарата. Новые требования к работе и организации государственных органов более всего были актуальны для западных регионов страны, для тех губерний, которые в первые дни войны оказались в непосредственной близости от фронта. Новые полномочия, а вместе с этим и обязанности, легли на представителей центральной власти на местах. Дополнительные функции по охране общественного спокойствия и государственной безопасности были возложены на жандармерию и полицию.⁵⁴

В 1913 г. Смоленская губерния относилась к губерниям, управляемым в соответствии с Общим учреждением, определявшим организацию административного аппарата.⁵⁵ Правовой статус губернаторов, помимо Общего

⁵³ Авербах О.И. Законодательные акты, вызванные войной 1914–1915 гг. Т. 1., издание 2-е. Петроград, 1916. С. 2.

⁵⁴ См.: Лысенко Л.М. Губернаторы и генерал-губернаторы Российской Империи (XVIII – начало XX века). Издание 2-е, исправленное и дополненное. М., 2001. С. 140.

⁵⁵ Общее учреждение губернское // Свод законов Российской империи. Кн. 1. Т. 2. СПб., 1912. С. 2, 24.

наказа, базировался и на Общем наказе гражданским губернаторам.⁵⁶ Губернаторы были в полном смысле слова начальниками губерний, управляя всеми сторонами жизни вверенной им территории: «блюстители неприкосновенности законов», они были обязаны «заботиться о благе жителей всех сословий», «повсюду охранять общественное спокойствие и безопасность» и несли ответственность за состояние всех дел в губернии. Для нашего исследования важно, что при этом губернаторы действовали «через земские и городские полиции».⁵⁷

Окончательное подчинение исполнительной полиции губернаторам произошло в результате полицейской реформы второй половины XIX века. По закону 25 декабря 1862 г. произошло объединение земской и городской полиции в уездных городах, земские исправники были переименованы в уездных исправников, назначаемых губернатором.⁵⁸ В пореформенное время стояла проблема реформирования института губернаторской власти.⁵⁹ Однако административно-полицейская реформа так и не была осуществлена вплоть до падения монархии.

Во второй половине XIX века можно выделить две основные функции губернатора: управленческую и надзорную по отношению к органам местного и городского самоуправления. Как известно, надзор со стороны губернатора за решениями земских и городских собраний регулировался земскими и городскими Положениями. Эта сторона губернаторской деятельности, достаточно хорошо изученная историками, осталась за рамками нашего исследования.⁶⁰

⁵⁶ Минаков А.С. Губернаторский корпус и центральная власть: проблема взаимоотношений. Орел, 2011. С. 80.

⁵⁷ Общий наказ гражданским губернаторам от 3 июня 1837 г // ПСЗ-II. Т. 12. Отд. 1. №. 10303. Ст. 1, 16, 38, 57.

⁵⁸ Временные правила об устройстве полиции в городах и уездах губерний по общему учреждению управляемых от 25 декабря 1862 г // ПСЗ-II. Т. 37. Отд. 2. №. 39087. Ст. 5, 13, 18 и др.

⁵⁹ См.: например, Блинов И.А. Губернаторы. Историко-юридический очерк. СПб., 1905.

⁶⁰ Жукова Л.А. Земское самоуправление и бюрократия в России: Конфликты и сотрудничество, 1864–1917 гг. М., 1998; Куликов В.В. Земские учреждения и правительственный контроль (вторая половина XIX – начало XX века). М., 2001.

Вместе с тем возможности губернаторской власти зависели от правового статуса территории, которой они управляли. В царствование Александра III для борьбы с нараставшим общественным движением были приняты специальные правовые режимы чрезвычайного⁶¹ и военного положения.⁶² Эти режимы ограничивали права и свободы жителей, усиливали контроль и возможности негласного наблюдения и значительно расширяли репрессивные возможности жандармерии и полиции.

Специфика правового статуса Смоленской губернии в годы Первой мировой войны заключалась в том, что ее территория была разделена на две части: на уезды с режимом военного положения и на уезды, где действовал режим чрезвычайной охраны. Эти правовые режимы были распространены на территорию Смоленской губернии царскими указами от 17 июля и 20 июля 1914 г.⁶³ В Смоленском, Краснинском и Поречском уездах, как «входящих в район театра военных действий и имеющих особо важное значение для интересов ...специально военных», вводилось военное положение. В остальных девяти уездах — положение чрезвычайной охраны.⁶⁴ Военное положение объявлялось также в губерниях, граничивших со Смоленской губернией: Витебской, Псковской (Псковский уезд) и Могилевской (Могилевский уезд).⁶⁵

Закон вводил режим чрезвычайного положения на шесть месяцев, через каждые полгода по закону он должен был подтверждаться или отменяться.⁶⁶ В результате весенне-летнего отступления русской армии 1915 г. фронт приблизился к Смоленской губернии. Уездные исправники ожидали изменения правового статуса своих уездов – перехода на режим военного положения.⁶⁷ По

⁶¹ Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия от 14 августа 1881 г // ПСЗ-III. Т. 1. № 350.

⁶² О местностях, объявленных на военном положении от 18 июня 1892 г // ПСЗ-III. Т. 12. № 8757.

⁶³ Авербах О.И. Законодательные акты, вызванные войной 1914–1915 гг. Т. 1. Петроград, 1916. С. 15; Смоленские губернские ведомости. 1914. № 32.

⁶⁴ ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. 1914. Д. 749. Л. 42; ГАСО. Ф. 1289. Оп. 1. 1914. Д. 413. Л. 3.

⁶⁵ Авербах О.И. Законодательные акты, вызванные войной 1914–1915 гг. Т. 1. Петроград, 1916. С. 15;

⁶⁶ ПСЗ-III. Т. 1. № 350. Ст. 12.

⁶⁷ ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. 1915. Д. 755. Л. 70.

указу от 30 августа 1915 г. деление Смоленской губернии на территории с военным и чрезвычайным положением было продлено до 4 марта 1916 г. и сохранилось до 1917 г.⁶⁸

Введение военного и чрезвычайного положения было осуществлено на основании довоенного законодательства. Согласно «Положению об охране государственного порядка и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 г., на отдельных территориях могли вводиться два особых правовых режима: усиленной и чрезвычайной охраны. В условиях войны эти режимы были направлены на сохранение государственного порядка и обеспечение безопасности тыла действующей армии.⁶⁹ Они расширяли круг обязанностей и прав местной администрации, повышали ответственность «частных лиц и административных властей за неисполнение обязанностей».⁷⁰

Режим усиленной охраны давал право губернаторам издавать обязательные постановления по предметам, относящимся «к нарушению общественного порядка и государственной безопасности»; «разрешать» и устанавливать в административном порядке за нарушение постановлений трехмесячный арест или денежный штраф в размере 500 рублей; воспрещать всякие народные, общественные и даже частные собрания, закрывать торговые и промышленные заведения.⁷¹

«Все статьи положения усиленной охраны сохраняли свою силу и при положении чрезвычайной охраны».⁷² Последнее давало губернаторам дополнительные полномочия. В условиях чрезвычайного положения губернатор имел право «учреждать для содействия полиции особые военно-полицейские команды»; изымать из подсудности общих судов «известного рода» преступления и проступки и «разрешать» их в административном порядке или предавать военным судам. Он получал широкие полномочия в отношении имущества

⁶⁸ Там же. Л. 251.

⁶⁹ Кудейкин В.Ю., Савинкин А.Е. Русский военный сборник. Выпуск 10. М., 1996. С. 90–91.

⁷⁰ ПСЗ-III. Т. 1. № 350. Ст. 5.

⁷¹ Там же. Ст. 15, 16.

⁷² Там же. Ст. 23.

частных лиц и доходов с них, если имущества и доходы использовались для достижения преступных целей: налагать секвестр на недвижимое имущество и арест – на движимое имущество и на доходы.⁷³

В условиях чрезвычайной охраны усиливались наказания за нарушение обязательных постановлений губернатора: губернатор имел право не только подвергать нарушителей аресту, но и заключать их в тюрьму или в крепость сроком на три месяца или подвергать штрафу, увеличенному в шесть раз и равному 3 тысячам рублей.⁷⁴ Кроме того чрезвычайное положение давало возможность губернатору в случае необходимости устранять от должности «чиновников всех ведомств», а также служащих земского, городского и сословного (дворянского и крестьянского) самоуправления; закрывать или приостанавливать очередные земские, городские и дворянские собрания, приостанавливать периодические издания, закрывать учебные заведения, хотя и на срок «не более месяца».⁷⁵

Таким образом, режим чрезвычайного положения давал губернаторам юридические права и возможность контролировать всю общественную жизнь на территории губернии и немедленно принимать решения, связанные с обеспечением общественного порядка и государственной безопасности. В исполнении возложенных на него обязанностей губернатор опирался на жандармерию и полицию.

В рамках положения чрезвычайной охраны значительно расширились репрессивные права жандармерии и полиции. Жандармы и полицейские могли предварительно задерживать всех лиц «внушающих основательное подозрение в совершении преступлений государственных или нарушающих существенные интересы армии» сроком на две недели, производить обыски «во всех без исключения помещениях» и налагать арест на имущество подозреваемых лиц.⁷⁶

⁷³ Там же. Ст. 26. б, в, г.

⁷⁴ Там же. Ст. 26. д.

⁷⁵ Там же. Ст. 26. е, ж, з, и.

⁷⁶ Там же. Ст. 23.

При обычном положении жандармерия и полиция имели права подвергать предварительному задержанию подозреваемых в государственных преступлениях лиц на срок не более семи дней и «производить у таких лиц обыски и выемки».⁷⁷ В условиях чрезвычайной охраны подозрительные лица задерживались на срок до двух недель, а по распоряжению губернатора – до одного месяца. Жандармерия и полиция, по распоряжению местных начальников полиции и начальников жандармских управлений, могли также «производить во всякое время обыски» и арестовывать имущество, губернатор имел право, как говорилось выше, «учреждать для содействия существующим органам полиции особые военно-полицейские команды».⁷⁸

Административные полномочия губернатора в рамках чрезвычайного положения были настолько велики, что приравнивались к распоряжениям военного командования, за нарушение распоряжений которых назначалась та же максимальная мера: арест и (или) тюремное заключение на три месяца и штраф в три тысячи рублей.

Военное положение отменяло нормы чрезвычайной охраны.⁷⁹ В условиях военного положения губернатор осуществлял общее управление территорией, его обязанности трактовались довольно широко и сводились к содействию военным властям «по исполнению лежащих на них обязанностей», включая сбор сведений о благонадежности населения.⁸⁰

Роль губернатора и государственных структур в уездах, объявленных на военном положении, строилась на подчиненности последних военным властям в лице командующего армией, который мог по своему усмотрению отменить решения губернатора, которые касались охраны государственного и общественного спокойствия, а так же давать соответствующие предписания для исполнения.⁸¹

⁷⁷ Там же. Ст. 28.

⁷⁸ Там же. Ст. 21, 26.

⁷⁹ ПСЗ-III. Т. 12. № 8757. Ст. 8.

⁸⁰ Там же. Ст. 14, 16.

⁸¹ Приложения к положению о полевом управлении войск в военное время (№ 1–17). СПб., 1914. С. 3–4.

В условиях чрезвычайного и военного положения губернатор объединял деятельность жандармерии и общей полиции. В приказе Министра внутренних дел по корпусу жандармов от 8 ноября 1915 г. говорилось, что в военное время за губернаторами сохраняется общее управление губернией и возлагается ответственность за «объединение на местах всех мероприятий и действий, вызываемых условиями военного времени».⁸²

Одним из важнейших средств принятия управленческих решений для губернатора становились общеобязательные постановления.

Издание обязательных постановлений уже входило в компетенцию губернатора. Такое право он получил 13 июля 1876 г.⁸³ А.С. Минаков проанализировал содержание закона 1876 г., а также отличия общеобязательных постановлений от тех, которые губернаторы издавали в условиях чрезвычайного положения.⁸⁴

А.С. Минаков показал, что во время Первой мировой войны, даже в тех губерниях, где не было чрезвычайного положения, обязательные постановления приняли «массовый характер», а губернаторские отчеты больше не имели такого значения, поскольку на «большой части страны» их предоставление прекратилось.⁸⁵

Продолжая линию сравнения обязательных постановлений губернатора по законам 1876 г. и 1881 г., мы отметим, что наказание по закону 1876 г. было незначительным по сравнению с 1881 г. – не выше 15 рублей.⁸⁶ Постановления губернаторов после 1876 г. можно было обжаловать, а главное – они принимались по инициативе губернатора, который отсылал копию министру внутренних дел «с

⁸² Россия. Отдельный корпус жандармов. Приказы по корпусу жандармов. За 1915 год. Пг., 1915. № 3. С. 71.

⁸³ О предоставлении местным административным властям права издавать обязательные постановления от 13 июля 1876 г // ПСЗ-II. Т. 51. Отд. 2. №. 56203.

⁸⁴ Минаков А.С. Губернаторский корпус и центральная власть: проблема взаимоотношений. Орел, 2011. С. 347–348.

⁸⁵ Там же. С. 10.

⁸⁶ Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями от 20 ноября 1864 г // ПСЗ-II. Т. 39. Отд. 2. №. 41478. Ст. 29.

объяснением причин, побудивших <...> принять ту или иную меру».⁸⁷ Начиная с 1914 г., за нарушение обязательных постановлений назначались более суровые наказания, и от губернатора не требовалось объяснений.

Кроме того, как правило, постановления принимались в развитие решений вышестоящих властей или военного командования. Порой это приводило к правовым коллизиям и вызывало требования вышестоящих властей об отмене обязательных постановлений. Например, одним из первых законов военного времени был сухой закон от 13 октября 1914 г., который «воспрещал вообще продажу или отпуск водки, пива, портера, виноградных вин и вообще всех видов спиртных и крепких напитков всех без всякого изъятия местах и общественных собраниях».⁸⁸

В целях реализации этого закона губернаторы на местах, включая смоленского, издали по несколько обязательных постановлений, что только усилило проблему самогонварения. В августе 1915 г. Министерство внутренних дел обратилось к губернаторам с просьбой «пересмотреть постановления», а в июне 1916 г. «в целях борьбы с развивающимся повсеместно тайным приготовлением и сбытом крепких напитков и суррогатов» настаивало на смягчении требований обязательных постановлений.⁸⁹

Поскольку обязательные постановления носили массовый характер, следует провести их квалификацию. Выделим постановления по территории действия и по содержанию обязательных норм. По территории действия обязательные постановления можно разделить на постановления, издаваемые для жителей уездов, состоящих на военном положении, и постановления для жителей уездов на положении чрезвычайной охраны. Обязательные постановления в районе военного положения издавал начальник Минского военного округа, но исполнение его возлагал на губернатора и местные полицейские власти. Так, 27 августа начальник Минского военного округа издал постановление о реквизиции для перевозки беженцев и грузов всех пароходов и барж, курсирующих в

⁸⁷ ПСЗ-П. Т. 51. Отд. 2. №. 56203. п. 6.

⁸⁸ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 73. 1915. Д. 10 ч. 7. Л.3.

⁸⁹ Там же. Л. 33, 79–79 об.

пределах Смоленского, Краснинского и Поречского уездов, а ответственность за выполнение этого постановления возложил на губернатора.⁹⁰

Часто постановления губернатора для уездов с чрезвычайным положением дублировали постановления начальника Минского военного округа. Например, 30 августа 1915 г. начальник Минского военного округа издал обязательное постановление о привлечении всех мужчин на работы, связанные с государственной обороной, если этого требовали административные и полицейские власти.⁹¹ 19 сентября аналогичное по содержанию обязательное постановление издал смоленский вице-губернатор В.Ю. Фере для уездов с режимом чрезвычайного положения. Правда, с одним существенным дополнением: вице-губернатор требовал от жителей губернии, чтобы они беспрекословно подчинялись требованиям и указаниям военных, в распоряжение которых они поступали.⁹²

По содержанию обязательные постановления периода Первой мировой войны можно условно разделить на две группы. Во-первых, это были постановления, направленные на обеспечение правопорядка и ограничение свободы населения, которыми оно пользовалось в мирное время (правила торговли, правила поведения на железных дорогах, в общественных местах, паспортного режима и др.) Вторая группа обязательных постановлений губернатора была связана с обеспечением армии и лиц, потерпевших от военных действий.

Это деление постановлений носит условный характер. Обязательные постановления были вызваны потребностями военного времени, направлены на достижение победы и были обусловлены правовым статусом губернии. Вместе с тем такое деление показывает объем деятельности губернатора, органов полиции и жандармерии в Смоленской губернии в годы Первой мировой войны.

Уже в 1914 г. губернатор Д.Д. Кобеко издал обязательное постановление о передаче военным судам ряда тяжких уголовных преступлений: о разбое, об

⁹⁰ ГАСО. Ф. 1. Оп. 7. 1915. Д. 1255. Л. 1.

⁹¹ ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. 1914. Д. 699. Л. 50.

⁹² ГАСО. Ф. 1. Оп. 7. 1915. Д. 1255. Л. 2.

умышленном поджоге, об умышленном истреблении телеграфного, телефонного и железнодорожного имущества, о вооруженном сопротивлении властям, об устройстве стачек, об изготовлении взрывчатых веществ. Кроме того, в обязательном постановлении говорилось о рассмотрении в административном порядке дел об оскорблении полицейских или сельской стражи «во время отправления должностей», о самовольном оставлении места жительства и о незаконной продаже крепких напитков.⁹³

При чрезвычайном положении губернатор получал звание Главноначальствующего, а если имел военный чин, то помимо гражданского управления на него возлагались обязанности командования войсками, расположенными «на вверенной ему территории».⁹⁴ Смоленские губернаторы периода Первой мировой войны не имели военных званий. В 1914–1917 гг. Смоленскую губернию поочередно возглавляли Д.Д. Кобеко (1912–1914 гг.), Б.А. Булгаков (1914–1915 гг.), К.А. Шумовский (1915–1917 гг.).

В биографиях Дмитрия Дмитриевича Кобеко (род. 1867 г.) и Бориса Андреевича Булгакова (род. в 1877 г.) было много общего. Кобеко и Булгаков закончили Александровский лицей (бывший Царскосельский), который готовил чиновников гражданской службы, и начали свою службу в качестве чиновников МВД, постепенно поднимаясь по служебной лестнице. Оба дослужились до действительных статских советников. В 1907 г. Кобеко был назначен тульским губернатором, а 31 декабря 1912 г. переведен на должность смоленского губернатора. Б.А. Булгаков, сменивший Кобеко, получил назначение 3 ноября 1915 г. Кобеко и Булгаков принимали в Смоленске императора Николая II. Одним из значительных событий предвоенного времени для Смоленска явилась закладка памятника героям Отечественной войны 1812 г., на котором присутствовал император Николай II. Император посетил Смоленск и в начале войны, 20 ноября

⁹³ ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. 1914. Д. 694. Л. 2–2 об.

⁹⁴ ПСЗ-III. Т. 1. № 350. Ст. 26 а.

1914 г., когда в качестве исполняющего обязанности смоленского губернатора его встречал Б.А. Булгаков.⁹⁵

Последний из смоленских губернаторов, Константин Антонович Шумовский (род. в 1865 г.) получил образование юриста в Московском императорском университете. До 1891 г. Шумовский служил во 2-ой Гренадерской артиллерийской бригаде. Затем, после ухода в отставку, был участковым земским начальником Тарусского уезда Калужской губернии и, видимо, хорошо знал сельскую жизнь и проблемы среднерусской деревни. 1 сентября 1915 г. Шумовский был назначен на должность смоленского губернатора, которую оставил по решению Временного правительства 7 марта 1917 г.⁹⁶

Еще одной особенностью правового статуса Смоленской губернии в годы войны было деление ее территории в военном отношении на три части: на зоны Петроградского, Московского и Минского военного округов. Это усложняло деятельность местной администрации, которая контактировала с командованием сразу трех военных округов, а губернатор, являясь председателем губернского по военным делам присутствия, руководил мобилизациями и реквизициями по распоряжению начальников военных округов. Не было единого управления и на железных дорогах.

К Петроградскому и Московскому военным округам относились уезды с режимом чрезвычайного положения. В Петроградский военный округ вошли Бельский, Духовщинский, Дорогобужский и Сычевский уезды, к Московскому округу были приписаны Вяземский, Гжатский, Ельнинский, Рославльский и Юхновский уезды.⁹⁷ В этих уездах все мобилизационные и другие мероприятия военного характера осуществлялись начальниками этих округов при содействии гражданских властей и правоохранительных органов Смоленской губернии.

Вместе с тем следует сказать, что в условиях войны повсеместно доминировали нормы военного положения. 24 сентября 1914 г. «Смоленские

⁹⁵ Кононов В.А. Смоленские губернаторы. 1711–1917. Смоленск, 2004. С. 362–369.

⁹⁶ Там же. С. 370–374.

⁹⁷ ГАСО. Ф. 1. Оп. 6. 1915. Д. 117. Л. 419–421.

губернские ведомости» опубликовали указ Николая II, который расширял полномочия военных властей на территориях с режимом чрезвычайной охраны. Ссылаясь на обстоятельства военного времени, император уполномочил командующих военными округами в местностях, объявленных на положении чрезвычайной охраны, использовать меры из правил о местностях, объявленных на военном положении.⁹⁸

Полиция и жандармерия участвовали в проведении частных и общих реквизиций имущества и продовольствия у населения, контролировали запрет на вывоз из уездов любых предметов (строительные материалы, продовольствие, медицинские средства, фураж и т.д.), которые могли пойти на нужды армии.⁹⁹

Полиция и жандармерия оказывала содействие военным властям по вопросам перемещения «всяких лиц, навыки и способности которых могли быть использованы в военных целях»; в вопросах перемещения важных для ведения войны, орудий и материалов, продовольственных и перевязочных средств, а также иных предметов, которые могли быть необходимы действующей армии. Полиция организовывала население для «уничтожения строений и истребления иных преград», мешающих действиям и передвижению армии, а также тем, которые могли быть выгодны неприятельским силам.¹⁰⁰

Полиция оказывала содействие в учете и призыве в действительную службу нижних чинов запаса армии и флота; в выдаче свидетельств и удостоверений, а также в исполнении других обязанностей, закрепленных Уставом о воинской повинности. Полицейские извещали вдов нижних чинов и приходских священников о смерти их мужей; наблюдали за своевременным возвращением на военную службу нижних чинов после ранения и отпуска.¹⁰¹ В свою очередь гражданские власти, городские и земские управы должны были оказывать всякое содействие военным властям в вопросах, касающихся благонадежности населения

⁹⁸ Смоленские губернские ведомости. 1914. № 37.

⁹⁹ Приложения к положению о полевом управлении войск в военное время (№ 1–17). СПб., 1914. С. 3.

¹⁰⁰ Там же. С. 3–4.

¹⁰¹ Русский военный сборник. Выпуск № 10. М., 1996. С. 98.

и определенных лиц, а все полученные сведения по данным вопросам должны были собираться «максимально оперативно и иметь секретность».¹⁰²

В целом можно сказать, что обязанности жандармерии и полиции в уездах с режимом чрезвычайной охраны были сфокусированы на выполнении задач военного времени. Они заключались в проведении реквизиций и мобилизаций, в «содействии военным властям» по вопросам передвижения людей и грузов, в обеспечении безопасности тыла.

Эти обязанности были возложены на полицию и жандармерию и в уездах с режимом военного положения. При этом формула «содействие военным властям» на территориях с режимом военного положения получала расширительное толкование.

Как говорилось выше, Смоленский, Поречский и Краснинский уезды Смоленской губернии входили в Минский военный округ. Штаб Минского военного округа и его командующий до 1915 г. базировались в Минске, а затем переехал в Смоленск. Главным начальником Минского военного округа 19 июля 1914 г. был назначен генерал от кавалерии барон Е.А. Рауш фон Траубенберг.¹⁰³ На этом посту генерал Рауш встретил отречение Николая II. 3 марта 1917 г. он был арестован солдатами тыловой автомобильной части Смоленска.¹⁰⁴

Для борьбы с антигосударственными преступлениями к штабу Минского военного округа от Отдельного корпуса жандармов был прикомандирован ротмистр Науменко.¹⁰⁵ Минский военный округ был разделен на военно-следственные участки. Краснинский, Поречский и Смоленский уезды вместе с Минской губернией (без Минского, Пинского и Новогрудского уездов) были отнесены ко второму участку во главе с полковником Городецким. Центр второго участка до 1915 г. также находился в Минске, а затем перебазировался в Смоленск. В местностях, объявленных на военном положении, действовали

¹⁰² Смоленские губернские ведомости. 1914. № 41.

¹⁰³ ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. 1914. Д. 699. Л. 1.

¹⁰⁴ Ильюхов А.А. Революция 1917 года на Смоленщине. Хроника событий. Смоленск, 2007. С. 19.

¹⁰⁵ ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. 1914. Д. 699. Л. 5.

нормы Военно-судебных уставов, которые распространялись на военные учреждения и все заведения военного ведомства, а также на гражданских лиц в случае совершения ими уголовных преступлений.¹⁰⁶

По распоряжению главного начальника Минского военного округа генерала Рауша фон Траубенберга от 2 августа 1914 г. лица, не принадлежащие к военному ведомству, подлежали военному суду и наказанию по законам военного времени вплоть до смертной казни по ряду умышленных преступлений. Перечень преступлений включал в себя: бунт против верховной власти или государственную измену; умышленный поджог или порчу военного имущества и принадлежащего армии продовольствия и фуража; умышленное уничтожение или повреждение водопроводов и шлюзов; порчу или уничтожение телеграфного или телефонного сообщения, железнодорожных путей; нападение на часового или военный патруль. Также из-под общей юрисдикции передавались на рассмотрение военному суду следующие категории дел: разбой; грабеж, поджог или подтопление, если дело касалось казенного имущества; умышленное истребление или повреждение частного имущества с помощью легковоспламеняющихся средств (газ, порох и т.д.).¹⁰⁷

С самого начала войны Смоленск приобрел для Минского военного округа большое значение, поскольку здесь располагались его запасные части и многочисленные службы и подразделения.¹⁰⁸ Начальником гарнизона Смоленска был начальник 9 запасной бригады генерал-лейтенант Дэви.¹⁰⁹ В августе 1914 г. из жителей Смоленского, Краснинского и Поречского уездов были сформированы ополченские части, которые вошли в 31-ую бригаду государственного ополчения под командованием генерал-майора Волкова.

24 августа 1914 г. Николай II, стремясь поддержать патриотические настроения, распорядился передать формирующимся дружинам старые

¹⁰⁶ Там же. Л. 10 об, 196 об.

¹⁰⁷ Смоленские губернские ведомости. 1914. № 32.

¹⁰⁸ Щеров И.П. Военная миграция в России (1914 – 1922 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Смоленск, 2001. С. 50.

¹⁰⁹ ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. 1914. Д. 699. Л. 139.

ополченческие знамена, хранившиеся в кафедральных соборах. Ополченческое знамя представляло собой зеленое полотнище с ополченческим крестом и надписью «За Веру, Царя и Отечество».¹¹⁰

Губернский центр также находился на военном положении, поэтому по распоряжению начальника Минского военного округа в городе появлялись новые должностные лица, которые напрямую были подчинены военному командованию Минского военного округа. 2 сентября 1914 г. в Смоленске была учреждена должность военного цензора «почтово-телеграфных отправок». В начале сентября в Смоленске действовал дополнительный эвакуационный пункт для эвакуации вглубь России военнослужащих, выписанных из госпиталей Смоленска и Орши; три продовольственных магазина (два базисных и один запасной) Минского военного округа, особый фуражный магазин первого класса, холодильный склад и другие службы.¹¹¹

Начиная с 1914 г., в Смоленске и других уездных городах дислоцировались запасные воинские части. Так, в 1914 г. в Смоленске находились шесть пеших дружин, конная сотня и саперная полурота. Помимо Смоленска запасные части располагались в Белом, Ельне, Дорогобуже, Поречье, Рославле, Духовщине, Вязьме и Сычевке. Свободными от присутствия воинских частей были только Гжатск, Юхнов и Красный.¹¹² К сентябрю 1914 г. только в Смоленске было размещено около 28 тысяч военных,¹¹³ а к началу 1917 г. – более 100 тысяч человек,¹¹⁴ что привело к удвоению довоенного числа жителей губернского города.

Руководство Минского военного округа занималось самым широким кругом проблем, так или иначе связанных с обеспечением безопасности тыла действующей армии. Основным инструментом воздействия на местное население, способом принуждения к выполнению разного рода обязанностей в руках

¹¹⁰ Там же. Л. 30 об., 68.

¹¹¹ Там же. Л. 49 об., 50 об., 62, 230, 238.

¹¹² ГАСО. Ф. 1. Оп. 7. 1915. Д. 604. Л. 2.

¹¹³ ГАСО. Ф. 65. Оп. 2. 1914. Д. 1559. Л. 35, 119.

¹¹⁴ Кононов В.А. Смоленские губернаторы. 1711–1917. Смоленск, 2004. С. 374.

военного командования также были обязательные постановления, исполнение которых всецело возлагалось на правоохранные органы. Командование Минского военного округа издавало постановления, регламентирующие не только проведение мобилизаций или реквизиций, но и экономическую жизнь уездов.

В 1914 г. с целью поддержания стабильности денежной единицы генерал Рауш издал обязательное постановление, запрещающее отказываться от принятия государственных кредитных билетов или занижать их номинальную стоимость. Население не имело право скрывать у себя запасы разменной серебряной и медной монеты свыше количества, требуемого для личной надобности. При этом при покупках на сумму менее 25 копеек покупатель обязан был выплачивать эту сумму разменной монетой, при покупках от 25 копеек до 50 копеек он имел право требовать сдачи с 50 копеек, и при покупках свыше 50 копеек – сдачу с рубля. По нормам обязательного постановления воспрещалось распространять ложные слухи «об отсутствии или недостаточности» в обращении серебряной и медной монеты, а также и другие сведения, имеющие целью подорвать доверие к государственным кредитным установлениям, в том числе и государственным сберегательным кассам.¹¹⁵

В октябре 1914 г. на территории местностей Смоленской губернии, объявленных на военном положении, произошло правовое ужесточение правил торговли. 10 октября 1914 г. штаб Минского военного округа издал обязательное постановление, в котором строжайше воспрещалось любая покупка предметов воинского снаряжения, обмундирования и обуви. В качестве наказания лиц ждал штраф в размере до 3000 рублей, либо заключение в крепости до 3 месяцев.¹¹⁶

Вследствие введения на территории Смоленской губернии двух правовых режимов, закон предусматривал взаимодействие гражданских и военных властей для достижения общих целей управления и достижения победы. Непосредственно совместная деятельность административных властей и военного ведомства на

¹¹⁵ ГАСО. Ф.1. Оп. 8. 1915.Д. 810. Л. 32.

¹¹⁶ Смоленские губернские ведомости. 1914. № 41.

местах регламентировалась «Правилами для взаимных отношений военных и гражданских властей». В данном документе устанавливалось, что губернатор как главный начальник гражданской части в губернии и командующий военным округом, пользовались равными правами – «каждый по своей части».¹¹⁷

Тем не менее, не только гражданские власти и правоохранительные органы оказывали содействие военным властям, но и военные власти обязаны были оказывать помощь гражданским властям в деле поддержания правопорядка. В случае необходимости военное начальство должно было немедленно высылать команды для содействия полиции. На территориях, где были размещены военные части, ежедневно назначались дежурные отряды, состав которых определялся по соглашению гражданских и военных властей. В городах и уездах устраивались дозоры и разъезды военных, формировавшиеся в помощь полиции для охраны общественного спокойствия.¹¹⁸

«Правила о призыве войск для содействия гражданским властям» устанавливали возможность использования войсковых подразделений при охране церковных торжеств, при тушении всякого рода пожаров, при задержании арестантов, находящихся в бегах и для прекращения угрожающих общественной безопасности народных беспорядков, массовых сопротивлений гражданским властям, насильственного похищения или разрушения имущества. В случае, если военное начальство получало требование от гражданских властей или губернской полиции об использовании армейских подразделений, начальник военной команды мог действовать по своему усмотрению всеми теми способами, которые считал уместными в сложившейся ситуации. При этом он имел право применять холодное и огнестрельное оружие.¹¹⁹

Таким образом, в годы Первой мировой войны в Смоленской губернии действовали правовые режимы военного и чрезвычайного положения. Они имели целью обеспечение государственного порядка и общественного спокойствия, проведение мобилизационных мероприятий на всей территории губернии, а также

¹¹⁷ Кудейкин В.Ю., Савинкин А.Е. Русский военный сборник. Выпуск 10. М., 1996. С. 97.

¹¹⁸ Там же. С. 94.

¹¹⁹ Там же. С. 95.

обеспечение безопасности в тылу действующей армии. Эти правовые режимы были рассчитаны на совместные действия военных и гражданских властей в деле достижения общей победы над врагом.

Основным инструментом воздействия на население губернии являлись обязательные постановления губернаторов и военных властей. Вместе с тем губернатор оставался главой местной администрации. Управление губернией существенно осложнилось и с точки зрения общей социально-экономической и политической ситуации, и с точки зрения переплетения властных отношений. В условиях военного и чрезвычайного положения значительно расширились полномочия полиции и жандармерии.

1. 2 Смоленская полиция в годы Первой мировой войны

В решении задач, вызванных войной, губернатор опирался на чиновников всех губернских и уездных учреждений, на общественные организации, на органы земского и городского самоуправления. Однако основной исполнительной силой губернской администрации была общая и политическая полиция.

В советской историографии институты полиции и жандармерии рассматривались в качестве репрессивной силы, подавлявшей революционное и общественное движение, и оценивались негативно. Но помимо обязанностей, связанных с подавлением антивоенных и антиправительственных выступлений, полиция и жандармерия занимались защитой населения от преступлений, обеспечивали выполнение обязательных постановлений и законов.

В связи с этим большое значение имеет вопрос о численности полиции, социальном и материальном положении чинов полиции и служащих полицейских управлений. Речь идет о возможности со стороны правоохранительных органов выполнять возложенные на них обязанности, а также о связи местной полиции с жителями губернии. Можно ли утверждать, что полицейский аппарат был достаточным для решения возложенных на него задач? Можно ли утверждать, что

полиция была оторвана от проблем, с которыми сталкивалось население губернии, и по существу являлась антинародной силой?

Структура и обязанности полиции во время Первой мировой войны в значительной мере определялись законодательными актами пореформенного времени. Начиная с 1880 г., полиция и жандармерия входили в Департамент полиции МВД. Основные полномочия полиции и жандармерии в начале XX века заключались в предупреждении и пресечении преступлений и охране общественного порядка, включая борьбу с государственными преступлениями.¹²⁰ При этом полиция занималась общеуголовными и административными правонарушениями, жандармерия – государственными.

В результате полицейской реформы 1862 г. произошло объединение уездной и городской полиции, и были созданы уездные полицейские управления, которые выполняли полицейские функции на территории уездов и уездных городов. В губернских городах создавались городские полицейские управления.

В Смоленской губернии действовало 13 полицейских управлений: 12 уездных и одно Смоленское городское. Во главе городского полицейского управления стоял смоленский полицмейстер, во главе уездных управлений – исправники, назначаемые МВД по соглашению с губернаторами. В состав полицейского управления помимо исправника входили его помощник, городской надзиратель, а если были городские части – городские приставы, а также становые приставы. Губерния подразделялась на 34 полицейских стана и 239 волостей.¹²¹ Территории станов были подведомственны становым приставам. В их подчинении находились урядники, действовавшие в волостях и опиравшиеся на сельскую стражу. Как следует из таблицы № 2, в городах Смоленской губернии служило 19 городских надзирателей или приставов. Территории шести городов (Смоленска, Белого, Гжатска, Дорогобужа, Поречья, Рославля) были разделены на городские участки. Смоленск делился на три городских участка, каждый из пяти вышеназванных уездных городов – на два полицейских участка. В остальных

¹²⁰ Свод законов Российской империи. Т. 1. СПб., 1912. Ст. 185.

¹²¹ Краткие хозяйственно-статистические сведения по Смоленской губернии. Смоленск, 1912. С. 18.

шести городах губернии не было деления на городские участки, и в них действовало по одному городскому надзирателю.

Еще в досоветской литературе утвердилось мнение о большой численности полицейского аппарата в дореволюционной России. Н.А. Рубакин считал, что к началу XX в. «из общей цифры (435818) чиновников около одной четверти» приходилось на полицию.¹²² В изучаемый период численность полиции в Смоленской губернии составляла около тысячи человек – 968 человек, из которых 89 человек служили в полицейских управлениях (таблица №1), 239 человек были урядниками и 640 человек представляли конную полицейскую стражу (таблица №4). Инспектором конно-полицейской стражи был начальник Смоленского губернского жандармского управления, который руководил строевой подготовкой конных стражников.¹²³ Однако в вопросах несения службы конная стража подчинялась исправникам. В целом, можно сказать, что полицейская стража выполняла распоряжения как жандармерии, так и полиции.

В начале 1914 г. в Смоленской губернии проживало более 2 млн. жителей: 2110384 человек.¹²⁴ Следовательно, на каждого полицейского приходилось более двух тысяч жителей – 2180 человек. В сельской местности было 913 полицейских (становых приставов, урядников и стражников), в городах – 30 полицейских (14 чинов Смоленского городского управления и 16 уездных городских приставов). В сельской местности проживало 1910353 человек, в городах – 200031 человек.¹²⁵ Таким образом, в сельской местности один полицейский приходился на 2092 человек, в городах – на 6 667 человек.

В эти расчеты не включены должности исправников и помощников исправников, ответственность которых распространялась на город, и на деревню. Такой разрыв в количестве полицейских на число городских и сельских жителей объяснялся компактным проживанием городских жителей и стремлением власти

¹²² Рубакин Н.А. Много ли в России чиновников (Из «этюдов о чистой публике») // Вестник Европы. 1910. № 1. С. 111–134.

¹²³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 124. 1915. Д. 66. ч. 7. Л. 11.

¹²⁴ Обзор Смоленской губернии за 1913 год. Смоленск, 1915. С. 18.

¹²⁵ Там же. Табл. VIII (приложение).

сохранять контроль над крестьянством, от которого исходила потенциальная угроза антиправительственных выступлений. Кроме того, на полицию была возложена функции побуждения крестьянства к выполнению государственных и денежных повинностей, которые увеличились в военное время.

Как можно интерпретировать эти цифры? У нас нет данных для сравнения. В отечественной историографии при расчете числа чиновников учитываются различные категории: собственно бюрократия, полиция, жандармы, преподаватели и т.п.¹²⁶ Учитывая неразвитость инфраструктуры, можно предположить, что численность полицейского аппарата была не слишком большой. Основная тяжесть несения полицейской службы ложилась на низовой полицейский аппарат.

Штаты полицейских управлений и урядников в годы войны комплектовались полностью. Некоторый недобор (7%) наблюдался лишь в составе полицейской стражи. Как видно из таблицы № 4, в июле 1915 г. в составе конной полицейской стражи губернии не хватало 45 стражников: вместо 640 человек стражников службу несли 595 человек. Из состава полицейских управлений на военную службу было призвано в 1914 г. 7 человек (четверо канцелярских служащих из крестьян и трех полицейских), должности которых были замещены другими лицами.¹²⁷ К тому же с августа 1915 г. в Смоленске находились «эвакуированные из других губерний нижние чины полиции, городовые и стражники. Они были прикомандированы к различным учреждениям Смоленска и несли одинаковые со смоленской полицией обязанности.¹²⁸

Следует также учитывать, что в полиции для «пользы службы» производились переводы полицейских из одного места на другое без продвижения по службе как в довоенное время, так и во время войны. Так, помощник Вяземского уездного исправника П.Г. Куликовский служил помощником Ельнинского исправника, затем с 1914 г. – сычевским исправником,

¹²⁶ Миронов Б.Н. Социальная история России. Т. 2. СПб., 2003. С. 201.

¹²⁷ ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. 1916. Д. 1036. Л. 58 об–59; 61 об–62; Д. 1019. Л. 26 об–27, 90; Д. 1020, Л. 96; и др.

¹²⁸ ГАСО. Ф. 1. Оп. 6. 1915. Д. 117. Л. 393.

в сентябре 1915 г. на посту вяземского исправника его заменил И.Ф. Алейник, бывший пристав Вязьмы. Тогда же в сентябре 1915 г произведены перемещения пристава и помощника пристава Вязьмы.¹²⁹ Рославльский исправник Н.А. Блюм в июне 1915 г. был переведен на должность юхновского исправника.¹³⁰ Переходы полиции с одного места службы на другое были настолько часты, что при публикации справочных книг специально выделялось место для информации о тех, кто перевелся «во время печатания памятной книжки». В Памятной книжке на 1915 г. читаем: «полицейские надзиратели гор. Сычевки <....> Федор Забелин и гор. Юхнова Василий Иванов переведены один на место другого».¹³¹ Но эти переводы не сказывались на общей численности полиции в Смоленской губернии, так как происходили внутри структуры губернской полиции.

Как это видно из таблицы № 3, в полицейских управлениях работало 83 человека канцелярских чиновников полицейских управлений (столонячки, регистраторы, служащие), которые являлись ближайшим резервом полицейских чинов уездных управлений и были близки им по социальному статусу. Из формулярных списков чинов полиции можно видеть, что бывали случаи, когда они начинали свой путь в полиции урядниками и переходили затем в канцелярские служащие, а затем – в полицейские. Например, канцелярский служащий Краснинского уездного полицейского управления И.К. Зичевский из урядников перешел в канцелярские служащие, после того как «выдержал испытание в Краснинском городском училище».¹³² Во время войны канцелярские служащие привлекались к проведению мобилизаций и других мероприятий, связанных с войной. В 1914 г. О.А. Чепиков, канцелярский служащий Смоленского городского полицейского управления, получил бронзовую медаль за «труды по отличному выполнению всеобщей мобилизации».¹³³

¹²⁹ ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. 1916. Д. 1022. Л. 38 об–39, 72 об–81.

¹³⁰ ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. 1916. Д. 1021. Л. 82.

¹³¹ Памятная книжка Смоленской губернии на 1915 год. Смоленск, 1914. С. 2.

¹³² ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. 1916. Д. 1036. Л. 107 об.

¹³³ ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. 1916. Д. 1019. Л. 16.

Наконец, канцелярские служащие принимали разного рода заявления и жалобы от жителей, распоряжения от вышестоящего начальства и от их умения и добросовестности также зависела работа полицейских управлений.

У нас имеются данные о 79 полицейских из 89, служивших в городском и уездных полицейских управлениях Смоленской губернии в конце 1914 г. (таблица № 2). Самым многочисленным было Смоленское городское полицейское управление, насчитывавшее 14 человек. Это было единственное полицейское управление в губернии, где было специальное отделение уголовного сыска. В Смоленске перед Первой мировой войной проживало приблизительно более 75 тыс. человек (75183)¹³⁴, следовательно, один полицейский приходился на 5370 человек, что составляло, как было показано выше, цифру, превышающую количество населения на одного полицейского в сельской местности (2092 человек) и в целом по губернии (2180 человек). Однако число жителей на одного полицейского в Смоленске было меньше средней цифры горожан на одного полицейского в среднем по губернии – 6667 человек. Смоленск, являвшийся губернским центром, был центром притяжения для всякого рода преступных элементов, поэтому в нем было создано и сыскное отделение.

Социальный и образовательный состав полиции губернии отражал динамику развития социальных отношений в пореформенной России. Как видно из таблицы № 2, из 79 человек 21 полицейский происходил из дворян, 3 человека были почетными гражданами, 24 человека – выходцами из крестьян, 12 человек – из семей священников, 6 – из мещан и 13 человек происходили из «иных чинов»: являлись детьми фельдшеров, обер-офицерских детей, звонарей, лавочников. Немаловажным обстоятельством было и то, что только 14 из 160 человек полицейских и канцелярских служащих, о которых у нас есть сведения, или приблизительно 9 %, происходили из жителей других губерний.

Таким образом, смоленская полиция, укомплектованная из местных жителей, по своему составу была всесословной. Наибольшее количество мест в уездной и городской полиции губернии занимали два основных сословия

¹³⁴ Обзор Смоленской губернии за 1913 год. Смоленск, 1915. Табл. VIII (приложение).

пореформенной деревни – крестьяне и дворяне: 45 человек из 79 или 57%. При этом крестьян было даже немного больше, чем дворян. Если дворяне имели приблизительно 26,6% мест (21 из 79), то крестьяне – 30,4% мест (24 из 79). Третье место среди полицейских уездных и городских управлений занимали выходцы из священников, у которых было приблизительно 15,2% мест (12 из 79). Обычно выходцев из священников в исторической литературе относят к разночинцам, поэтому если прибавить к ним выходцев из других сословий (офицерские дети, дети мелких чиновников, сельской интеллигенции), то разночинный элемент занимал в полицейских управлениях губернии 25 мест (таблица № 2) или фактически столько же, сколько и выходцы из крестьян. Другими словами, крестьяне и разночинцы составляли 62% (49 из 79) служащих полицейских управлений, обеспечивая их вполне демократический состав.

Социальный состав полиции Смоленской губернии отражал общий процесс снижения доли дворянства в составе российского чиновничества. По данным Б.Н. Миронова, в конце XIX века 69% чиновников не принадлежала по своему происхождению к дворянству.¹³⁵

Больше всего крестьян служило в Смоленском городском управлении, которое можно условно назвать «крестьянским». Здесь из 14 полицейских 9 были выходцами из крестьян. Полностью «крестьянским» было сыскное отделение Смоленского городского управления. Из крестьян Тульской губернии происходил и начальник отделения С.Е. Моисеев. После окончания сельской школы и службы в армии, Моисеев работал полицейским надзирателем Тулы и дослужился до заместителя начальника Тульского сыскного отделения. В 1910 г. получил благодарность министра внутренних дел и тульского губернатора «в числе прочих чинов Тульской губернии за образцовое поддержание порядка во время погребения в Ясной Поляне тела графа Л.Н. Толстого». В 1912 г. при педагогическом совете Тульского реального училища сдал экзамен на получение первого классного чина. Начальником Смоленского сыскного отделения был

¹³⁵ Миронов Б.Н. Социальная история России (XVIII–XX вв.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 2003. С. 208.

назначен 22 мая 1912 г., получил классный чин губернского секретаря. На посту начальника Смоленского сыскного отделения Моисеев получил медали в честь трехсотлетия дома Романовых и участие в проведении мобилизации. В 1915 г. был награжден смоленским губернатором денежной премией за розыск особо опасного преступника.¹³⁶ Полицейские надзиратели Смоленского сыскного отделения К.Д. Авдеев и Н.С. Сапожников имели награды за «беспорочную службу в полиции», а М.К. Марьенков пришел в сыскное отделение из урядников Поречского уезда.¹³⁷

Материальное положение представителей различных сословий в рядах смоленской полиции определялось уровнем их жалования. Абсолютное большинство из них не имели собственности. Из 79 полицейских чинов 13 управлений только 12 человек (15,2%) имели незначительную собственность. Полицейские владели земельной собственностью от 3 десятин до 200 десятин или деревянными домами в уездах. Владельцами собственности были 5 полицейских, выходцев из крестьян, 3 человека – из разночинцев и 4 человека являлись дворянами.¹³⁸ Эти цифры, хотя и на микроуровне, отражают известный процесс роста крестьянского землевладения в конце XIX – начале XX века.

Самой большой собственностью владел поречский исправник Ф.Я. Златоустовский из обер-офицерских детей, у которого было 200 десятин земли в Калужской губернии (вместе с другими наследниками). 106 десятин земли в Смоленском уезде и деревянный дом в Смоленске имел смоленский исправник дворянин И.А. Подлущкий; у станового пристава Поречского уезда Я. Малашенкова, выходца из крестьянского сословия, было 75 десятин земли, а у пристава первого стана Смоленского уезда крестьянина М.Г. Нестерова – всего 3

¹³⁶ ГАСО. Ф. 1. Оп. 5. 1914. Д. 1019. Л. 58, 59, 61, 62.

¹³⁷ ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. 1916. Д. 1019. Л. 63–72.

¹³⁸ ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. 1916. Д. 1104. Л. 28; Д. 1037. Л. 30; Д. 1019. Л. 68, 80; Д. 1024. Л. 39–40; Д. 1032. Л. 43 об–44; Д. 1031. Л. 51–52 об; Д. 1237. Л. 1 об–2, 43 об–44; Д. 997. Л. 495–496 об., 525–526 об.

десятины.¹³⁹ Гжатский исправник М.Н. Неклюдов, происходивший из семьи священника, имел в собственности деревянный дом в Гжатске.¹⁴⁰

Служба в полиции для абсолютного большинства полицейских была единственным источником существования. Они полагались исключительно на свое жалование, которое складывалось из собственно жалования, столовых и квартирных. В 1914 г. жалование исправника составляло 1800 в год, помощник исправника получал 1200 рублей, становой пристав – 727 рублей 50 копеек; полицейский надзиратель города – 490 рублей. В 1915 г. жалование полицейских было увеличено: исправник получал 2100 рублей, помощник – 1800 рублей.¹⁴¹ Увеличение жалования происходило за счет добавочного ассигнования на фуражирование чинов уездной полиции.¹⁴²

В 1915 г. жалование урядника и стражника Смоленской губернии было несколько ниже жалования станового пристава, в подчинении которого он находился: старший урядник получал 580 рублей, младший – 520 рублей; старший стражник – 520 рублей; помощник старшего стражника – 490 рублей и младший стражник – 460 рублей в год.¹⁴³ Жалование исправника было в 4,5 раз больше, чем у стражника и в 2,8 раз больше, чем у станового. Условно говоря, исправник получал в день около 5 – 5,57 рублей, помощник исправника – 3,28 рубля, становой пристав – около двух рублей, полицейский надзиратель – по 1 рублю 34 копейки в день.

Это были небольшие деньги. В Поречском уезде в сентябре 1915 г. пуд ржаной муки – стоил 1 рубль 30 копеек, пшеничной муки – 3 рубля 60 копеек, керосин – 2 рубля 70 копеек за пуд, крупа гречневая – 3 рубля 60 копеек, крупа перловая – 4 рубля, сахар – 7 рублей 70 копеек.¹⁴⁴ С другой стороны, месячная норма пайка жен и детей, призванных на войну нижних чинов в том же

¹³⁹ ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. 1916. Д. 1237. Л. 1 об–2, 43 об–44; Д. 997, Л. 495–496 об; 525 об.–526; Д. 1104. Л. 28; Д. 1037, Л. 24, 30; Д. 1019. Л. 80; Д. 1024. Л. 39–40 и др.

¹⁴⁰ ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. 1916. Д. 1032. Л. 43 об–44.

¹⁴¹ ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. 1916. Д. 1104. Л. 3 об, 12, 27, 28; Д. 1021. Л. 82.

¹⁴² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 72. 1914. Д. 10. Ч. 30. Л. 1.

¹⁴³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 73. 1915. Д. 73. 10 ч. 11. 2. Л. 85.

¹⁴⁴ ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. 1915. Д. 810. Л. 15–16.

Поречском уезде составляла всего 2 рубля 78 копеек, в Поречье – 2 рубля 77 копеек.¹⁴⁵

Таким образом, жалование позволяло полицейским чинам поддерживать «безбедный» для провинции уровень жизни. Вместе с тем только служба в полиции позволяла им обеспечивать себя и свои семьи (абсолютное большинство полицейских имело семьи, в которых было трое и больше детей). Поэтому, вне зависимости от сословной принадлежности, полицейские Смоленской губернии были заинтересованы в эффективном и добросовестном исполнении своих обязанностей.

Однако профессиональные качества в значительной степени зависели не только от желания ревностно исполнять свои обязанности, но и от образовательного уровня и жизненного опыта полицейских. Известно, что в дореволюционной России не было специальных учебных заведений для подготовки полицейских. Из таблицы № 2 видно, что 52 человека из 79 имели начальное образование, 10 – среднее, из них 2 – неоконченное, 10 – домашнее, 4 – военное и образование 3 полицейских чинов было не указано. Как видим, большинство полицейских (65,8 %), имело начальное образование. Однако, по нашим данным, 30 из 52 человек окончили городское (23 человека) или уездное училище (8 человек). Уездные училища с 1875 г. преобразовывались в городские училища.

Этот тип училищ был предназначен для горожан-разночинцев, кто по финансовым соображениям или по недостатку подготовленности не мог окончить гимназию. Городские училища относились к так называемым «высшим начальным училищам», которые занимали промежуточное место между начальными и средними училищами. Курс учения в этих учебных заведениях продолжался шесть лет и включал чтение, письмо, арифметику, знания закона Божия, а также основы истории, географии, элементарной геометрии и физики, черчения, рисования, пения, гимнастики. Обучение в городских училищах было платным. В начале XX века размер годового обучения в городских училищах

¹⁴⁵ ГАСО. Ф. 2. Оп. 102. 1915. Д. 382. Л. 10.

составлял от 8 до 18 рублей. Кроме того, при педагогических советах городских училищ можно было сдать экзамены на первый классный чин.¹⁴⁶

Например, В.А. Романов из крестьян получил домашнее образование, служил урядником, сдал экзамен на классный чин в Духовщинском городском училище и в 1914 г., являясь становым приставом Бельского уезда, получил чин губернского секретаря.¹⁴⁷

Популярность городских училищ в начале XX века подтверждается тем фактом, что из 10 полицейских, обучавшихся в гимназиях, 4 человека имели неполное среднее образование, не сумев закончить гимназию.

На военизированной полицейской службе большое значение имело военное образование. Однако, как видно из таблицы № 2, из 79 полицейских только 4 человека имели военное образование. Уездный исправник Рославльского уезда, а затем Юхновского уезда Н.А. Блюм окончил 2-ой Московский кадетский корпус; помощник исправника Поречского уезда М.А. Огонь-Догановский – Московскую военную прогимназию; становой пристав Смоленского уезда Ю.В. Ашенбрэннер – Ярославскую военную школу; смоленский полицеймейстер В.А. Семенов – Казанское пехотное училище.¹⁴⁸

Наряду с образованием большое значение для практической деятельности полицейского имел жизненный опыт. Со времен Петра I, когда в Петербурге и Москве была создана полиция, полицейских набирали из отставных солдат. В начале XX ситуация была принципиально другой. Абсолютное большинство чинов полиции Смоленской губернии имели гражданские чины (XIV до V класса) и не служили в армии. Они начинали свое восхождение по служебной лестнице после окончания начальных или городских училищ в канцелярии губернатора или уездных управлений. Всего несколько лиц имели опыт военной службы. В изучаемое время военные чины были у смоленского полицеймейстера штабс-капитана В.А. Семенова и частного пристава Смоленска поручика А.А.

¹⁴⁶ Городские училища // Новый энциклопедический словарь. Пг., 1916. Т. 14. С. 277–283.

¹⁴⁷ ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. 1916. Д. 1031. Л. 42–43.

¹⁴⁸ ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. 1916. Д. 1020. Л. 55; Д. 1021. Л. 82; Д. 997. Л. 530 об – 531 об; Д. 1237. Л. 31 об – 32; Д. 1019. Л. 3.

Урбановского.¹⁴⁹ Из 97 полицейских 6 человек принимали участие в боевых действиях во время русско-турецкой и русско-японской войн. Становой пристав Смоленского уезда из крестьян М.Г. Нестеров был награжден «знаком отличия военного ордена» и румынским орденом Железного Креста за переход через Дунай в 1877 г. Нестеров принимал участие в боях «под Плевной и на Балканах».¹⁵⁰ Вяземский исправник Р.Ф. Благонравов за участие в русско-турецкой кампании был награжден «царским подарком – бриллиантовым перстнем».¹⁵¹ Помощник гжатского исправника А.К. Беляев был награжден орденом Святого Георгия четвертой степени за «отличие, мужество и храбрость», проявленную им во время русско-японской войны под Ляояном.¹⁵²

Многие смоленские полицейские были награждены орденами Святослава и Анны 3 степени, имели благодарность «за беззаветно верную службу при чрезвычайно тяжелых обстоятельствах» революции 1905–1907 гг. и за «образцовый порядок» во время пребывания в Смоленске Николая II в 1912 и в 1914 гг.

Урядники, как правило, набирались из крестьян. Они образцово исполняли свои обязанности во время Первой мировой войны и получали награды. Так, в сентябре 1914 г. губернатор Д. Д. Кобеко просил наградить серебряной медалью «За заслуги» старшего урядника Юхновского уезда А.П. Петрова за поимку дезертира 3-его пехотного Нарвского полка Козьмы Шустрова.¹⁵³ Порой должности урядников становились «лифтом» для перехода на более высокую ступень службы в полиции. Пристав 1 стана Юхновского уезда П.В. Духовской, окончив двухклассное министерское училище, с 1909 г. служил урядником в Смоленском уезде, затем, сдав соответствующий экзамен, перешел в полицейское управление Юхновского уезда.¹⁵⁴

¹⁴⁹ ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. 1916. Д. 1019. Л. 2–3; 26–27.

¹⁵⁰ ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. 1916. Д. 997. Л. 525 об–526.

¹⁵¹ ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. 1916. Д. 1020. Л. 1–2.

¹⁵² ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. 1916. Д. 1032. Л. 2 об.–3.

¹⁵³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 112. 1914. Д. 160. Л. 23.

¹⁵⁴ ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. 1916. Д. 1021. Л. 54 об–55.

Среди полицейских чинов, которые отличались особым служебным рвением, следует отметить пристава первого стана Бельского уезда В.А. Вавравского, жалобы на которого во время войны несколько раз доходили до Петербурга. В.А. Вавравский служил в должности пристава Бельского уезда с 1912 г. и являлся единственным почетным личным гражданином из всего состава полиции Смоленской губернии. Он окончил пять классов Смоленского реального училища, имел две медали в память 110-летия войны 1812 г. и 300-летия дома Романовых, «горячую благодарность» императора «за беззаветную службу при чрезвычайно тяжелых обстоятельствах» во время революции 1905–1907 гг., когда служил помощником пристава Вязьмы. Сменил «ради пользы службы» несколько мест: был полицейским надзирателем Мозыря Минской губернии, помощником пристава и приставом Вязьмы, полицейским надзирателем фабрики Ярцево, приставом Ельнинского уезда и отличился при поимке, бежавшего из Орловской тюрьмы арестанта Павлова.¹⁵⁵

В апреле 1915 г. министру внутренних дел Н.А. Маклакову поступила жалоба на В.А. Вавравского от крестьянки Витебской губернии М.Д. Барановой, которая жаловалась на незаконное, с ее точки зрения, выселение из сельца Лосмина Лапкинской волости, которое принадлежало ее покойному мужу.¹⁵⁶ Как видно, из делопроизводственной переписки, жалоба Барановой проверялась по поручению губернатора исправником, но как закончилось дело неизвестно. Другое дело, которое также из МВД было возвращено в Смоленское губернское присутствие, показало, что действия пристава были «вполне правильными». Пристав Вавравский запретил землемеру Красовскому возводить постройки на земле, относительно которой шла судебная тяжба между Красовским и крестьянами. Дело находилось на рассмотрении Смоленского окружного суда.¹⁵⁷ В другом случае на сторону пристава Вавравского встал департамент полиции МВД, признавший правильными действия пристава в отношении выселения из

¹⁵⁵ ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. 1916. Д. 1031. Л. 29 об.–34.

¹⁵⁶ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 113. 1915. Д. 63. Л. 1–8.

¹⁵⁷ Там же. Л. 16–17.

Бельского уезда велижского купца В.Л. Мирлоса, не имевшего права проживать в пределах уезда.¹⁵⁸

Во время войны полицейские чины увольнялись из-за самых незначительных проступков. В этом смысле показательным было дело пристава 2 стана Гжатского уезда А.П. Иванова, который происходил из семьи священника, закончил два класса Смоленской духовной семинарии.¹⁵⁹ Проступок Иванова заключался в том, что «с его ведома» в имении дворянина Остен-Сакена «находились некоторое время евреи», не имевшие права проживать в Гжатском уезде Смоленской губернии. Иванов в рапорте указал, что евреи приехали в имение на несколько дней купить лес. Иванов был вызван к губернатору Шумовскому, сознался в халатности, просил оставить на службе и передать его дело в суд, но губернатор Шумовский после переписки с товарищем министра внутренних дел С.П. Белецким уволил пристава Иванова. Ни губернатор, товарищ министра не приняли во внимание, что Иванов служил «29 лет – по полиции» из них 18 лет в должности пристава, и что до пенсии оставалось всего полгода.¹⁶⁰

Численность канцелярских служащих полицейских управлений Смоленской губернии в 1914 г., как говорилось выше, составляла немногим более 80-ти человек. Их социальный состав и образовательный уровень был аналогичен социальному составу и образовательному уровню полицейских чинов полицейских управлений (таблица № 3). Из 81 человека, о которых у нас имеются сведения, 17 человек являлись дворянами, 33 – крестьянами, 4 были выходцами из священников, 13 – мещанами; 5 – почетными гражданами, 9 – разночинцами. Как мы видим, среди канцелярских служащих крестьяне занимали первое место и составляли 40,7 % от общего числа служащих. Среди них не было людей с высшим образованием: 62 человека имели начальное образование, 10 среднее (включая неоконченное) и 9 домашнее. При этом 26 человек из 62-х служащих, имевших начальное образование, окончили городское училище. Канцелярские служащие награждались медалями, участвовали в переписи населения, в

¹⁵⁸ Там же. Л. 42–45.

¹⁵⁹ ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. 1916. Д. 1032. Л. 54 об–55.

¹⁶⁰ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 113. 1915. Д. 63. Л. 52–55.

деятельности Красного Креста во время – русско-японской войны. Таким образом, из 81 служащего полицейских управлений дворяне составляли 20%, остальные чиновники являлись крестьянами и разночинцами. Среди них также было всего шесть человек собственников земли или домов.¹⁶¹ Так, секретарь Рославльского полицейского управления потомственный дворянин И.А. Судовский имел 91 десятину земли и дом в Рославле.¹⁶²

Изучая состав полиции, следует обратить внимание и на крестьянскую полицию. Некоторые полицейские обязанности исполняли волостные старшины и старосты и избираемые сельскими и волостными сходами сельские полицейские, которые не получали жалования, но выполняли распоряжения волостных старшин и волостных судов. Численность общественной полиции в Смоленской и других центральных губерниях достигала внушительной цифры. В Смоленской губернии она составляла 27 928 человек, в Орловской губернии – 27 900 человек, в Калужской – 7 887 человек.¹⁶³ О значимости этого разряда сельской полиции свидетельствует тот факт, что губернаторы ежегодно сообщали в МВД данные о ее численности.

Работа полиции в значительной степени зависела от исправников, а в Смоленске – от полицеймейстера, сведения о котором приведены выше. Среди уездных исправников было 5 дворян, 5 человек происходили из обер-офицерских детей и детей чиновников, 2 являлись выходцами из семей священников. Все они, кроме смоленского полицеймейстера имели гражданские чины: от IX класса – чина титулярного советника, до 5 класса – статского советника.¹⁶⁴ В 1914 г. шестеро исправников были коллежскими советниками (VI класс), четверо – надворными советниками (VII класс); два человека – сычевский исправник М.Н. Баранцов и вяземский исправник Р.Ф. Благонравов, оба из потомственных дворян, дослужились до статского советника (V класс).¹⁶⁵ Образование исправников было

¹⁶¹ ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. 1916. Д. 1031, Л. 24 об–25; Д. 1037. Л. 24; Д. 1020. Л. 15; Д. 1237. Л. 37 об–38; Д. 997, Л. 513 об–514 и др.

¹⁶² ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. 1916. Д. 1020. Л. 15.

¹⁶³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 73. 1915. Д. 10 ч. 11.2. Л. 6.

¹⁶⁴ Мурашев Г.А. Титулы, чины, награды. М., 2006. С. 82.

¹⁶⁵ ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. 1916. Д. 1104. Л. 1; Д. 1022. Л. 1–2 и др.

несколько выше, чем у подчиненных: они имели среднее или высшее начальное образование. Пять человек учились в гимназиях (трое не окончили), четверо полицейских окончили уездное училище, двое – городское училище и один, гжатский исправник М.Н. Неклюдов – Смоленскую духовную семинарию.¹⁶⁶

Все исправники губернии ко времени начала войны были награждены медалями Святой Анны и Святого Станислава 3-ей степени за выслугу лет и отличную службу и медалями за участие в деятельности Красного Креста во время русско-японской войны. Исправниками становились те, кто находились на хорошем счету у губернатора и получали благодарности за службу, например, за службу во время революции 1905–1907 гг., за обеспечение образцового порядка во время посещения губернии (или следования по территории губернии) императора Николая II и другие мероприятия. Бельский исправник В.С. Смирнов, будучи помощником исправника, получил благодарность губернатора «за энергичную деятельность по прекращению стачки сгонщиков плотов» в Бельском уезде.¹⁶⁷

Юхновский исправник Н.Н. Шершевицкий являлся членом Смоленской губернской переписной комиссии во время проведения Первой Всероссийской переписи населения. В 1908 г., когда Шершевицкий занимал должность помощника ельнинского исправника, ему была объявлена благодарность смоленского губернатора «за заботу и труды по устройству в Ельне телефонов, соединяющих стражников с полицейскими управлениями».¹⁶⁸ Интересной личностью слыл краснинский исправник К.А. Тидэ, который являлся сотрудником Смоленского историко-археологического музея при Смоленской городской думе и членом императорского человеколюбивого общества. В 1887 г., работая помощником гжатского исправника, получил благодарность смоленского губернатора за «особую распорядительность при открытии тайной раскольничьей типографии в Семеновской волости Московской губернии».¹⁶⁹ Гжатский

¹⁶⁶ ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. 1916. Д. 1032. Л. 43 об.–44 и др.

¹⁶⁷ ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. 1916. Д. 1031. Л. 4 об.–5.

¹⁶⁸ ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. 1916. Д. 1021. Л. 7 об, 8 об.–9.

¹⁶⁹ ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. 1916. Д. 1036. Л. 4 об., 5 об., 6 об.–7.

исправник М.Н. Неклюдов, который прошел путь от урядника Дорогобужского уезда (1884 г.) до гжатского исправника (1908 г.) неоднократно награждался то «за исправное содержание конной стражи», то за оказание помощи военному начальству во время военных маневров в районе Гжатска и Бородина.¹⁷⁰

Кроме полиции, в годы Первой мировой войны частным лицам разрешалось иметь вооруженную частную охрану (частную стражу). В августе 1915 г. в Смоленской губернии официально числилось 25 наемных стражников, двадцать из которых охраняли порядок на самом крупном промышленном предприятии губернии – хлопчатобумажной фабрике «Ярцево» Духовщинского уезда. Два стражника были наняты банкирской конторой Шварца, расположенной в Смоленске, и по одному наемному стражнику держали владельцы банкирской конторы Зеленкина в Смоленске, села Высокого в Сычевском уезде и имения Борисова в Поречском уезде.¹⁷¹

Губернаторы уделяли большое внимание подбору полицейских кадров. В условиях военного времени центральная власть передала губернаторам право награждения чинов полиции до VII класса, так как эти лица назначались и увольнялись губернаторской властью.¹⁷² С мая 1915 г. губернаторы поучили право награждать полицейских медалями «за усердие».¹⁷³ Вместе с тем, губернаторы прибегали и к денежным поощрениям. Так, в 1915 г. смоленский губернатор, стремясь активизировать усилия подчиненных в борьбе со шпионами, заявил, что лица, которые вовремя предоставят фактические данные о скрытой телефонной сети, радиостанции, сигнализации, подготовке площадок для аэропланов и других событиях, указывающих на шпионскую деятельность, будут денежно премированы и представлены к государственным наградам.¹⁷⁴

Таким образом, полиция Смоленской губернии во время Первой мировой войны представляла собой институт власти укомплектованный из местных

¹⁷⁰ ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. 1916. Д. 1032. Л. 44 об.–45, 50 об.–52.

¹⁷¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 73. 1915. Д. 10 ч. 18. Л. 34.

¹⁷² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 73. 1915. Д. 12. 2. Л. 13.

¹⁷³ Там же.

¹⁷⁴ ГАСО. Ф. 1289. Оп. 1. 1915. Д. 481. Л. 33.

жителей разных сословий, но при явном доминировании в нем крестьянства. Ситуация в Смоленской губернии свидетельствовала о том, что в правоохранительные органы набирались лица вне зависимости от сословной принадлежности, но лояльные политическому режиму. Процесс «вымывания» дворянства из чиновников захватил и полицейские учреждения. По материальному положению полиция была «близка» основной массе населения, хорошо понимала его интересы и потребности. Образовательный и служебный уровень местной полиции позволял ей успешно решать задачи поддержания общественного порядка в губернии. Основная масса населения Смоленской губернии проживала в деревне, поэтому большая часть полиции несла охрану общественного порядка в сельской местности.

1. 3 Жандармерия Смоленской губернии в годы Первой мировой войны

Помимо полиции на территории Смоленской губернии действовал еще один правоохранительный орган в лице жандармерии. В годы Первой мировой войны губернские жандармские управления являлись частью местного административного аппарата, жандармерия тесно сотрудничала с полицией при решении задач управления и поддержания правопорядка.

К началу Первой мировой войны структура жандармерии определялась «Положением о корпусе жандармов» 1867 г.¹⁷⁵ Это положение «просуществовало фактически без изменений» до ликвидации жандармерии в 1917 г.¹⁷⁶ Согласно закону жандармерия делилась на общие жандармские части и железнодорожную жандармерию и находилась под началом шефа Отдельного корпуса жандармов. Жандармерия имела двойное подчинение. В «строевом, инспекторском, хозяйственном и военно-судном отношении шеф жандармов подчинялся военному ведомству и пользовался «правами и властью командующих войсками военных округов»; по служебной (наблюдательной) части и по «движению

¹⁷⁵ Положение о корпусе жандармов от 9 сентября 1867 г // ПСЗ-II. Т. 42. Отд. 2. № 44956.

¹⁷⁶ Гончарова Ю.В. Жандармские полицейские управления железных дорог (1867–1917 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2000. С. 22.

личного состава» он был товарищем министра внутренних дел.¹⁷⁷ На территории губерний действовали губернские жандармские управления, которые были основными структурными единицами общей жандармерии, и жандармские полицейские отделения железных дорог.

К моменту начала Первой мировой войны жандармерия подчинялась товарищу министра внутренних дел и командующему Отдельным корпусом жандармов. Командующими Отдельного корпуса жандармов и товарищами министра внутренних дел были генерал-майор В.Ф. Джунковский (25 01. 1913 г. – 19 08. 1915 г.) и генерал-майор Д.Н. Татищев (20. 01. 1915 - 10.06. 1917).¹⁷⁸ Джунковский и Татищев в свое время служили губернаторами в Москве и Ярославской губернии и имели большой опыт административной работы.

Жандармские управления работали во всех губерниях, крупных городах и важных крепостях. Специализированные жандармские подразделения занимались патрулированием улиц Москвы, Санкт-Петербурга и Варшавы. Особые подразделения жандармерии были прикреплены к каждой железнодорожной ветке. Жандармерия имела установленную форму, знаки отличия были идентичны армейской кавалерии. Это было связано с тем, что жандармы официально числились в списках армейского резерва и в случае начала военных действий, жандармские корпуса переходили под управление армейских властей.¹⁷⁹

Институт жандармов к началу 20 века включал в себя немногим менее 1 тыс. офицеров и порядка 100 тыс. рядовых.¹⁸⁰ Во время Первой мировой войны, в июле 1915 г., в Особом корпусе жандармов несли службу 14 тыс. человек: 1000 генералов и офицеров, 39 классных чинов, 657 вахмистров, 11611 унтер-офицеров, а также трубачи, «нестроевые» и рядовые.¹⁸¹ За год войны численность жандармерии увеличилась: в 1916 г. генеральский и офицерский состав

¹⁷⁷ ПСЗ-П. Т. 42. Отд. 2. № 44956. Ст. 3, 5, 10.

¹⁷⁸ Жандармы России / сост. Измозик В.С. СПб., 2002. С. 375.

¹⁷⁹ Фуллер У. Внутренний враг: шпиономания и закат императорской России. М., 2009. С. 20.

¹⁸⁰ Там же. С. 19.

¹⁸¹ Список общего состава Отдельного корпуса жандармов, исправлен по 1 июля 1915 года, первая и вторая части. Пг., 1915. С. 305.

Отдельного корпуса жандармов насчитывал 1051 человек, рядовой состав –14 667.¹⁸²

Основной функцией губернского жандармского управления по Положению 1867 г. был надзор за населением (наблюдательная функция). Одновременно полиция принимала непосредственное участие в борьбе с правонарушителями на основе принципа «содействия». Содействие «к восстановлению нарушенного порядка» жандармерия осуществляла по просьбе губернатора или в случае отсутствия на месте чинов исполнительной полиции. Если жандармерия привлекалась к исполнению обязанностей полиции, она подчинялась губернатору.¹⁸³

«Правила о порядке действий чинов Корпуса жандармов по исследованию преступлений» от 19 мая 1871 г. возлагали на жандармерию производство дознаний о государственных преступлениях.¹⁸⁴ Кроме того, правила определяли порядок действий чинов губернских жандармских управлений по содействию судебным и полицейским властям, обязывая их сообщать местному прокурорскому надзору и полиции о «всяком замеченном ими происшествии, заключающем в себе признаки преступления или проступка, подсудного общим судебным местам», а в случае необходимости и проводить дознание. Железнодорожная жандармерия, в отличие от губернской, по этому закону заменяла общую полицию и имела права и обязанности общей полиции. При этом жандармерия действовала на основе Судебных уставов 1864 г.¹⁸⁵

Зоной общей ответственности жандармерии и полиции была полицейская стража. С 1906 г., как говорилось выше, на губернные жандармские управления было возложено заведывание строевой частью полицейской стражи. Начальник губернского жандармского управления получил звание губернского инспектора полицейской стражи, а помощники начальника и адъютант, которые

¹⁸² Отечественная история. Энциклопедия в пяти томах. Т. 2. М., 1996. С. 167; Перегудова З.И. Политический сыск в России (1880–1917). М., 2013. С. 131.

¹⁸³ ПСЗ-II. Т. 42. Отд. 2. № 44956. Ст. 26, 33.

¹⁸⁴ Правила о порядке действий чинов жандармов по исследованию преступлений от 19 мая 1871 г // ПСЗ-II. Т. 46. Отд. 2. № 49615.

¹⁸⁵ ПСЗ-II. Т. 46. Отд. 2. № 49615. Ст. 1–10, 11, 13, 14. и др.

непосредственно несли ответственность за строевое состояние стражи, стали именоваться при исполнении этих обязанностей помощниками губернского инспектора полицейской стражи. За исполнение этих обязанностей жандармы получали дополнительное вознаграждение: доплаты к жалованию по 300 рублей начальникам и по 150 рублей помощникам и адъютанту губернских жандармских управлений.¹⁸⁶

Железнодорожные жандармские управления появились в 1861 г. По закону «Об обязанностях и подчинении жандармских полицейских управлений железных дорог» на железнодорожную жандармерию возлагались обязанности общей полиции на вокзалах и станциях и в полосе отчуждения железной дороги со всеми строениями. С 19 мая 1871 г. железнодорожная жандармерия занимались расследованиями общеуголовных правонарушений. Дознание по политическим преступления перешли в ее ведение только в 1906 г.¹⁸⁷

Война внесла свои коррективы в деятельность жандармерии. «Основными направлениями работы жандармерии в годы войны были контрразведывательная деятельность; предотвращение революции <...> и содействие армии».¹⁸⁸ В целом характер и смысл деятельности жандармерии не изменился. Она оставалась органом политического сыска и использовала на территории губерний те организационные структуры, которые сложились в довоенное время. Вместе с тем во время войны губернское жандармское управление и жандармские отделения железных дорог Смоленской губернии обязаны были выполнять распоряжения военных властей Минского военного округа.

В начале войны при штабах армий, фронтов, военных округов, а также при Главном управлении Генерального штаба были созданы контрразведывательные отделения. Они были призваны заниматься обнаружением и ликвидацией

¹⁸⁶ О возложении заведования строевой частью полицейской стражи на чинов отдельного корпуса жандармов и об учреждении должностей офицеров означенной стражи от 18 февраля 1906 г // ПСЗ-III. Т. 26. Отд. 1. № 27418. I. Ст. 1–5.

¹⁸⁷ Жандармы России / сост. Измозик В.С. СПб., 2002. С. 183.

¹⁸⁸ Хутарев–Гарнишевский В.В. Отдельный корпус жандармов и Департамент полиции МВД: органы политического сыска накануне и в годы Первой мировой войны, 1913–1917: дис. ... канд. ист. наук. М., 2011. С. 19.

шпионов и агентов противника, тайно собиравших сведения о вооруженных силах России и о ситуации в тылу страны. В отношении контрразведывательной деятельности смоленская жандармерия выполняла распоряжения контрразведывательного отделения при штабе Минского военного округа, которое возглавлял ротмистр Науменко.¹⁸⁹

М.В. Науменко имел военное образование и опыт работы в жандармерии западных губерний России. Он окончил Полтавский кадетский корпус и военно-училищный корпус Елисаветградского юнкерского училища. В жандармерии работал с 1905 г., перед войной служил помощником начальника Гродненского губернского управления.¹⁹⁰

Структуру и численность жандармерии, действовавшей на территории Смоленской губернии в годы Первой мировой войны, отражает таблица № 5. Во время Первой мировой войны в Смоленской губернии служили 98 жандармов в составе четырех структурных подразделений жандармерии: Смоленского губернского жандармского управления и трех отделений жандармских полицейских управлений железных дорог.

Смоленское губернное жандармское управление было создано в 1867 г. и просуществовало до марта 1917 г. В годы Первой мировой войны его возглавляли подполковник Н.И. Астафьев, который был назначен на эту должность незадолго до войны, 18 сентября 1913 г., а с июля 1916 г. его заменил полковник Е.Г. фон Плато.¹⁹¹ В губернском управлении, как это видно из таблицы № 5, служили 22 жандарма: начальник, два помощника, один адъютант, три вахмистра и 15 унтер-офицеров. При управлении работали два писаря. В августе 1916 г. численность губернской жандармерии увеличилась на четыре человека. Всего в 1915 г. в жандармском управлении и в отделениях жандармских управлений железных дорог на территории Смоленской губернии числилось 98 человек (таблица № 5). Если брать численность населения на 1 января 1914 г. (2110384 человек), то в

¹⁸⁹ ГАСО. Ф. 1289. Оп. 1. 1915. Д. 481. Л. 4.

¹⁹⁰ Список общего состава Отдельного корпуса жандармов, исправлен по 1 июля 1915 года, первая и вторая части. Пг., 1915. С. 305. С. 604.

¹⁹¹ Там же. С. 259.

среднем на одного жандарма приходилось по 21535 человек.¹⁹² Несмотря на приблизительность этих данных, можно смело говорить о незначительной численности местной жандармерии, работавшей в губернии с двухмиллионным населением. Эту ситуацию можно назвать типичной для всей страны.

Современный исследователь В.В. Хутарев-Гарнишевский пишет о «мизерности» численности корпуса жандармов и о нехватке жандармских офицеров во время войны. В довоенное время «на каждые 168 тысяч человек населения приходился один офицер и 14 нижних чинов»; в 1914–1915 гг. в армию было направлено «18% от штатного состава» жандармских офицеров тыловых губерний, в январе 1917 г. – 24%.¹⁹³

Призывы в армию обошли стороной жандармерию Смоленской губернии. Численность жандармских офицеров Смоленской губернии в изучаемый период оставалась неизменной. По имеющимся у нас данным, все штатные единицы офицеров и унтер-офицеров жандармерии были заняты. Такая ситуация, видимо, была связана с прифронтовым положением губернии. Однако очевидно, что жандармерия, как и полиция, были малочисленными структурами на местах, и кадровый голод в значительной степени удовлетворялся за счет низового полицейского аппарата (урядников, конных стражников, агентов, филеров), которые работали и на полицию, и на жандармерию. Летом 1916 г. в Смоленске были размещены Петроковское и Калишское жандармские губернские управления,¹⁹⁴ и количество жандармов, за счет эвакуированных из западных губерний, увеличилось. Однако значительно увеличилась и численность населения губернского города.

Непосредственно в жандармском управлении в Смоленске работало всего семь человек, включая начальника и его адъютанта, который «исправлял должность» начальника в случае его отсутствия. Помощники начальника

¹⁹² Обзор Смоленской губернии за 1913 г. Смоленск, 1915. Прил. VIII.

¹⁹³ Хутарев-Гарнишевский В.В. Отдельный корпус жандармов и Департамент полиции МВД: органы политического сыска накануне и в годы Первой мировой войны, 1913–1917. М.: МГУ, 2011: дис. ... канд. ист. наук. С. 15, 19.

¹⁹⁴ Там же. С. 22.

губернского правления носили армейские кавалерийские звания, поскольку по закону «пользовались правами, присвоенными эскадронным командирам».¹⁹⁵ У начальника губернского управления было два помощника. Первый помощник, ротмистр Н.В. Щербачев, возглавлял жандармские пункты в западных уездах губернии: Смоленском, Рославльском, Ельнинском, Поречском, Краснинском, Духовщинском. В эту группу входили уезды с военным и чрезвычайным положением, но обязанности жандармерии как военной структуры на этих территориях были одинаковы. По штату здесь числилось всего 8 человек чинов жандармерии. Жандармские пункты второй группы, восточных уездов – Вяземского, Дорогобужского, Бельского, Сычевского, Гжатского, Юхновского – находились в непосредственном подчинении второго помощника, ротмистра А.И. Лебеля. На эти территории, включая ротмистра Лебеля, приходилось 7 жандармов.¹⁹⁶

Большая часть чинов жандармерии обслуживала железные дороги: 76 жандармов из 98 человек или 77%. Это говорит о большом военно-политическом значении железных дорог в военное время и необходимости поддерживать общественный порядок именно в этой зоне ответственности жандармерии. В Смоленской губернии, как это видно из таблицы № 5, существовало три отделения жандармских полицейских управлений железных дорог. Самым крупным было Смоленское отделение жандармского полицейского управления Московско-Рижской железной дороги, в котором насчитывалось 30 жандармов под руководством ротмистра Е.В. Клепфера. В Ельнинском отделении жандармского полицейского управления Московско-Камышинской железной дороги под началом полковника М.В. Журавского служили 24 жандарма. Наконец, Вяземское отделение Петроградского жандармского полицейского управления насчитывало 22 жандарма во главе с начальником подполковником К.В. Воршевым.

¹⁹⁵ ПСЗ-П. Т. 42. Отд. 2. № 44956. Ст. 22,23.

¹⁹⁶ Список общего состава Отдельного корпуса жандармов, исправлен по 1 июля 1915 года, первая и вторая части. Пг., 1915. С. 62–63.

Под контролем Вяземского отделения находился весь железнодорожный узел станции Вязьмы. Начальнику этого отделения, начиная с 1909 г., подчинялись жандармы двух других отделений железных дорог, расположенных на территории Смоленской губернии.¹⁹⁷ Таким образом, общее руководство железнодорожной жандармерии находилось в городе Вязьме, который был крупным железнодорожным узлом, а руководство общей жандармерии базировалось в Смоленске. Как будет сказано ниже, жандармские отделения железных дорог в своей деятельности руководствовались обязательными постановлениями управлений железных дорог.

Поскольку институт жандармерии имел значение военной структуры, то в отличие от полиции, где служили гражданские чиновники, в жандармерии служили военнообязанные, имевшие профессиональную военную подготовку. Офицерский состав Отдельного корпуса жандармов формировался из армейских офицеров, прослуживших в строю не менее трех лет (классные чиновники – не менее пяти лет) или окончивших юнкерское училище по первому классу. Кроме того, будущие офицеры жандармерии должны были сдать экзамены по праву, истории, географии и литературе России и пройти обучение на курсах при Штабе корпуса. Унтер-офицерами и вахмистрами также были бывшие военнослужащие, уволенные в запас или ушедшие в отставку и имевшие аттестат о безупречной службе.¹⁹⁸

Мы располагаем данными об образовательном уровне шести жандармских офицеров из семи чинов Смоленского губернского управления. Все они имели военное образование и армейские чины. Полковник Н.И. Астафьев обучался в Кронштадском реальном училище и Сибирском пехотном юнкерском училище. Помощник начальника Смоленского губернского управления ротмистр Н.В. Щербачев окончил первый Московский кадетский корпус и военное Александровское училище; второй помощник, ротмистр А.И. Лебель, после

¹⁹⁷ Там же. С. 141.

¹⁹⁸ О порядке комплектования частей и Управлений отдельного корпуса жандармов // ПСЗ-III. Т. 26. Отд. 1. № 28095. Ст. 233; Отечественная история. Энциклопедия в пяти томах. Т. 2. М., 1996. С. 167.

Киевского реального училища обучался в Киевском пехотном юнкерском училище. Подполковник Журавский (Ельнинское отделение) имел за плечами Бельскую гимназию и Варшавское юнкерское училище; ротмистр Е.В. Клепфер (Смоленское отделение) – первый кадетский корпус и Александровское военное училище; подполковник К.Д. Воршев (Вяземское отделение) – Никольский кадетский корпус и Тверское кавалерийское юнкерское училище.¹⁹⁹ У нас нет данных об образовании вахмистров и унтер-офицеров. Но образовательный уровень руководителей жандармерии на территории губернии был значительно выше, чем у полицейского руководства.

Вместе с тем современники считали, что жандармские офицеры подготовлены недостаточно хорошо для выполнения своих профессиональных задач. Перед жандармерией стояли более сложные, чем перед общей полицией, задачи политического сыска. По мнению вице-директора Департамента полиции К.Д. Кафафова, который входил в комиссию при штабе Корпуса жандармов по испытанию офицеров, желавших перейти в Корпус жандармов,²⁰⁰ образование жандармов было недостаточным чтобы «ориентироваться в политических течениях, понять их программу, уметь разбираться в них».²⁰¹

В изучаемый период за «труды, понесенные по обстоятельствам текущей войны», были награждены полковник И.Н. Астафьев, ротмистры Н.В. Щербачев и А.И. Лебель. Н.В. Щербачев получил чин подполковника, был командирован в армию для проведения контрразведывательной работы, с ноября 1916 г. служил помощником начальника Смоленского губернского управления. Продвижение по службе ждало и жандармского подполковника Плетнева. До 6 января 1915 г. он возглавлял Ельнинское отделение Московско-Камышинского жандармского полицейского управления железной дороги, когда был назначен начальником Петроградского отделения Петроградской железной дороги, а его должность

¹⁹⁹ Список общего состава Отдельного корпуса жандармов, исправлен по 1 июля 1915 года, первая и вторая части. Пг., 1915. С. 252, 404, 531, 563, 577, 596.

²⁰⁰ Перегудова З.И. Вступительная статья к Воспоминаниям К.Д. Кафафова // Вопросы истории № 2. С. 75.

²⁰¹ Кафафов К.Д. Воспоминания о внутренних делах Российской империи // Вопросы истории. № 5. С. 105.

перешла к подполковнику Журавскому. 20 ноября 1915 г. подполковник Плетнев «за отлично усердную службу» был произведен в полковники.²⁰²

В июле 1916 г. произошла смена руководства Смоленского губернского жандармского управления. Вместо Н.И. Астафьева его возглавил Е.Г. фон Плато, бывший до того начальником Таврического губернского жандармского управления. Полковник фон Плато, по нашим сведениям, был единственным офицером лютеранского вероисповедания в составе Смоленского губернского жандармского управления. Он окончил Императорский Гатчинский сиротский институт и Павловское военное училище.²⁰³ Именно фон Плато пережил в Смоленске трагические для жандармерии дни марта 1917 г., когда сначала было разгромлено здание жандармского управления, а сам фон Плато был арестован революционными солдатами. В конце марта вместе с жандармскими полковниками П.П. Пухловским и А.А. Крыжановским, начальниками Петроковского и Калишского жандармских управлений, базировавшихся в Смоленске, Е.Г. фон Плато был отправлен на фронт. Перед этим последний начальник Смоленского жандармского управления передал дела и имущество управления Смоленскому уездному воинскому начальнику.²⁰⁴

Нижние чины жандармерии набирались из отставных или находящихся в отпуске солдат по собственной их просьбе, если они обязывались служить в жандармерии не менее 5-и лет. В жандармерию не допускались люди, имевшие взыскания и «бывшие в каких-либо штрафах и вообще люди нетрезвого и неодобрительного поведения». Правительство заботилось не только о нравственности чинов жандармерии, но и о материальном положении. С 1867 г. чины жандармерии получали содержание ежемесячно, а рядовым месячное жалование выдавалось «вперед».²⁰⁵ В 1906 г. были повышено жалование вахмистрам – на 540 рублей, унтер-офицерам – на 300 рублей в год. Детям

²⁰² Россия. Отдельный корпус жандармов. Приказы по корпусу жандармов за 1915 г. № 363. №№ 1–376. Паг.: табл.

²⁰³ Список общего состава Отдельного корпуса жандармов, исправлен по 1 июля 1915 года, первая и вторая части. Пг., 1915. С. 297.

²⁰⁴ ГАСО. Ф. 1272. Оп. 2. 1916. Д. 181. Л. 157.

²⁰⁵ ПСЗ-II. Т. 42. Отд. 2. № 44956. Ст. 51–55, 58.

полиции и жандармерии, погибших или пострадавших при выполнении служебных обязанностей, выдавались пособия.²⁰⁶ Армейский офицер из провинции стремился на службу в жандармерию, поскольку это «позволяло улучшить материальное положение и открывало хорошие перспективы для карьерного роста».²⁰⁷

Офицеры Смоленского губернского жандармского управления, как правило, происходили из дворян. Так, И.Н. Астафьев был дворянином Петербургской губернии, Н.В. Щербачев – Московской губернии, А.И. Лебель – Киевской губернии. Для губернских жандармских управлений предназначались лучшие здания. Поэтому начальник Петроковского губернского жандармского управления полковник Пухловский был недоволен действиями Смоленской городской управы, которая в декабре 1916 г. отвела руководству Петроковского управления «помещения без отопления и освещения».²⁰⁸

В первые месяцы войны чины жандармерии Смоленской губернии были охвачены сильнейшим чувством «патриотического воодушевления».²⁰⁹ Смоленские жандармские офицеры, как и офицеры жандармерии других губерний, руководствуясь чувством собственного долга и патриотизма, массово подавали рапорты с просьбой об отправке на фронт или перевода их в органы контрразведки при штабах военных округов. Руководству жандармского управления приходилось разъяснять большинству желающих, что политическая полиция, также защищает родину, как и армия, но только на внутреннем фронте.²¹⁰ Этот внутренний фронт, в особенности на территории Смоленской губернии, имел важное стратегическое значение, образуя защиту тыла сражающейся армии. И война на нем велась не только с внешним противником в лице Германии и Австро-Венгрии, но и с внутренними «врагами»: агитаторами и

²⁰⁶ О пособиях детям чинов полиции и корпуса жандармов, погибших или пострадавших при беспорядках и покушениях на сих чинов // ПСЗ–III. Т. 26. Отд. 1. № 27775.

²⁰⁷ Новоселов М.Ю. Губернские жандармские управления: история создания и структура // Молодой ученый. 2014. №11. С. 286–288. / URL <https://moluch.ru/archive/70/12142/> (дата обращения : 15.01.2018)

²⁰⁸ ГАСО. Ф. 65. Оп. 2. 1916. Д. 1728. Л. 15.

²⁰⁹ Джунковский В.Ф. Воспоминания. Т. 2. М., 1997. С. 354.

²¹⁰ Там же.

революционными элементами, проводящими антивоенную и пацифистскую пропаганду среди солдат и простых граждан.

Как известно, в результате реформ Джунковского были ликвидированы охранные отделения, за исключением Московского, Петроградского и Варшавского. В 1914 г. территориально Смоленская губерния, которая в предвоенное время входила в Северо-Западное районное охранное отделение, относилась в Московскому охранному отделению.

Поскольку численность жандармерии на территории Смоленской губернии была незначительной, требовалось усиление политической полиции. Для успешного противодействия агентам противника, а также сбора необходимых разведывательных данных о лицах, которые занимались подрывной деятельностью на территории Смоленской губернии, в начале войны руководством Отдельного корпуса жандармов из Московского охранного отделения в Смоленск было командировано подразделение филлеров в составе семи человек. Данное подразделение, по своей специфике более соответствовавшее разведке, занималось негласным наблюдением и сбором разведданных. Филлеры подчинялись непосредственно начальнику Смоленского губернского жандармского управления. Они располагались в Смоленске, при необходимости сотрудники филерского отделения выезжали на места, где производили розыскные действия, вели слежку за лицами, заподозренными в революционной или антиправительственной деятельности, или производили другие действия.²¹¹

Финансовое обеспечение филерского подразделения осуществлялось из Москвы, а действия сотрудников носили секретный характер. На филеров выделялось около 1500 рублей ежегодно. В 1915 г. на финансирование филлеров поступило 1436 рублей.²¹² Секретность работы московских филеров была настолько высокой, что помимо губернатора и начальника Смоленского губернского жандармского управления, другие жандармы не знали о присутствии

²¹¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 316. Ч. 1. 1915. Д. 71. Л. 3.

²¹² Там же. Л. 4.

филлеров на территории губернии. Все разведывательные сведения, поступавшие от сотрудников указанного подразделения выдавались за информацию, поступившую от агентурной сети. Эта информация, по мнению начальника жандармского управления полковника Астафьева, имела «очень ценный» характер.²¹³

Таким образом, на территории Смоленской губернии действовало Смоленское губернское жандармское управление и жандармская железнодорожная полиция. Центр жандармской железнодорожной полиции находился в Вязьме, а общей жандармерии – в Смоленске. Численность жандармерии в Смоленской губернии была незначительной.

Недостаток кадров компенсировался взаимодействием полиции и жандармерии, а также достаточно высоким образовательным и профессиональным уровнем офицеров жандармерии.

Суммируя все сказанное в первой главе, можно утверждать, что полномочия полиции и жандармерии в годы Первой мировой войны значительно расширились. Важнейшими инструментами управления и реализации полномочий правоохранительных структур были обязательные постановления губернаторов и военных властей. Реализацией этих постановлений, а также контролем над их исполнением занималась общая полиция. Между полицией и жандармерией сохранялось довоенное разделение полномочий. Однако в случае необходимости полиция и жандармерия оказывали друг другу содействие. На помощь правоохранительным органам могли приходить и военные части, расквартированные в губернии. В условиях войны царское правительство мобилизовало все силовые структуры, подчиняя их деятельность целям ведения войны и охраны правопорядка.

Социальный состав полиции и жандармерии отражал общие тенденции развития государственного аппарата России позднеимперского периода. В составе полиции исполнительной наблюдалось незначительное представительство дворянства и преобладание крестьянско-разночинского элемента. Хотя среди

²¹³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 316. 1915. Д. 71. Л. 4–5.

полицейских фактически не было лиц с военным образованием и за небольшим исключением все они принадлежали к гражданским чинам, образовательный уровень полиции можно считать достаточным для выполнения задач, возложенных на полицию Смоленской губернии. Офицерский корпус жандармов комплектовался из дворян, которые, как правило, имели военное образование и проходили более тщательный отбор при приеме на службу в жандармерию. Более высокий образовательный уровень офицеров жандармерии был обусловлен сложными задачами политического сыска.

Глава II. Деятельность полиции и жандармерии Смоленской губернии по снабжению армии

2. 1 Роль полиции и жандармерии в проведении мобилизационных мероприятий и в организации работ на армию

Во время войны одной из главных задач полиции и жандармерии стало проведение мобилизационных мероприятий и обеспечение нужд фронта.²¹⁴ Губернатор отвечал за все мобилизационные мероприятия на территории губернии. Он являлся председателем губернского по воинской повинности присутствия. Как известно, губернские и уездные по воинской повинности присутствия были созданы на основании закона «О введении общей воинской повинности» от 1 января 1874 г. и ликвидированы в январе 1918 г.

В состав губернского по воинской повинности присутствия помимо губернатора входили губернский предводитель дворянства, председатель губернской земской управы и ее член, уездный воинский начальник, прокурор окружного суда. Губернское присутствие осуществляло «общее наблюдение за правильным ходом призыва», осуществляло «раскладку призывников» и их переосвидетельствование.²¹⁵

Непосредственно учетом и призывом в армию занималось уездное присутствие под председательством уездного предводителя дворянства, в состав которого входили уездный воинский начальник, уездный исправник и член городской управы.²¹⁶

Предметом непосредственной ответственности полиции, помимо учета и призыва на действительную службу воинских чинов, являлось обеспечение порядка во время мобилизаций и во время передвижения воинских соединений, извещение родственников о смерти мобилизованных чинов, «высылка нижних

²¹⁴ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 73. 1915. Д. 12.2. Л. 14–15.

²¹⁵ ПСЗ-II. Т. 49. Ч. 1. № 52983. Ст. 81. 89.

²¹⁶ Там же. Ст. 84, 90.

чинов» к местам их службы после ранений.²¹⁷ Полиция должна была пресекать любые попытки оказания «хотя бы самой косвенной помощи врагу».²¹⁸

Накануне войны в Смоленской губернии имелись серьезные опасения по поводу проведения мобилизации в случае войны. 12 июня 1910 г. управление МВД по делам о воинской повинности сообщало в канцелярию смоленского губернатора о возникновении трудностей в обустройстве и оборудовании сборных пунктов в уездах и городах Смоленской губернии. Причинами серьезных недостатков было отсутствие достаточных денежных средств, сложность устроительных работ, недостаточность времени, отсутствие необходимых для оборудования сборных пунктов предметов (котлы, кухонная посуда, столовая мебель).²¹⁹

Тем не менее, кампании по призывам в армию в Смоленской губернии проходили успешно, чему не в малой степени способствовал патриотический подъем, охвативший всю страну. По этому поводу К.Д. Кафафов писал: «весть о войне была встречена по всей России с большим подъемом. Когда была объявлена мобилизация, призывные сами шли, не выжидая очереди. Матери гнали детей, жены – мужей послужить Отечеству».²²⁰ До сентября 1915 г. в Смоленской губернии было проведено 4 мобилизации в уездах Минского военного округа (Краснинском, Смоленском, Поречском), 5 мобилизаций в уездах Петроградского округа (Бельском, Духовщинском, Дорогобужском, Сычевском) и 6 мобилизаций в уездах Московского военного округа (Вяземском, Гжатском, Ельнинском, Рославльском, Юхновском). Первая мобилизация нижних чинов запаса на территории губернии началась 17–25 июля 1914 г.²²¹ На действительную службу призывались рядовые запаса и ополченцы, офицеры запаса армии и флота, а

²¹⁷ Русский военный сборник. Выпуск № 10. М., 1996. С. 98.

²¹⁸ ГАСО. Ф. 1289. Оп. 1. 1915. Д. 481. Л. 33.

²¹⁹ ГАСО. Ф. 3. Оп. 1. 1910. Д. 453. Л. 7.

²²⁰ Кафафов К.Д. Воспоминания о внутренних делах Российской империи // Вопросы истории. 2005. № 5. С. 88.

²²¹ ГАСО. Ф. 1. Оп. 6. 1915. Д. 117. Л. 418–421.

также врачи, ветеринары и фармацевты, состоящие в запасе и числящиеся в первом разряде ополчения.²²²

Население через газеты и объявления, которые развешивались в присутственных местах, оповещалось о начавшейся войне и мобилизации. В объявлениях указывались места сборных пунктов и время сбора мобилизованных. Нижние чины запаса, проживающие от сборного пункта на расстоянии не далее 25 верст, должны были явиться на сборный пункт на второй день мобилизации. Для тех, кто проживал далее 25 верст, время прибытия на сборные пункты определялось «волостным начальством». На все мобилизационные мероприятия на территории губернии отводилась неделя.²²³

30 июля 1914 г. на призывные пункты стали поступать новобранцы.²²⁴ К вечеру 30 июля 1914 г. губернатору Д.Д. Кобеко стали поступать донесения об успешном проведении мобилизации и всеобщем патриотическом подъеме у населения всех уездов губернии. Так, гжатский исправник М.Н. Неклюдов докладывал смоленскому губернатору, что по инициативе городского управления Гжатска перед зданием городской управы собрались командиры и офицеры, расквартированных в городе частей (командир 13-го мортирного артиллерийского дивизиона, командиры батарей, все офицеры дивизиона и других частей). «При громадном стечении народа» и под «несмолкаемые ура» был отслужен молебен по случаю выступления войск из Гжатска.²²⁵

Газета «Смоленский вестник» сообщала о мобилизации в Смоленском уезде. По свидетельству газеты, призывники направлялись в Смоленск, мобилизация проходила в соответствии с планом: «своевременно и без всяких недоразумений». С 6 часов утра 30 июля призывники стали прибывать в Смоленск к управлению Смоленского уездного воинского начальника, строились «в особые команды» или, разбившись на небольшие группы, «беседовали о балканских событиях». При этом будущие воины проявляли «спокойствие и

²²² Смоленские губернские ведомости. 1914. № 30.

²²³ Смоленский вестник. 1914. № 156.

²²⁴ Там же.

²²⁵ ГАСО. Ф. 1. Оп. 6. 1914. Д. 152. Л. 56.

строгость», соответствующие моменту. Газета писала о положительной реакции населения на события и примерном поведении провожающих на призывном пункте Смоленска: недалеко от мобилизационного пункта «расположились родственники и провожающие лица», нигде не было выявлено ни одного случая нарушения общественного порядка.²²⁶

В тот же день губернатору Д.Д. Кобеко поступило донесение от смоленского уездного предводителя дворянства об успешном выполнении плана мобилизации запасных чинов первоочередного призыва (проходивших службу в 1913, 1912 и 1911 гг.) и плана поставки в войска лошадей и повозок с упряжью.²²⁷ Смоленский уездный предводитель дворянства указывал на большую роль при проведении мобилизации уездного исправника И.А. Подлущкого и просил Д.Д. Кобеко представить Подлущкого к награде вне очереди за его труды.²²⁸

Мобилизации в армию по числу призванных солдат и по масштабу мер проводимых властями были чрезвычайно сложным и трудоемким делом для местной администрации и полиции. По данным на начало 1914 г. призыву в армию в Смоленской губернии подлежало 25790 человек.²²⁹ В действительности с начала войны до конца 1914 г. на территории Смоленской губернии было мобилизовано 74905 человек,²³⁰ или почти в 3 раза больше.

Как следует из таблицы № 6, в 1914 г. больше всего солдат было призвано в уездах, входящих в Петроградский военный округ: в Бельском уезде – 13 106 человек, в Духовщинском – 8439 человек, Дорогобужском – 6958 человек, в Сычевском – 5962 человека. В уездах, входящих в Московский военный округ, призывники составили в Вяземском уезде – 1108 человек, в Гжатском – 4354 человека, в Ельнинском – 6078 человек, в Рославльском – 9652 человек, в Юхновском – 3052 человека. Наконец, уезды, входившие в Минский военный

²²⁶ Смоленский вестник. 1914. № 158.

²²⁷ ГАСО. Ф. 1. Оп. 6. 1914. Д. 148. Л. 4.

²²⁸ Там же. Л. 5.

²²⁹ Обзор Смоленской губернии за 1913 г. Смоленск, 1915. С. 26.

²³⁰ ГАСО. Ф. 1. Оп. 6. 1915. Д. 117. Л. 418.

округ дали следующее число призывников: Краснинский – 3810 человек, Смоленский – 6062 человека, Поречский – 6324 человека.

В первой половине 1915 г. в уездах Петроградского военного округа было мобилизовано 925 человек. В Бельском уезде было призвано в армию 325 человек, в Духовщинском – 267 человек, в Дорогобужском – 178 человек, в Сычевском уезде – 155 человек. Из уездов Московского военного округа было призвано 2980 человек: из Вяземского – 359 человек, из Гжатского – 458 человек, из Ельнинского – 655 человек, из Рославльского – 1161 человек, из Юхновского – 347 человек. В уездах Минского военного округа было мобилизовано 3703 человека: в Краснинском – 1180 человек, в Смоленском – 1165 человек, в Поречском – 1358 человек.²³¹

За первый год войны самое большое число призывников дали Рославльский и Бельский уезды, которые по численности населения на начало 1914 г. занимали соответственно первое и третье место среди 12 уездов губернии.²³² Из Рославльского уезда было мобилизовано 10813 человек или приблизительно 4,5 % от общего числа населения (238092 человек). Из Бельского уезда в течение первого года войны на фронт ушло 13431 человек, что составило приблизительно 6,6% от общего числа населения (202021). Меньше всех за первый год войны от мобилизации в армию пострадал один из самых маленьких по численности населения Вяземский уезд (162071 человек), из которого было призвано 1467 человек или около 1 % населения.²³³ Как показывает таблица № 6, в 1914 г. 46% призывников дали четыре уезда Петроградского военного округа, а в 1915 г. почти половина всех призывников – 48,7% – пришлось на три уезда Минского военного округа, где существовала непосредственная угроза захвата территории, и где действовал режим военного положения.

²³¹ ГАСО. Ф. 1. Оп. 6. 1915. Д. 117. Л. 420 – 421.

²³² Второе место по численности населения согласно данным губернского статистического комитета принадлежало Юхновскому уезду, где проживало более 204 тыс. человек (204248): Обзор Смоленской губернии за 1913 год. Смоленск, 1915. VII прилож.

²³³ ГАСО. Ф. 1. Оп. 6. 1915. Д. 117. Л. 481–421; Обзор Смоленской губернии за 1913 год. Смоленск, 1915. VII прилож.

К 1 сентября 1917 г. в Смоленской губернии только в сельской местности было призвано 187800 человек или 43,9% трудоспособного населения. Почти каждое второе хозяйство отдало на фронт одного работника.²³⁴ Все это говорит о масштабах проводимых мобилизационных мероприятий.

В ходе призывов возникали проблемы, требовавшие немедленных действий со стороны губернатора. Так, в каждом уезде, который являлся призывным участком, была созвана врачебная комиссия для освидетельствования новобранцев. В связи с притоком беженцев и раненых в Смоленске и в уездных городах стала ощущаться нехватка врачей. В связи с этим губернатор Кобеко обратился к руководству санитарной части Минского военного округа о назначении в призывные комиссии врачей ближайших воинских частей. Начиная с 1914 г. в медицинских комиссиях Поречского, Смоленского и Краснинского уездов вместе с земскими врачами и врачами врачебного отделения губернского присутствия освидетельствование новобранцев на призывных пунктах проводили военные врачи.²³⁵

Успехи по проведению мобилизаций в Смоленской губернии были отмечены руководством страны. 27 сентября 1914 г. министр внутренних дел Н.А. Маклаков в телеграмме на имя губернатора Д.Д. Кобеко указывал, что император считал проведенную мобилизацию «блистательной» и достойной поощрения. Министр внутренних дел запрашивал у Кобеко перечень лиц, «оказавших действительно выдающиеся заслуги в мобилизации» для представления отличившихся к государственным наградам.²³⁶

К ордену Святого Станислава III степени был представлен начальник Смоленского сыскного отделения С.Г. Моисеев. Он проявил «особую энергию и распорядительность» в процессе мобилизации в 1914 г. Моисеевым была организована работа по пресечению скупки и спекуляций с военным имуществом, что позволило конфисковать у скупщиков воинское обмундирование и снаряжение на сумму свыше 15000 рублей. Скупщики были привлечены к

²³⁴ Россия в мировой войне 1914–1918 гг. (в цифрах). М., 1925. С. 49, 21.

²³⁵ ГАСО. Ф. 2. Оп. 103. 1914. Д. 311, Л. 3, 13–13 об.

²³⁶ ГАСО. Ф. 1. Оп. 6. 1914. Д. 148. Л. 12.

ответственности и понесли наказание по суду, а военное имущество было конфисковано и передано в действующую армию.²³⁷

Кроме того, за мобилизационные мероприятия были награждены пристав 2-ой части Смоленска М.Т. Семькин и его помощник С.Т. Байков, а также канцелярские служащие Смоленского городского полицейского управления.²³⁸ 12 февраля 1915 г. награды удостоился губернатор Б.А. Булгаков, ему была «присвоена светлобронзовая медаль на ленте ордена Белого Орла для ношения на груди».²³⁹

Мобилизационные мероприятия сопровождалось оперативными действиями полиции и жандармерии на предмет возможного проявления недовольства или выявлению агентов Германии и Австро-Венгрии. Жандармские унтер-офицеры в уездах осуществляли наблюдение за мобилизациями и постоянно докладывали в Смоленское жандармское управление об отправлении очередной партии мобилизованных из их уездов и о поведении мобилизованных.²⁴⁰

10 августа 1914 г. в канцелярию смоленского губернатора поступили сведения о том, что во время мобилизационных мероприятий на территории Гжатского уезда, в течение недели вдоль пути следования войск, по большой Московской дороге появлялись подозрительные автомобили, которые двигались из Москвы. В Гжатске эти автомобили были задержаны полицией. В результате дознания проведенного гжатский полицией во главе с исправником М.Н. Неклюдовым выяснилось, что пассажиры были торговцами, которые не могли воспользоваться железнодорожным транспортом вследствие перегрузки эшелонов, возникшей в связи с начавшей войной. Торговцы направлялись в Вязьму и Смоленск. Торговцы получили разрешение на дальнейшее следование, однако жандармерия установила над ними негласный надзор.²⁴¹

²³⁷ ГАСО. Ф. 1. Оп. 6. 1914. Д. 62. Л. 4.

²³⁸ ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. 1916. Д. 1019. Л. 28, 40.

²³⁹ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. 1915. Д. 82. Л. 4.

²⁴⁰ ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. 1914. Д. 763. Л. 71.

²⁴¹ ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. 1914. Д. 703. Л. 1.

Серьезным явлением, с которым столкнулись администрация и полиция, было движение несовершеннолетних добровольцев, а то и детей, которые стремились попасть на фронт и влиться в ряды действующей армии. Известно, что во время Первой мировой войны несовершеннолетние становились сыновьями полков, принимали участие в боевых действиях.²⁴² Участником Первой мировой был будущий маршал Советского Союза Р.Я. Малиновский.²⁴³ Вместе с тем российская общественность была встревожена этим явлением, поскольку война тяжело сказывалась на детской психике. К.И. Чуковский писал о необходимости оградить детей от «разгорания страстей, от нервической болезненной ненависти».²⁴⁴

В начале войны и на территории Смоленской губернии имело место самовольное отправление молодых людей на фронт. Оно осложняло работу полиции и жандармерии, в задачу которых входило задержание этой категории добровольцев и возвращения их назад. Так, 25 августа 1914 г. директор смоленской мужской гимназии Н.П. Евневич обратился к начальнику жандармского полицейского управления железных дорог задержать трех гимназистов, которые отправились на фронт.²⁴⁵

5 февраля 1915 г. смоленскому губернатору Б.А. Булгакову поступило распоряжение министра внутренних дел Н.А. Маклакова, в котором указывалось, что на фронте задерживаются малолетние лица, отправившиеся на театр военных действий для вступления в действующую армию. Беспокойство министра вызывал тот факт, что несовершеннолетние лица препровождаются к месту жительства их родителей, родственников или опекунов «в этапном порядке, в составе арестантских партий». Н.А. Маклаков считал, что «пребывание молодых лиц в преступной среде окажет серьезное негативное влияние на молодых особ». В связи с этим он дал распоряжение о том, чтобы несовершеннолетние

²⁴² См.: например, К. И. Чуковский. Дети и война // Нива. 1915. № 51–22; Родина. 2010. № 8.

²⁴³ Малиновский Р.Я. Солдаты России. М., 1969. (электронная библиотека: www.litmir.me. дата обращения 10. 01. 2018)

²⁴⁴ Чуковский К. И. Дети и война // Нива. 1915. № 51. С. 950 (электронная библиотека: runivers.ru.; дата обращения 10. 01. 2018).

²⁴⁵ ГАСО. Ф. 79. Оп. 1. 1914. Д. 116. Л. 58.

препровождались к родственникам только в сопровождении полицейских чинов и при содействии местных смоленских благотворительных организаций.²⁴⁶

Патриотическим порывом молодежи восторгалась смоленская пресса. «Смоленские епархиальные ведомости» в сентябре 1915 г. писали в восторженных тонах о создании на театре военных действий партизанских отрядов из молодежи, провоцируя тем самым молодых людей на отправление на фронт.²⁴⁷

Мобилизации захватывали и чиновников местных учреждений, что увеличивало объем работы оставшихся на службе. Губернские власти не раз просили об отсрочке от армии чиновников местных учреждений. Так, 3 ноября 1915 г. смоленский вице-губернатор обратился в Главное управление по делам о воинской повинности с прошением, в котором ходатайствовал об освобождении от призыва ряда чинов тюремного ведомства. Вице-губернатор В.Ю. Фере указывал на важность мастерских при губернских тюрьмах и их роли в работе по снабжению армии. Призыв чиновников на военную службу, по мнению вице-губернатора, мог повлиять на выполнение военных заказов в связи с большим объемом выполняемых работ и невозможностью достаточного контроля над их исполнением.²⁴⁸

Аналогичные просьбы поступали в центральные органы власти и из других губерний. Заместитель начальника управления по воинской повинности Федоров ответил положительно на просьбу смоленской администрации. По соглашению Военного ведомства и Министерства внутренних дел была предоставлена отсрочка от призыва целому ряду служащих губернских учреждений, включая служащих Смоленской губернии. Центральная власть осознавала, что в условиях войны значительно расширился круг обязанностей чиновников местных учреждений, требовавших от них административного опыта, и что трудно было найти замену мобилизованным чиновникам.²⁴⁹

²⁴⁶ ГАСО. Ф. 1 Оп. 6. 1914. Д. 148. Л. 10.

²⁴⁷ Смоленские епархиальные ведомости. 1914. № 17.

²⁴⁸ ГАСО. Ф. 1. Оп. 6. 1915. Д. 117. Л. 556.

²⁴⁹ Там же. Л. 592.

С просьбами об отсрочке от армии обращались к начальству и сами чиновники, выдвигая в качестве причин личные обстоятельства. В таких случаях все больше проявлялась усталость от войны, которая накапливалась с каждым годом и каждым месяцем. Случаи отказа от мобилизации имели место среди крестьян и горожан. Одним из мотивов отказа могли быть религиозные убеждения. Так, крестьянин Вяземского уезда Г.Е. Шахматов отказался от употребления оружия против врагов отечества по религиозным причинам, под предлогом невозможности отнять жизнь у человека. Ввиду этого вопрос Шахматова был перенаправлен в духовный департамент Министерства внутренних дел для принятия соответствующего решения.²⁵⁰

В 1916 г. к мобилизации в армию стали привлекать лиц, которые раньше имели отсрочки по медицинским показателям, а также студентов и гимназистов, которые по возрасту были годны к военной службе.²⁵¹ Гимназисты и студенты шли в армию добровольцами и часто по просьбе родителей. Так, в 1916 г. некто Ильинский обратился к директору мужской гимназии Смоленска с просьбой досрочно принять экзамены и выдать документы его сыну Василию Ильинскому, который желал поступить добровольцем в действующую армию.²⁵² С аналогичными заявлениями к директору гимназии обратились родители еще 12 гимназистов, которые также шли добровольцами на фронт.²⁵³

31 января 1916 г. вышел закон о призыве в армию студентов. С этого времени студенты отправлялись в подготовительные батальоны, расположенные в Нижнем Новгороде и Царицыне. Если студенты были непригодны к строевой службе, их записывали в ополчение.²⁵⁴ Во время войны многие студенты оказались в местах своего постоянного проживания, поэтому полиция

²⁵⁰ ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. 1916. Д. 925. Л. 2; Смоленская губерния в первой мировой войне. Смоленск: Край Смоленский, 2016. С. 34.

²⁵¹ ГАСО. Ф. 2. Оп. 103. 1914. Д. 311. Л. 3.

²⁵² ГАСО. Ф. 76. Оп. 1. 1915. Д. 966. Л. 83.

²⁵³ Смоленская губерния в первой мировой войне. Смоленск: Край Смоленский, 2016. С. 4–48; С. 89 – 145.

²⁵⁴ ГАСО. Ф. 1272. Оп. 2. 1916. Д. 119. Л. 85; Д. 142. Л. 15.

Смоленской губернии по распоряжению «воинского начальства» занималась реализацией этого закона.²⁵⁵

В Смоленской губернии имели место случаи уклонения от армии и укрывательства дезертиров. Проблема дезертирства была напрямую связана с проблемой боеспособности русской армии. Современная историография уделяет все большее внимание этому вопросу.²⁵⁶ По мнению А.Б. Асташова это явление носило достаточно распространенный характер уже в первый год войны.²⁵⁷

«До Февральской революции» больше всего дезертиров было на Юго-Западном фронте – 64582 человека, затем по этому показателю шел Северный фронт – 49055 человек. Западный фронт, тыловой территорией которого была Смоленская губерния, дал меньшее число дезертиров – 13648.²⁵⁸ Тем не менее, в изучаемый период, как это видно из вышеприведенных данных, проблема дезертирства была одной из серьезных, которая также легла на плечи смоленской полиции и жандармерии. Смоленский губернатор издал обязательное постановление по борьбе с дезертирством. В январе 1917 г. смоленским губернатором было принято решение о наказании 8 человек, нарушивших это постановление осенью 1916 г. (таблица № 7). Эти случаи имели место в Бельском, Вяземском, Гжатском, Духовщинском, Ельнинском и Смоленском уездах.²⁵⁹ Имеющиеся у нас сведения об укрывательстве дезертиров посторонними лицами во многих уездах губернии говорят о появившихся симптомах недовольства войной.

Наряду с укрывательством дезертиров полиция вела борьбу с уклонистами от армии. Наиболее вопиющий случай уклонения от службы, о котором было сообщено министру внутренних дел, произошел в Гжатском уезде. В августе 1915 г. конно-полицейский стражник Т. Новиков убил во время задержания

²⁵⁵ Там же. Л. 15.

²⁵⁶ Асташов А.Б. Дезертирство и борьба с ним в царской армии в годы Первой мировой войны // Отечественная история. 2011. № 4. С. 44–52; Сергеев Е. Ю. Актуальные проблемы изучения Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2014. № 2. С. 15–22.

²⁵⁷ Асташов А.Б. Дезертирство и борьба с ним в царской армии в годы Первой мировой войны // Отечественная история. 2011. № 4. С. 44–52.

²⁵⁸ Россия в мировой войне 1914–1918 гг. (в цифрах). М., 1925. С. 27.

²⁵⁹ ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. 1916. Д. 959. Л. 198, 188, 17, 172, 135, 52, 54, 167.

скрывавшегося от мобилизации барона Ф.Ф. Меллер-Закомельского, который стал отстреливаться от преследовавшего его стражника.²⁶⁰

Одной из важнейших задач в военное время являлось снабжение действующей армии продовольствием, скотом, фуражом, одеждой, вооружением, боеприпасами и другими необходимыми предметами. Смоленская губерния, которая находилась в непосредственной близости от фронта, географически являлась одним из передовых пунктов снабжения войск. Однако на территории губернии не было крупных предприятий, которые давали фронту вооружение и боеприпасы в значительном количестве. Тем не менее, Смоленская губерния не стояла в стороне от дела снабжения фронта.

Частью мобилизационных мероприятий являлись реквизиции – принудительное отчуждение имущества на нужды войны. 29 августа 1914 г. Николай II подписал «Положение о порядке производства реквизиций на время войны и в период мобилизаций».²⁶¹ Согласно Положению организация реквизиций была возложена на местные гражданские или общественные власти и на военных «с участием или без участия местных властей».²⁶² Реквизиции производились «уравнительною раскладкой» с доставкой в назначенные пункты. Размеры компенсации за принудительно отчужденные для нужд армии предметов регламентировались особыми комиссиями, создаваемыми в соответствии с правилами «О местностях, объявленных состоящими на военном положении». Компенсация за реквизированное имущество выдавалась жителям наличными средствами и немедленно.²⁶³

Реквизиции проводились на протяжении всего изучаемого периода. Реквизициям подлежали скот, предметы обмундирования, оружие и другое. С целью учета реквизиций и заготовок для армии «по трем военным округам, к

²⁶⁰ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 124. 1915. Д. 66. ч.7. Л. 10–11.

²⁶¹ Алексеев Т.В. Реквизиционная деятельность особого совещания по обороне государства в годы Первой мировой войны // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 11. С. 81.

²⁶² Положение о порядке производства реквизиций на время войны и в период мобилизаций. Ст. 3 // www.prilib.ru; Авербах О.И. Законодательные акты, вызванные войной. Вильнюс, 1915. С. 183–185.

²⁶³ Смоленский вестник. 1914. № 161. С. 1.

которым были отнесены уезды Смоленской губернии» в составе губернского присутствия было образовано особое делопроизводство. В него входили два специально приглашенных лица и руководитель присутствия Е.И. Кубаровский. Известный на Смоленщине земец, Е.И. Кубаровский во время войны являлся неперменным членом губернского присутствия. В задачу особого делопроизводства помимо ведения отчетной документации и сбора разного рода сведений входили и организационные вопросы: образование общественных комиссий по приему предметов для армии, доставление им необходимых сведений и «распоряжений начальства», выполнение специальных поручений губернатора.²⁶⁴ В октябре и ноябре 1914 г. Кубаровский был командирован губернатором в Москву и Минск «для выяснения вопросов, связанных с заготовками и реквизициями». В конце 1914 г. Кубаровский был откомандирован для решения продовольственного вопроса и «дело изготовления и отчуждения на армию» было возложено на исполняющего обязанности члена губернского присутствия В.С. Штромберга.²⁶⁵ Реквизиции сопровождалась обязательными постановлениями губернатора.

Самыми болезненными для населения губернии были реквизиции лошадей и крупнорогатого скота. Реквизиции скота подразделялись на два вида: реквизиции лошадей, повозок, утвари, фуража для комплектования армии и реквизиции скота для ее продовольственного обеспечения.

В комиссии по приему реквизированного скота входили ветеринарные врачи, члены земских управ, представители полиции (помощники исправника или становые приставы). Сроки реквизиций указывались военными властями. Губернатор доводил до сведения комиссии цены за реквизированный скот, полиция осуществляла охрану реквизированного имущества. Реквизиции скота были дополнены обязательным распоряжением губернатора, запрещающим вывоз

²⁶⁴ ГАСО. Ф. 1. Оп. 7. 1914. Д. 63. Л. 418–418 об.

²⁶⁵ Там же. Л. 418.

фуража за пределы губернии. Виновные подвергались аресту до трех месяцев или штрафу до трех тысяч рублей.²⁶⁶

Реквизиции лошадей, повозок и утвари для армии проводились в уездах Минского военного округа. В Смоленском уезде в 1914 г. было проведено четыре реквизиции: 17 июля, 28 сентября, 23 октября и 10 ноября.²⁶⁷ 17 июля 1914 г. распоряжением Смоленского уездного по воинской повинности присутствия на Молоховской площади был организован сгонный пункт. В распоряжении указывалось, что владельцы лошадей, повозок и упряжи обязывались предоставить всех принадлежащих им лошадей в «рабочем возрасте». Хозяева реквизированного скота получали достаточно высокую денежную компенсацию. За лошадь «верхового сорта» или пригодную для «запряжки орудий и зарядных ящиков» им выплачивалось 220 рублей; за лошадь, подходящую к «запряжке обоза» – 150 рублей или 100 рублей.²⁶⁸

Размер компенсации за предоставленные повозки зависел от ее вида: повозки на железных осях оценивались в 59 рублей, на деревянных осях – в 39 рублей. Оглобленная ременная упряжь оценивалась в 28 рублей, смешанная – 20 рублей. Дышловая ременная упряжь реквизировалась по цене 61 рубль за штуку, смешанная – по цене 44 рубля. Реквизиция для жителей Смоленского уезда носила обязательный характер, поэтому устанавливались нормы взыскания для лиц, не предоставивших в указанный срок принадлежащих им лошадей, повозок и упряжь. Максимальный штраф не должен был превышать двойной цены за лошадь первого разряда, а именно 440 рублей.²⁶⁹

29 января 1916 г., на основании приказа командующего армиями Западного фронта, последовало циркулярное предписание смоленского губернатора о реквизиции в трех уездах Минского военного округа всех лошадей, «годных для военной службы». Этим же распоряжением губернатор от уездных исправников, Смоленского полицмейстера и уездных по воинской повинности присутствий

²⁶⁶ ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. 1915. Д. 802. Л. 108.

²⁶⁷ ГАСО. Ф. 1. Оп. 6. 1914. Д. 148. Л. 3.

²⁶⁸ Смоленский вестник. 1914. № 157.

²⁶⁹ Там же.

взять на учет лошадей, которые могут быть приняты при последующих реквизициях. Помимо этого, главнокомандующий Западного фронта требовал от Смоленской губернии 4 тыс. обозных лошадей второго разряда.²⁷⁰

Смоленская губерния давала фронту большое количество крупного рогатого скота. Реквизиции касались всех уездов губернии. Только Смоленский уезд дал весной 1915 г. фронту 1575 голов скота. 2 февраля 1916 г. население должно было поставить в войска более 5000 голов крупного рогатого скота и более 300 тысяч пудов сена.²⁷¹ Массовость реквизиций подтверждается и тем, что уже через месяц – 15 февраля 1916 г. – была назначена дополнительная реквизиция рогатого скота в Смоленском уезде в количестве 1 тысячи голов.²⁷²

Реквизиции лошадей коснулись и беженцев. Распоряжением начальника Минского военного округа 19 сентября 1915 г. в Рославльском уезде, где скопилось большое число беженцев, у них началась покупка лошадей и повозок для нужд армии.²⁷³

Реквизиции скота и фуража наносили урон сельскому хозяйству губернии и способствовали нарастанию кризисных явлений в аграрной экономике губернии. В 1916 г. появились случаи уклонения от реквизиций. Так, 17 января 1917 г. смоленским губернатором были наказаны в административном порядке, жители Сычевского и Гжатского уездов, которые отказывались сдавать скот для реквизиции.²⁷⁴ Причем в Сычевском уезде, где разводили коров симментальской породы, три из четырех случаев нарушения обязательных постановлений губернатора в ноябре-декабре 1916 г. касались этого вида правонарушений. В Сычевском уезде произошел и первый коллективный отказ сдавать коров. 26 декабря 1916 г. семеро крестьян Баскаковской волости отказались гнать скот на реквизиционный пункт.²⁷⁵

²⁷⁰ ГАСО. Ф. 1146. Оп. 2. 1916. Д. 120. Л. 34–34 об; Смоленская губерния в Первой мировой войне. Смоленск: Край Смоленский, 2016. С. 61–62.

²⁷¹ ГАСО. Ф. 55. Оп. 1. 1915. Д. 154. Л. 19.

²⁷² Там же. Л. 224.

²⁷³ ГАСО. Ф. 1. Оп. 7. 1914. Д. 598. Л. 57.

²⁷⁴ ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. 1916. Д. 959. Л. 60, 62, 64, 13, Л. 87.

²⁷⁵ Там же. Л. 62.

Наряду с реквизициями скота большой проблемой для администрации была реквизиция вещей. 4 октября 1914 г. смоленский губернатор Кобеко издал обязательное постановление, в котором требовал «немедленно задержать всю имеющуюся в продаже у торговцев одежду, составляющую обиход простонародья».²⁷⁶

Для приема вещей, для оценки их пригодности и стоимости создавались специальные комиссии. В них входили представители местной власти, военных, и местного и городского самоуправления. Например, в Смоленском уезде в ее состав входили помощник уездного предводителя дворянства Н.А. Вонлярлярский, воинский начальник Вульф, уездный исправник И.А. Подлущкий, смоленский полицеймейстер В.А. Семенов и его помощник В.Г. Рабчинский, члены уездной земской управы М.П. Неплевский и А.Е. Зоннэ, а также представители интендантских учреждений В.Г. Смидович и Н.М. Лавров.²⁷⁷

В уездные комиссии приглашались и эксперты, которые в отличие от чиновников, получали плату за работу в комиссиях. Списки вещей реквизированных комиссиями Смоленской губернии включал сукно, ткани, одеяла, овчины, полушубки, валенки, «предметы вольной одежды».²⁷⁸ Например, в Краснинском уезде к началу 1915 г было реквизировано 760 фуражек, 416 зимних шапок, 150 пиджаков, 296 брюк и др.²⁷⁹ В Смоленском уезде к февралю 1915 г. было реквизировано готовых изделий на сумму 3736 рублей.²⁸⁰ Эти реквизированные вещи и материалы направлялись на железнодорожные станции, а часть их них оставалась в уездах и служила сырьем для пошива одежды кустарями.

Дела о реквизиции вещей показывают, что распоряжения властей не всегда строились на учете реальных возможностей населения. Так, в делопроизводственной документации канцелярии смоленского губернатора

²⁷⁶ ГАСО. Ф. 1. Оп. 7. 1914 Д. 602. Л. 24.

²⁷⁷ Там же. Л. 247.

²⁷⁸ ГАСО. Ф. 1. Оп. 7. 1914. Д. 63. Л. 419 об.

²⁷⁹ ГАСО. Ф. 1. ОП. 7. 1914. Д. 602. Л. 107.

²⁸⁰ Там же. Л. 175.

особое внимание уделялось реквизициям сукна. В 1914 г. в канцелярию губернатора поступило четыре распоряжения военных властей о реквизиции сукна. Власти требовали «отчуждать в казну» все сукно, приготовленное как для продажи, так и находящиеся на складах».²⁸¹

Осенью 1914 г. у населения Вяземского, Гжатского, Ельнинского и Рославльского уездов было конфисковано этой ткани на сумму около 6 тысяч рублей.²⁸² Но сукно в губернии не производилось. Юхновский исправник доносил губернатору об отсутствии сукна у населения уезда. Поэтому реквизиции сукна были заменены реквизициями теплых вещей. «В отмену всех постановлений об изъятии сукна», 24 октября 1914 г. Е.А. Рауш фон Траубенберг потребовал представить в местные полицейские управления данные о количестве теплых вещей, одеял и готового платья, с тем, чтобы местные власти могли определить «потребное для реквизиции» и указать цены и пункты приема этих вещей.²⁸³

Реквизиции вещей тяжело отражались на положении населения, которое в 1915–1916 гг. все больше ощущало недостаток в одежде и обуви. Появились случаи покупки обмундирования гражданскими лицами у военных. Губернатор вынужден был издать специальное постановление, запрещающее скупку военного обмундирования.²⁸⁴ Изъятие вещей у населения показывало, что война требовала от местной власти мобилизовать все ресурсы, имевшиеся в губернии, часто в ущерб жизненным потребностям населения.

В Смоленской губернии не было развито промышленное производство, она оставалась аграрной губернией. По данным Д.И. Будаева, в начале XX века в Смоленской губернии число рабочих на промышленных предприятиях «достигало примерно 15 тысяч человек», что составляло «всего лишь около одного процента от общей численности населения». Даже в Смоленске было всего 1,5 тысячи рабочих²⁸⁵ или 2% от общей численности населения губернского

²⁸¹ ГАСО. Ф. 1. Оп. 7. 1914. Д. 598. Л. 1 об.

²⁸² ГАСО. Ф. 1. Оп. 7. 1915. Д. 604. Л. 357.

²⁸³ ГАСО. Ф. 1. Оп. 7. 1914. Д. 602. Л. 292.

²⁸⁴ ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. 1914. Д. 559. Л. 118, 129 и др.

²⁸⁵ Будаев Д.И. Смоленская губерния в 1861–1917 гг. Смоленск, 1990. С. 25–27.

города в 1911 г.²⁸⁶ Для обеспечения армии особое значение имела структура производства. Перед Первой мировой войной в Смоленской губернии была развита обрабатывающая промышленность и производство строительных материалов. По терминологии начала XX в. промышленность Смоленской губернии, как это значилось в приложении к отчету смоленского губернатора, делилась на три вида: фабрики и заводы, 1) обделывающие животные продукты, 2) растительные продукты и 3) ископаемые продукты и насчитывала около 2 тысяч предприятий (1902). Самое большое количество приходилось на мукомольные (538), кирпичные (192), сыроваренные (133) и кожевенные (84) заводы.²⁸⁷ Наиболее полезными с точки зрения снабжения армии были кожевенные заводы, на которых перед войной работало около пятисот (439) рабочих.²⁸⁸

Состояние и структура промышленного производства обусловили необходимость привлечения к производству предметов для армии кустарей, что требовало больших организационных усилий. В свою очередь широкое привлечение кустарей к работам на армию строилось на статистических данных, которыми не располагала администрация. Поэтому организации работ силами кустарей предшествовал сбор необходимой информации. Губернатор требовал от уездных исправников точных сведений о наличии в уездах сапожников, портных, о наличии в магазинах тех или иных товаров и т.п.

В организации работ на армию можно выделить два периода. Первый охватывает время сначала войны до августа 1915 г. - до создания Особого совещания по обороне. В 1914-1915 гг. внимание администрации Смоленской губернии было сосредоточено на реквизициях и снабжении армии путем кустарного производства. Из сообщения смоленского губернатора общему отделу МВД видно, что губернская власть выделяла три направления, по которым работала местная администрация до марта 1915 г. К ним губернатор Б.А. Булгаков

²⁸⁶ Краткие хозяйственно-статистические сведения по Смоленской губернии. Смоленск, 1912. С. 21.

²⁸⁷ Обзор Смоленской губернии за 1913. г. Смоленск, 1915. Прил. II.

²⁸⁸ Там же.

отнес работы по снабжению армии обувью; предметами одежды и амуниции и «продуктами продовольствия».²⁸⁹

В начале войны, по распоряжению министра внутренних дел, администрация губернии организовала шитье сапог для армии в каждом уезде и создала специальные комиссии для приема обуви у кустарей.²⁹⁰ Этому виду работ на армию большое внимание в своем исследовании уделил В.А. Кононов. По его данным, в Смоленской губернии действовали многочисленные мастерские, ориентированные на шитье сапог для армии, контролируемые лично губернатором. Уже с осени 1914 г. на данных предприятиях ежемесячно производилось более 11 тысяч пар обуви.²⁹¹

Действительно, наличие большого числа кожевенных заводов создавало условия для массового производства сапог на нужды армии с привлечением кустарей. К тому же благодаря действиям губернатора производство обуви для армии получило хорошую организацию. Она осуществлялась под руководством губернатора особым делопроизводством, о котором говорилось выше, и особыми комиссиями. На всех стадиях этого вида работ были задействованы полицейские чины. Они собирали сведения о числе сапожников и сапожных мастерских, кожевенных заводах и оптовых торговцах кожей. Попутно полиция собирала данные о портных, портняжных и шорных мастерских, а также и другие сведения «необходимые для изготовления обмундирования», но которые «до востребования» хранились у исправников.²⁹² Можно сказать, что канцелярии уездных полицейских управлений в начале войны стали местными статистическими бюро. Получение первоначальной информации было возложено на станowych приставов, и отчетность велась по уездам и станам.²⁹³ Статистика о кустарях стала настолько востребованной, что губернатор просил исправников поторопиться и «телеграфировать» как можно быстрее.²⁹⁴

²⁸⁹ ГАСО. Ф. 1. Оп. 7. 1914. Д. 63. Л. 417.

²⁹⁰ ГАСО. Ф.65. Оп. 2. 1914. Д. 1559. Л. 35 об, 119.

²⁹¹ Кононов. Смоленские губернаторы. 1711–1917. Смоленск, 2004. С. 365.

²⁹² ГАСО. Ф. 1. Оп. 7. 1914. Д. 63. Л. 2.

²⁹³ Там же. Л.207–208.

²⁹⁴ Там же. Л. 9.

Для размещения заказов и приема готовых сапог создавались специальные комиссии из председателей уездных управ (председатель), представителя городского самоуправления и помощника уездного исправника. Уездная комиссия определяла цену готовых изделий, выдавала деньги за выполненные работы. Комиссии работали еженедельно. Поскольку дело было достаточно сложным, то в комиссию стали привлекать экспертов – людей хорошо знавших сапожное дело.²⁹⁵ При участии М.С. Штромберга и по распоряжению губернатора уездные комиссии в губернии были созданы в короткое время: с 29 сентября по 7 октября 1914 г. Первой начала работать Вяземская комиссия, последней – Рославльская.²⁹⁶

Одной из задач комиссии был также контроль наличия сырья для производства сапог. Для этой цели лучше всего подходил такой член комиссии как помощник исправника. Например, в сентябре 1914 г. помощник духовщинского исправника В.Ф. Юденич «в присутствии трех экспертов осмотрел всю наличность кожанного товара в местных лавках» и нашел у четырех торговцев «хорошего товара на 218 пар». 1 октября Юденич и председатель уездной управы с этой же целью направились в Ярцево-Перевоз, где располагалась сапожная мастерская торговца Малкина.²⁹⁷

Однако учет производителей и сырья по всей губернии был не только трудоемким делом. В условиях военного времени он должен был осуществиться в максимально короткие сроки. Поэтому губернатор Кобеко решил организовать пошивку сапог на армию «явочным путем». 22 сентября 1914 г. он издал постановление, по которому обязал «каждого сапожника изготавливать из собственного товара <... > по две пары сапог в неделю с платой от казны от 7 рублей до 8 рублей 50 копеек за пару, в зависимости от качества сапог».²⁹⁸ Особое внимание уделялось качеству производимой продукции. МВД направляло в канцелярию губернатора требования, которым должны были соответствовать сапоги: «голенища сапог юфтовые», «длиною 10 вершков», «подошвы двойные».

²⁹⁵ Там же. Л.12, 37, 51.

²⁹⁶ Там же.

²⁹⁷ Там же. Л. 59.

²⁹⁸ Там же.

В инструкции о качестве сапог включались рисунки с указанием необходимых параметров. Эти инструкции рассылались комиссиям, которыми они руководствовались при приеме сапожной продукции.²⁹⁹ Одновременно с этим комиссии скупали у населения сапоги, «вполне годные для носки» по два рубля за пару.³⁰⁰ Сапожные работы были организованы и при Смоленской каторжной тюрьме.

Администрация и военные придавали большое значение качеству выпускаемой продукции, поэтому в апреле 1916 г. вице-губернатор Фере на основании распоряжения начальника Минского военного округа для проверки качества сапог создал две поверочных комиссии: одну – в Смоленске, вторую – в Вязьме. В эти комиссии входили представители земского и городского самоуправления, военного ведомства, интендантств, эксперты. Поверочные комиссии имели право «распиливать некоторые пары сапог» и наказывать изготовителей при «обнаружении злоупотреблений явной недобросовестности».³⁰¹ Другими словами, губернская власть несла ответственность не только за организацию работ по изготовлению сапог, но и за качество отправляемой на фронт обуви.

Производство сапог – самая успешная снабженческая операция помощи армии населением Смоленской губернии. К марту 1915 г. Смоленская губерния дала фронту 44708 пар добротных сапог, из которых 3040 пар сапог было пошито заключенными Смоленской каторжной тюрьмы.³⁰² Производство обуви способствовало развитию кожевенной и сапожной промышленности губернии. Центрами кожевенного и сапожного дела были Сычевский и Бельский уезды, исправники которых получали устные одобрения губернатора за образцовое выполнение своих обязанностей по организации работ на нужды армии. Так, по донесению сычевского исправника, кожевенная мастерская М.М. Боушева,

²⁹⁹ Там же. Л.20, 21.

³⁰⁰ ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. 1914. Д. 699. Л. 467.

³⁰¹ ГАСО. Ф. 517. Оп. 1. 1916. Д. 35. Л 41–41об.

³⁰² ГАСО. Ф. 1. Оп. 7. 1914. Д. 63. Л.419.

расположенная во 2 стане Сычевского уезда, до войны «вырабатывала до 500 пар вытяги в месяц, а в январе 1915 г. – до 1 тысячи».³⁰³

Однако все производство имело исключительно военное назначение и проходило в условиях жесткого давления со стороны органов губернской полиции. 3 февраля 1915 г. губернатор Булгаков издал обязательное постановление для девяти уездов губернии, по которому скупка, продажа, выработка кож и кожаных товаров запрещалась. Губернатор требовал, чтобы все сырье шло исключительно на пошив сапог для армии. Население в трехдневный срок должно было сообщить в местные полицейские управления о наличии кожи и кожаных товаров, а владельцы предприятий создавать необходимые заказы. Соответствующие обязательные постановления были сделаны и начальником Минского военного округа с объявлением кожевенных товаров «предметами первой необходимости».³⁰⁴

Помимо сапог кустари Смоленской губернии получали заказы от военных властей на «пошитье» белья (Поречский уезд), сёдел (Смоленский уезд), полушубков, шинелей, походных рубаш, рукавиц, фуражек и других вещей (Гжатский, Ельнинский уезды).³⁰⁵ Осенью 1914 г. в Смоленской губернии крестьяне стали заготавливать для армии сухари. При организации работ местная власть использовала материальные стимулы. Так, управляющий интендантскими учреждениями Смоленска, обращаясь к губернатору Смоленской губернии, писал, что заготовка сухарей для армии дает «хороший заработок и подспорье в хозяйстве крестьян».³⁰⁶ В ноябре 1914 г. интендантское управление решило поднять цены на сухари для армии с 2 рублей 20 копеек за пуд до 2 рублей 70 копеек за пуд.³⁰⁷ «Прием сухарей, какими угодно партиями, производился в Смоленском запасном магазине» на Казанской горе. Недалеко от места сдачи

³⁰³ Там же. Л.296–296 об.

³⁰⁴ ГАСО. Ф. 1. Оп. 7. 1914. Д. 63. Л. 342, 419.

³⁰⁵ Там же. Л. 419, 407.

³⁰⁶ ГАСО. Ф. 1. Оп. 7. 1914. Д. 598. Л. 11.

³⁰⁷ Там же.

сухарей (за Молоховскими воротами) лица, сдавшие сухари, получали по квитанции деньги.³⁰⁸

Таким образом, губернатор использовал производственный потенциал кустарей губернии для снабжения армии различными вещами и предметами. С осени 1914 г. удалось наладить массовое производство для армии. Большую роль в деле снабжения армии продуктами кустарного производства сыграла местная полиция.

Вторым направлением по снабжению действующей армии была работа смоленских предприятий. Наиболее активная фаза выполнения заказов силами смоленских предприятий пала на второй период организации работ по снабжению армии на территории Смоленской губернии.

Предприятия губернии давали фронту предметы вооружения, но роль местной администрации в организации военного производства была не так значительна, как в случае реквизиций и организации работ силами кустарей. Тем не менее, губернатор при помощи полиции собирал сведения о работе предприятий, способствовал размещению военных заказов. Полиция и жандармерия отвечали за сохранение общественного спокойствия, противодействовали антиправительственным и антивоенным настроениям рабочих и обеспечивали бесперебойную работу предприятий.

На первом этапе – до лета 1915 г. – работы носили разрозненный характер. Заказы получали наиболее крупные предприятия Смоленщины. В 1915 г. заказы на армию выполняли катушечная фабрика В.В. Гергарди, для чего получала медь из Тулы; фабрика земледельческих машин в Вязьме; кожевенный завод Х.В. Певзнер, работавший на флот, и завод Боровикова.³⁰⁹ Бумажные ткани для одежды и палаток поставляла Ярцевская мануфактура Прохорова и Хлудова.³¹⁰

В августе 1915 г. было создано Особое совещание для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. В его задачу, в частности, входил надзор за деятельностью государственных и частных предприятий,

³⁰⁸ Там же.

³⁰⁹ ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. 1916. Д. 906. ОЦ. Л. 4, 8.

³¹⁰ ГАСО. Ф. 1. Оп. 7. 1914. Д. 598. Л. 10.

«изготавливающих предметы боевого и прочего материального снабжения армии и флота».³¹¹ Для достижения поставленной цели страна была разделена на 10 районов. Смоленская губерния с еще 8 центральными губерниями (Московской, Владимирской, Костромской, Тульской, Калужской, Рязанской, Орловской и Ярославской) была отнесена к Московскому району во главе с уполномоченным генерал-майором С.И. Чердынцевым, который действовал через губернаторов.³¹²

С этого момента главная задача смоленского губернатора заключалась в сборе информации о наличии предприятий для производства предметов для армии. Эта информация собиралась при помощи исправников. В 1916 г. в губернском центре на армию работало 12 предприятий. Причем одно из них – токарный завод Е.Г. Боровикова по распилке снарядов – к 1916 г. прекратил производство. Из 11 предприятий два – Депо электрического общества и Товарищество сельскохозяйственных машин «Вилия» – являлись акционерными обществами, остальные принадлежали частным лицам.³¹³ На заводе С.С. Родионова была устроена механическая мастерская X армии Западного фронта. Смоленск давал армии ручные гранаты, снаряды, цилиндры, гильзы и стальные стаканы для снарядов, перевязочные средства. Портняжная мастерская снабжала Двинское интендантское управление шароварами и погонами, кожевенный завод Певзнер давал сапоги и «амуничные вещи». Товарищество «Вилия» производило разнообразные и крайне необходимые для армии предметы: походные кухни, хлебопекарни, печи, повозки, пожарные бочки, штурмовые лестницы, кирки, топоры, ломы.³¹⁴ К работам на армию были привлечены и заключенные Смоленской пересыльной тюрьмы. Смоленские предприятия выполняли заказы Минского интендантского управления, Петроградского арсенала, Инженерной части Минского военного округа и других воинских подразделений.³¹⁵

³¹¹ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1915 г. СПб., 1916. Отд. 1. № 231. Ст. 1760.

³¹² ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. 1916. Д. 906. ОЦ. Л. 11.

³¹³ Там же. Л. 46–46 об.

³¹⁴ Там же.

³¹⁵ Там же.

К сентябрю 1917 г. в губернии на армию работало 49 заводов с числом рабочих 10520 человек. Это было значительно меньше, чем в промышленных губерниях центральной России. Так, в Орловской губернии, продукцию для фронта давали 104 предприятия с числом рабочих 20099 человек, во Владимирской губернии – 158 предприятий с числом рабочих 93 тысячи человек.³¹⁶

«Недостаточность» поставок восполнялась за счет благотворительности и пожертвований со стороны организаций и частных лиц. Общий надзор за деятельностью благотворительных организаций осуществляли администрация и полиция. На протяжении изучаемого периода в Смоленской губернии происходил сбор денежных средств, сбор подарков и сувениров. В данном случае деятельность администрации непосредственным образом смыкалась с деятельностью благотворительных организаций. В довоенное время губернатор осуществлял общий надзор за деятельностью благотворительных организаций на предмет соблюдения ими законности. Ежегодно благотворительные организации, действовавшие на территории губернии, подавали отчеты в канцелярию губернатора. Во время войны администрация принимала непосредственное участие в сборе добровольных пожертвований от населения. В Смоленске был создан Дамский комитет для помощи армии, председательницей которого стала жена губернатора Булгакова Е.А. Булгакова. Комитет принимал пожертвования от всех слоев населения. Так, в телеграмме от 20 января 1915 г. управляющий акцизными сборами в Смоленской губернии В. Озмидов уведомлял Б.А. Булгакова о том, что служащие семи казначейств пожертвовали для нужд армии 285 рублей, 23 копейки. Озмидов просил смоленского губернатора направить данные денежные средства его супруге Е.А. Булгаковой как председательнице Дамского комитета.³¹⁷

Добровольные пожертвования для армии осуществлялись и в уездах Смоленской губернии. 10 марта 1915 г. Б.А. Булгакову поступила телеграмма от

³¹⁶ Россия в мировой войне 1914–1918 гг. М., 1925. С. 65.

³¹⁷ ГАСО. Ф. 1. Оп. 6. 1915. Д. 116. Л. 1.

председателя Вяземской земской управы В. Дрызлова о том, что им был организован сбор пожертвований для армии «разными вещами», преимущественно «холстами, нательным бельем и прочим». Сбор пожертвований был организован через волостных старшин и учащихся народных школ. Дрызлов уведомлял смоленского губернатора, что в Вяземскую управу поступило пожертвований «в размере двух тюков» и он просил дать указания, куда отправить собранные пожертвования для дальнейшей передачи в войска.³¹⁸

Иногда сбор пожертвований приурочивался к определенным праздникам. 27 марта 1915 г. в Ельнинской земской управе было собрано порядка 100 руб. на пасхальные подарки для воинов действующей армии, о чем председатель управы П. Дрейке уведомлял Б.А. Булгакова.³¹⁹

В сборах на армию участвовали православные верующие. В 1915 г. Смоленской епархией в армию было отправлено 8 тысяч комплектов белья, одна тысяча комплектов была роздана раненым лечебных учреждений. Партию белья на фронт доставили смоленские священники.³²⁰

Администрация вела и идеологическую работу по информированию населения и по поддержанию чувства патриотизма среди населения губернии, прибегая при этом к содействию религии. Так, с середины августа 1914 г. на территории ряда уездов по личному согласию Д.Д. Кобеко начали издаваться военные бюллетени. Одним из первых прошение на издание бюллетеня подал 10 августа 1914 г. ржевский мещанин И.Г. Бирюков, который просил разрешения на издание ежедневного военного бюллетеня «Последние телеграммы с театра войны».³²¹ Такие бюллетени представляли собой перепечатки из официальных газет, прошедших необходимую цензуру, поэтому разрешались губернатором к изданию. В начале 1916 г., когда население начало испытывать усталость от идущей войны, Шумовский распорядился использовать агитацию среди

³¹⁸ ГАСО. Ф. 1. Оп. 6. 1915. Д. 117. Л. 124.

³¹⁹ Там же. Д. 116. Л. 40.

³²⁰ Смоленские епархиальные ведомости. 1916. № 2.

³²¹ ГАСО. Ф. 1. Оп. 6. 1915. Д. 133. Л. 25.

населения для усиления патриотических настроений и поддержания боевого духа.³²²

В губернском и уездных городах постоянно проходили молебны в связи с событиями на фронте. 23 марта 1915 г. в Белом были проведены торжественный молебен и шествие по случаю взятия войсками крепости Перемышль. Вместе с религиозными мероприятиями воинским начальником был организован торжественный парад войск.³²³ Смоленск, в свою очередь, для поддержания уважения к власти и сохранения патриотического настроения среди жителей использовал проезд в город императора Николая II. 9 сентября 1915 г. в связи с принятием Николаем II верховного командования, в Успенском кафедральном соборе был проведен торжественный молебен. Эти патриотические акции требовали дополнительных усилий от полиции и жандармерии, которые занимались оперативной и организационной работой, обеспечивали порядок во время массовых акций или передвижения императора по территории губернии. В формулярных списках полицейских Смоленской губернии во время войны появилась запись (такие записи имелись и в довоенное время) об объявлении благодарности «за образцовый порядок и успешное выполнение ответственных экстренных поручений по охране общественного порядка» во время пребывания или следования императора по территории губернии.³²⁴

Органы губернской полиции постоянно занимались конфискацией оружия. Эту форму работы можно отнести и к делу снабжения армии, и к делу обеспечения общественного порядка. В довоенное время в России было запрещено ношение оружия частными лицами. В 1911 г. была принята инструкция о пользовании оружием гражданскими лицами, по которому воспрещалась его продажа, хранение и ношение лицам, не имеющим на то разрешения. Такие же меры были приняты по отношению к холодному оружию, кастетам и предметам, имеющим тяжелые набалдашники. Исключение делалось для лиц, которые имели при себе вышеуказанные предметы по рабочей

³²² ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. 1914. Д. 3038. Л. 1332.

³²³ ГАСО. Ф. 1. Оп. 6. 1915. Д. 117. Л. 128.

³²⁴ ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. 1916. Д. 1032. Л. 39–40 об

необходимости. В начале войны на основании этой инструкции было принято обязательное постановление смоленского губернатора.³²⁵

В связи с войной в Министерство внутренних дел из многих губерний поступали просьбы от частных лиц о ношении оружия для самообороны. Поэтому губернаторы получили право выдавать разрешение на ношение и хранение оружия, которое регистрировалось в местных полицейских управлениях.³²⁶ Количество желающих приобрести огнестрельное или холодное оружие увеличивалось, поэтому губернаторы уполномочивали на выдачу разрешений уездных исправников, начальников жандармских полицейских управлений железных дорог и начальников жандармских отделений. Однако это касалось не всех типов оружия. Разрешение на право приобретения и содержания револьверов, пистолетов и ружей «автоматических усовершенствованных систем» выдавалось только губернатором. Кроме того, существенные ограничения в отношении оружия касались крестьян и представителей других сословий, проживавших в деревне, которым запрещалось иметь револьверы и пистолеты любых типов, за исключением особых случаев и по специальному разрешению губернатора.³²⁷ Эти ограничения были продиктованы необходимостью постоянного и строгого контроля со стороны полиции над крестьянским населением и опасением, что оно может быть использовано не для самообороны, а в антиправительственных целях.

Смоленская полиция постоянно изымала оружие у населения, которое не имело права на его ношение и хранение. Уже к концу мая 1915 г. смоленскому губернатору стали поступать сведения о выявленных тайниках и лицах, которые укрывали оружие и военное снаряжение. Так, юхновский исправник сообщал в своем донесении о том, что в имении Васильевском Сосницкой волости было изъято 4 винтовки казенного образца императорского Тульского завода 1887-1888 гг. выпуска.³²⁸

³²⁵ Смоленские губернские ведомости. 1914. № 32.

³²⁶ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 73. Д. 16 (1). Л. 4, 37.

³²⁷ Там же. Д. 26 (1). Л. 2 об.-3.

³²⁸ ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. 1915. Д. 822. Л. 29.

8 июня 1915 г. смоленский полицеймейстер предоставил в канцелярию смоленского губернатора информацию о нахождении у населения оружия с приложением списка его владельцев. Рапорт включал в себя список из пятнадцати лиц, которые тайно скрывали у себя оружие, патроны и подсумки к нему. По распоряжению губернатора, у населения Смоленского уезда было изъято 16 винтовок, более 200 патронов, а также 8 подсумок.³²⁹ Конфискация оружия происходила и в Гжатске, где исправником было изъято 7 единиц огнестрельного оружия различных систем.³³⁰

Наряду с разовыми акциями по изъятию оружия у населения происходили и запланированные реквизиции. Изъятие оружия у населения произошло в первую очередь на территории Минского военного округа, поскольку наличие оружия в руках населения создавало возможность его использования в непосредственном тылу армии. В связи с этим было издано постановление губернатора о том, что население Смоленского, Краснинского и Поречского уездов было обязано не позднее 20 марта 1915 г. «представить и впредь представлять в местные полицейские учреждения все имеющиеся русские винтовки казенного образца». После 20 марта плата за сданные винтовки отменялась, и они должны были поступать в казну безвозмездно. За найденные и сданные в полицейские учреждения как местными жителями, так и нижними чинами вполне исправные неприятельские винтовки, назначалось денежное вознаграждение в размере 6 рублей за штуку. Виновные в нарушении этого обязательного постановления должны были быть подвергнуты заключению в тюрьме до трех месяцев или денежному штрафу до 3000 рублей.³³¹

Распоряжение о сдаче оружия было повторено 4 мая 1915 г. Вместе со смоленским губернатором такое же распоряжение получили администрации Минской, Гродненской, Могилевской, Волынской и Холмской губерний, которые тоже входили в состав Минского военного округа. Начальник штаба Минского военного округа генерал-лейтенант Минут был обеспокоен тем, что, несмотря «на

³²⁹ Там же. Л. 32–34.

³³⁰ Там же. Л. 48–49.

³³¹ Там же. Л. 35.

целый ряд принятых мер» относительно сбора и доставления местным населением оружия и предметов военного обмундирования, на территориях округа имелись «сведения о массовом укрывании оружия и обмундирования». В связи с этим Минут требовал от руководства западных губерний, в том числе и от смоленского губернатора, «решительных мер с привлечением полиции и жандармерии» чтобы в кратчайшие сроки провести изъятия вышеуказанных предметов у населения.³³²

В августе 1915 г. Военное ведомство решило реквизировать на нужды армии трехлинейные винтовки со штыками и без штыков, трехлинейные карабины и револьверы - наганы. Кроме того, решение о реквизиции оружия было результатом сведений, поступавших в МВД, о том, что у населения «особенно в сельских местностях находится в обращении значительное количество германских и австрийских винтовок, привезенных с театра военных действий».³³³

3 сентября 1915 г. смоленский губернатор получил распоряжение о реквизициях оружия на всей территории губернии.³³⁴ Осенью 1915 г. в Смоленской губернии началась массовая реквизиция огнестрельного оружия. При этом Особое совещание по обороне через местную прессу обратилось с воззванием к населению сдать оружие добровольно, обещая освободить от ответственности тех, кто не имел разрешения на ношение оружия.³³⁵

В реквизиционной кампании были задействованы воинские начальники, городские и земские управы, уездные полицейские управления и становые приставы, которые принимали оружие. За каждую добровольно сданную русскую винтовку уплачивалось 20 рублей, за штык к винтовке – 2 рубля; за иностранную винтовку сдавшие оружие получали по 15 рублей и по 2 рубля за штык к ней.³³⁶

Реквизиции оружия помимо военных целей снабжения армии были направлены и на обеспечение безопасности. Население в свою очередь

³³² ГАСО. Ф. 1289. Оп. 1. 1915. Д. 481. Л. 51–52.

³³³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 73. 1915. Д. 26 (1). Л. 28, 34 об.

³³⁴ Там же. Л. 35.

³³⁵ Там же. Л. 41.

³³⁶ Там же. Л. 41 об.

стремилось в тревожное время сохранить оружие для самообороны, поэтому случаи незаконного хранения оружия у населения имели место вплоть до ликвидации институтов полиции и жандармерии царского времени.

Итак, полиция и жандармерия Смоленской губернии сыграли большую роль в проведении мобилизационных мероприятий и организации работ на армию. Местная администрация, власть являлась организатором мероприятий по мобилизации трудоспособного населения и работ по снабжению армии. При этом она сотрудничала с общественными организациями, с местным и городским самоуправлением. Отсутствие крупных предприятий на территории губернии потребовало от власти привлечения к делу снабжения армии большого количества кустарей. Полиция Смоленской губернии, являясь исполнительным органом администрации, осуществляла реквизиции, ее представители участвовали во всех реквизиционных, оценочных, приемных и поверочных комиссиях. Полиция занималась сбором хозяйственных сведений, охраняла мобилизационные пункты и места хранения конфискованных вещей. Жандармерия вела наблюдение во время проведения мобилизаций и патриотических акций. В целом, пополнение армии людьми и ее снабжение осуществлялось силами местного административного аппарата при непосредственном участии полиции и жандармерии.

2.2 Содействие в организации госпиталей и контроль над военнопленными и гражданами иностранных государств

Деятельность жандармерии и полиции по оказанию помощи фронту распространялась на создание госпиталей, работу с военнопленными и гражданами других государств. Проблемы, связанные с организацией лазаретов и передвижением большого количества людей, пострадавших от войны, по территории Смоленской губернии уже были предметом изучения со стороны

историков.³³⁷ Наша задача заключается в том, чтобы проследить роль полицейско-административных органов в организации лечения раненых.

Близость к фронту, дислокация в городах губернии воинских частей обусловили необходимость создания на территории губернии большого количества лечебных учреждений для раненых нижних чинов, массово отправляемых на излечение в тыл. В этом деле губернская администрация, как и в вопросе сбора пожертвований, сотрудничала с местными благотворительными организациями, а также с Всероссийским земским союзом помощи больным и раненым воинам и Союзом земств и городов. Смоленское земство и городское самоуправление вошли в ВЗС (1914 г.) и Земгор (1915 г.). По общегосударственному плану эвакуации раненых в Смоленском, Поречском и Краснинском уездах, где было военное положение, должны были быть развернуты эвакуационные лазареты; на территории других уездов – лазареты для лечения раненых. Однако в Поречском и Краснинском уездах лазаретов не было. Все лазареты на территории Смоленской губернии занимались лечением раненых.³³⁸

Деятельность местных властей губернии по обеспечению лазаретами раненых была многообразна. Она включала поиск помещений под лечебные учреждения, снабжение лазаретов персоналом и всем необходимым, сбор разнообразных сведений по этому вопросу, постоянные контакты с командованием Минского военного округа и других воинских подразделений, охрана лазаретов, контрразведывательная и агитационная деятельность среди раненых солдат и офицеров.

Для лечения солдат и офицеров, получивших ранения на фронте, потребовалось задействовать не только все лечебные учреждения, но и размещать

³³⁷ Горская Н.И. Смоленское земство в последние годы своего существования (1905–1918 гг.): дис. ...канд. ист. наук. Смоленск, 1996. С. 153–174; Щеров И.П. Миграционная политика России. 1914–1922. Смоленск, 2000; Дубровский А.М. Благотворительные общества в Смоленске и в Смоленском крае в начале Первой мировой войны // Смоленская губерния в Первой мировой войне. Смоленск, 2016. С. 414–423; и др.

³³⁸ Обзор деятельности по оказанию помощи больным и раненым воинам по Смоленской губернии. Выпуск первый. 1914 г. Смоленск, 1914. С. 19.

раненых и больных в частных лазаретах. Частные лазареты организовывались земством и администрацией в жилых помещениях или в подсобных нежилых помещениях. Благодаря усилиям Смоленского земства раненые получали первоначальную медицинскую помощь и питание в вагонах поездов, следовавших с фронта через Смоленск, и на других железнодорожных станциях. Кроме Смоленска помощь раненым и больным солдатам оказывалась на территории Дорогобужа, Рославля и Вязьмы.³³⁹

В начале войны основной заботой губернской администрации был поиск помещений для размещения раненых, учет наличия лечебных мест, а также снабжение госпиталей необходимым оборудованием и лечебным персоналом. Уже 19 августа 1914 г. в канцелярию Д.Д. Кобеко поступило срочное донесение о том, что из Полоцка в Смоленск эвакуируются более шестисот раненых и больных. Начальник гарнизона Полоцка просил Д.Д. Кобеко срочно подготовить помещения для прибывающих солдат.³⁴⁰ Проблема с размещением раненых чувствовалась на всем западном направлении. 4 сентября 1914 г. Главноуполномоченный Всероссийского земского союза князь Г.Е. Львов писал смоленскому губернатору и председателю губернской земской управы: «Западные губернии и Москва переполнены ранеными, готовьтесь принимать раненых не только в госпиталях, но также и в частных квартирах; обратитесь к населению с воззванием приготовиться принять легкораненых по домам».³⁴¹ В связи с этим Д.Д. Кобеко распорядился привлекать в качестве мест для размещения больниц учебные заведения. 28 сентября 1914 г. в здании Смоленского реального училища был организован лазарет для раненых и больных нижних чинов, прибывающих с фронта.³⁴² Большой госпиталь был создан в здании Смоленского женского епархиального училища.

³³⁹ Горская Н.И. Смоленское земство в последние годы своего существования. (1905–1918 гг.): дис. ...канд. ист. наук. Смоленск, 1996. С. 160.

³⁴⁰ ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. 1915. Д. 719. Л. 3.

³⁴¹ ГАСО. Ф. 2. Оп. 101. 1914. Д. 689. Л. 80.

³⁴² ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. 1915. Д. 719. Л. 16.

С начала войны Смоленская губерния испытывала серьезный дефицит лечебных заведений. Но уже к октябрю 1914 г. организация дополнительных мест, использование учебных и, нередко, духовных учреждений, а также привлечение населения позволили справиться с наплывом больных и раненых, что в немалой степени указывает на успешную деятельность смоленского губернатора в деле организации больниц и лазаретов на территории Смоленской губернии.

Совместные действия губернской администрации и земского самоуправления позволили разместить в госпиталях Смоленска всех раненых. В октябре 1914 г. в госпиталях и лазаретах Смоленской губернии оставалось свободными 41 офицерское место и 286 мест для размещения нижних чинов, о чем Д.Д. Кобеко докладывал в Петроград Верховному начальнику санитарной и эвакуационной части.³⁴³ Однако количество лиц, находившихся на излечении, постоянно росло. Так, только в Смоленске 10 октября 1914 г. количество больных составляло 596 человек, 25 октября 1914 г. – 1855 человек, 3 декабря 1914 г. – уже 2577 человек.³⁴⁴

В ноябре 1914 г. госпитальная сеть Смоленской губернии включала в себя лазареты Всероссийского земского союза, Всероссийского городского союза, военные госпитали, лазареты частных лиц, Красного креста и других организаций.³⁴⁵ Благодаря работе смоленских губернаторов Д.Д. Кобеко, Б.А. Булгакова, смоленского отделения ВЗС и других организаций к 1 января 1915 г. в Смоленской губернии было создано 58 лазаретов почти на 5000 коек.³⁴⁶ К ноябрю 1915 г. общее число лазаретов в губернии сократилось до 53, но количество коек в них увеличилось и составило 6321 единицу. Число больничных коек оставалось неизменным на протяжении всего 1915 г. К началу 1916 г. в лечебных

³⁴³ ГАСО. Ф. 1. Оп. 7. 1914. Д. 405. Л. 15.

³⁴⁴ ГАСО. Ф. 1. Оп. 7. 1914. Д. 405. Л. 95, 265, 484.

³⁴⁵ Горская Н.И. Смоленское земство в последние годы своего существования. (1905–1918 гг.): дис. ...канд. ист. наук. Смоленск, 1996. С. 161–162.

³⁴⁶ ГАСО. Ф. 7. Оп. 3. 1914. Д. 149. Л. 41; Д. 90. Л. 5–6; Полугодовой отчет вяземских городских госпиталей Всероссийского земского союза и Лютовского местного комитета красного креста. Вязьма, 1915. С. 32.

учреждениях Смоленской губернии находилось более 5000 нижних чинов и более 70 офицеров. При этом медицинские учреждения в Смоленске могли принять еще 900 человек.³⁴⁷

Больше всего раненых и больных лечилось в Местном военном лазарете, Городском лазарете, в Симбирском лазарете Красного Креста, лазарете Торговой школы и лазарете Всероссийского земского союза.³⁴⁸ В ноябре 1915 г. Всероссийскому земскому союзу принадлежало половина лазаретов (27), в которых лечились 2440 человек, или 39,3 % раненых. Остальные 26 лазаретов, в которых было 3773 койки или 70,7% находились в ведении военных и других организаций.³⁴⁹ Это соотношение земских и других лазаретов существовало до 1917 г.

Исследователи земского самоуправления обычно уделяют много внимания доминирующей роли местного самоуправления в создании сети лазаретов. Однако вышеприведенные цифры говорят, что не только самоуправление, но и другие организации занимались лечением солдат. Создание и обеспечение именно не земской группы лазаретов требовало особого внимания администрации. Это замечание отнюдь не умоляет деятельность смоленского отделения ВЗС и Земгора, тем более, что и современники, пожалуй, воспринимали земство в качестве основной силы в деле организации медицинской помощи раненым. Например, 15 ноября 1914 г. во время своего пребывания в Смоленске Николай II посетил лазарет имени цесаревича Алексея Николаевича, лазареты княгини Тенишевой, смоленского дворянства и Всероссийского земского союза. Император выразил благодарность Смоленскому губернскому комитету Всероссийского земского союза, его председателю А.М. Тухачевскому, а также врачам, сестрам и служащим лазаретов.³⁵⁰

³⁴⁷ ГАСО. Ф. 2. Оп. 103. 1914. Д. 317. Л. 76; ГАСО. Ф. 1. Оп. 7. 1914. Д. 405. Л. 693.

³⁴⁸ ГАСО. Ф. 1. Оп. 7. 1914. Д. 405. Л. 692, 693.

³⁴⁹ Обзор деятельности по оказанию помощи больным и раненым воинам по Смоленской губернии. Выпуск II. Смоленск, 1915. С. 10–13. То же. Вып. III. Смоленск, 1916. С. 10, 11, 52–59; Горская Н.И. Смоленское земство в последние годы своего существования. (1905–1918 гг.): дис. ...канд. ист. наук. Смоленск, 1996. С. 300.

³⁵⁰ ГАСО. Ф. 1. Оп. 6. 1915. Д. 117. Л. 52.

Важную роль в процессе организации лечебных заведений сыграли и жители губернии, которые массово обращались в земские управы с предложениями о размещении раненых и больных в принадлежащих им помещениях. Д.Д. Кобеко поддержал предложение князя Львова об обращении к населению с просьбой принять на излечение легкораненых солдат и офицеров. Уже к середине сентября 1914 г. к смоленскому губернатору стали поступать предложения о передачи различных строений и помещений под санитарные нужды. Например, смоленский управляющий акцизными сборами губернии В. Озимов обратился к губернатору с предложением устройства больниц и лазаретов в восьми смоленских казенных винных складах.³⁵¹ Вместе с этим и простые жители предлагали комнаты и подсобные помещения для размещения лазаретов. Так, жители станции Дорогобуж организовали 12 кроватей в помещении Дорогобужской сельской пожарной дружины.³⁵² В имении Фомино Смоленского уезда под лазарет был отдан зимний дом с полным попечением над больными и ранеными.³⁵³ В имении Рожаново Смоленского уезда Л. Вонлярлярская организовала лазарет на восемь человек.³⁵⁴

Нередко лазареты и лечебные заведения на территории Смоленской губернии получали пожертвования и помощь со стороны частных лиц и организаций. Под председательством губернатора Б.А. Булгакова был создан и функционировал смоленский губернский попечительный комитет о раненых и больных войнах.³⁵⁵ Сюда поступали пожертвования частных лиц. Так, помещик Г.Р. Островский передал для лазаретов на территории Смоленской губернии 100 рублей.³⁵⁶ Пожертвования шли и прямо в лазареты. В 1915 г. Смоленская община сестер милосердия Красного Креста получила 100 рублей, поступивших от служащих деревообделочного завода Лемана.³⁵⁷

³⁵¹ ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. 1915. Д. 719. Л. 9.

³⁵² ГАСО. Ф. 369. Оп. 1. 1914. Д. 7. Л. 15.

³⁵³ Там же. Л. 1.

³⁵⁴ Там же. Л. 27.

³⁵⁵ Кононов В.А. Смоленские губернаторы, 1711–1917. Смоленск, 2004. С. 368.

³⁵⁶ ГАСО. Ф. 1. Оп. 6. 1915. Д. 116. Л. 21.

³⁵⁷ Там же. Л. 26.

Губернская власть уделяла внимание обеспечению одеждой и обувью воинских чинов, которые выписывались из лазаретов. В этом вопросе губернаторы держали под контролем большие и малые лазареты, требуя постоянных сведений от лазаретов. Так, на отношение губернатора, заведующий лазаретом «Дугино», который располагался в имении князя А.Н. Мещерского, А. Индилов сообщал, что в снабжении одеждой и обувью выписываемых солдат и офицеров «проблем не встречается».³⁵⁸ Гжатский городской лазарет докладывал смоленскому губернатору о том, что при выписке нижних чинов, лазарет снабжает их теплой одеждой, бельем и обувью «в достаточной мере».³⁵⁹

Начиная с 1916 г. в губернии обострилась продовольственная проблема, поэтому встал вопрос о питании больных и раненых. Ситуация дошла до того, что губернатор К.А. Шумовский распорядился разводить свиней при лазаретах для обеспечения больных и раненых продовольствием.³⁶⁰ Еще одной острой проблемой для губернских властей стало пьянство среди нижних чинов, которые находились на излечении. Помимо того, что было запрещено перерабатывать пищевые продукты на спирт, смоленский губернатор распорядился проводить в лазаретах чтения о вреде алкоголизма среди нижних чинов.³⁶¹

Таким образом, смоленская администрация при помощи и благодаря серьезному участию земского и городского самоуправления, общественных организаций и частных лиц сумела создать на территории губернии разветвленную сеть лазаретов, которая позволяла оказывать медицинскую помощь всем солдатам и офицерам, направленным в губернию для излечения.

По территории губернии передвигались большие группы военнопленных, взятых в плен в ходе боев. Россия поддерживала Гаагскую конвенцию 1907 о военнопленных. Статус военнопленных определялся «Положением о военнопленных» от 7 октября 1914 г.³⁶² Согласно российскому и международному

³⁵⁸ ГАСО. Ф. 2. Оп. 101. 1914. Д. 676. Л. 93.

³⁵⁹ Там же. Л. 98.

³⁶⁰ ГАСО. Ф. 2. Оп. 101. 1915. Д. 747. Л. 178.

³⁶¹ Там же. Л. 103.

³⁶² Положение о военнопленных от 16 октября 1914 г. // Правительственный вестник. 1914 г. № 244; Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1914. Ст. 2568.

законодательству «с военнопленными, как с защитниками своего отечества» надлежало «обращаться человеколюбиво». Их нельзя было «стеснять в исполнении обрядов <...> вероисповедования, не исключая и присутствия на церковных богослужениях»; собственность военнопленных была неприкосновенна «за исключением оружия, лошадей и военных бумаг»; военнопленные были подсудны военному суду; оружие против них дозволялось применять только в случае открытого возмущения с их стороны или при «совместном побеге».³⁶³ В случае болезни военнопленных они передавались в лечебные заведения гражданского или военного ведомств и Российского Общества Красного Креста или «в попутные санитарные поезда». Военнопленные могли получать помощь от частных лиц и обществ, принимать пожертвования и помощь вещами, которые согласно 16 статьи Гаагской конференции освобождались от всех таможенных сборов, а также от платы за провоз по казенным железным дорогам.³⁶⁴

Военнопленные содержались на специальных сборных пунктах при местных воинских частях, а затем направлялись по железным и грунтовым дорогам в места специального назначения. Заведование военнопленными на приемных пунктах возлагалось на уездных воинских начальников. Они же формировали партии военнопленных, которые направляли под конвоем по железным или грунтовым дорогам к местам расселения. При этом в случае передвижения по грунтовым дорогам небольшой группы военнопленных (до 25 человек) они передвигались обычным этапным порядком, но более крупные партии обязательно конвоировались. При передвижении военнопленных учитывались воинские различия: генералы и адмиралы размещались в вагонах первого класса, а штаб- и обер-офицеры – в вагонах второго класса. По грунтовым дорогам «обер-офицеры следовали за партиями на обывательских

³⁶³ Положение о военнопленных. Ст. 3–8.

³⁶⁴ Там же. Ст.15, 16, 42.

подводах», генералы и штаб-офицеры – «отдельно от партии» на почтовых лошадях.³⁶⁵

Только рядовые военнопленные могли привлекаться к общественным и казенным работам, за которые они не получали никакого вознаграждения. Однако «ведомства и учреждения» могли производить «денежные выдачи» в целях поощрения. Эти работы не могли быть «изнурительными» и не должны были иметь никакого отношения к военным действиям.³⁶⁶

28 февраля 1915 г. были приняты правила использования военнопленных в сельском хозяйстве. Согласно этим правилам пленные переходили в распоряжение губернских и уездных земских управ, которые распределяли их на работы между сельскими хозяевами, которые нуждались в рабочей силе. Сельские хозяева оплачивали труд военнопленных, выдавая им «на руки» половину заработанных денег, а вторая шла уездным управам, поскольку земства обеспечивали их содержание и лечение. Расценки работ устанавливало само земство. Охрану военнопленных несла полиция.³⁶⁷

В местностях, объявленных на военном положении, отношение к военнопленным было более строгим. В первую очередь это касалось передвижения военнопленных. Так, 9 октября 1914 г. начальник Минского военного округа отдал распоряжение, согласно которому все военные и гражданские «начальствующие лица» должны были принимать самые строгие меры по отношению военнопленным: не допускать передвижения офицеров в экипажах, следить за тем, чтобы местное население не проявляло к пленным сочувствие.³⁶⁸

По данным Н.В. Суржиковой Смоленская губерния не относилась к местам «постоянного водворения военнопленных».³⁶⁹ Однако материалы Смоленского

³⁶⁵ Та же. Ст. 31–33, 37–40.

³⁶⁶ Там же. Ст. 12, 13.

³⁶⁷ ГАСО. Ф. 1. Оп. 7. 1915. Д. 747. Л. 15–19; Авербах Е.И. Акты чрезвычайного характера, вызванные войной. Ч. 1. Пг., 1914. С. 193.

³⁶⁸ ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. 1914. Д. 699. Л. 141.

³⁶⁹ Суржикова Н.В. Военный плен в русской провинции (1914–1922): дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2015. С. 551–556.

государственного архива содержат сведения о пребывании военнопленных на территории губернии, начиная с 1914 г. По данным центрального статистического управления в 1916 г. в Московском военном округе, к которому относились и пять уездов Смоленской губернии – Вяземский, Гжатский, Ельнинский, Рославльский и Юхновский – было размещено более 252 тысяч военнопленных (252081).³⁷⁰ По данным этого сборника, на долю Смоленской губернии пришлось незначительное число военнопленных – всего 251 человек.³⁷¹ Однако в делопроизводственной документации канцелярии смоленского губернатора есть другие сведения о военнопленных. Согласно этим данным, в августе 1916 г. в Ельнинском, Смоленском, Юхновском, Гжатском, Поречском, Сычевском и Бельском уездах на работах находилось 1994 человека военнопленных, а в декабре 1916 г. во всех уездах губернии на работах использовался труд более 2,5 тысяч военнопленных (2684 человек).³⁷²

По данным сельскохозяйственной переписи 1917 г. в Смоленской губернии за время войны было призвано 10,4% всего населения, или 21,4 % мужчин, или 43,9% трудоспособных.³⁷³ Число мобилизованного трудоспособного населения в Смоленской губернии было ниже общероссийских данных (47,4 %) или соседних губерний: например, Орловской (47,4%) и Калужской (48,1 %) губерний.³⁷⁴ Тем не менее, в Смоленской губернии все больше ощущалась нехватка рабочих рук.

Наборы в армию коснулись в первую очередь крестьян, которые с приходом весны должны были заниматься посевными работами. Если в 1914 г. наряду с рекрутами, которые не проходили военной службы, были мобилизованы запасные нижние чины и ратники, которые проходили военную службу и имели опыт участия в боевых действиях, то в 1915 г. мобилизованные в армию в большинстве своем совершенно не имели опыта военной службы. Это были молодые необстрелянные солдаты, но для сельского хозяйства это была самая

³⁷⁰ Россия в мировой войне 1914–1918 гг. (в цифрах) / под ред. В.П. Ефремова. М., 1925. С. 15, 41.

³⁷¹ Там же. С. 82.

³⁷² ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. 1916. Д. 919. Л. 44.

³⁷³ Россия в мировой войне. 1914–1918 гг. (в цифрах). М., 1925. С. 21.

³⁷⁴ Там же.

производительная рабочая сила. Из-за недостатка работников помещичьи и крестьянские хозяйства не могли в полном объеме обеспечивать не только снабжение армии продовольствием и фуражом, но и поставлять необходимое количество продовольствия жителям губернии.

Начиная с 1915 г., в Смоленской губернии стали использовать труд военнопленных, сначала за исключением уездов, объявленных на военном положении, а затем на территории всей губернии. Основными отраслями применения труда военнопленных были дорожные работы и сельскохозяйственные работы. Уездные земские управы запрашивали пленных для ремонта дорог. Гжатская и Дорогобужская земские управы уже в 1914 г. готовы были принять партии военнопленных по сто человек для производства дорожных работ.³⁷⁵

Губернатор К.А. Шумовский считал, что дефицит рабочих рук в сельском хозяйстве может быть уменьшен благодаря использованию труда военнопленных. На совещании 16 марта 1916 г. было решено организовать трудовые артели, состоящие из военнопленных и местных жителей. Для этого Шумовский ходатайствовал перед правительством о направлении в Смоленскую губернию 5 тысяч военнопленных из других губерний.³⁷⁶ Данные меры не смогли в полной мере восполнить ущерб от мобилизации для сельского хозяйства. К тому же, по сведениям И.П. Щерова, в октябре 1916 г. более 30% военнопленных, занятых в сельском хозяйстве на территории Смоленской губернии, были отозваны для работ на промышленных предприятиях в центральной России.³⁷⁷ Тем не менее, как говорилось выше, труд более 2,5 тысяч военнопленных использовался в 12 уездах губернии.

За военнопленными было установлено наблюдение жандармерии и полиции. В июле 1915 г. в Смоленске произошел случай, который смоленский губернатор включил в донесение в МВД. 21 июля 1915 г. после службы в католическом костеле, на которой присутствовали 40 австрийский военнопленных

³⁷⁵ ГАСО. Ф. 1. Оп. 7. 1915. Д. 747. Л. 4, 6.

³⁷⁶ ГАСО. Ф. 7. Оп. 3. 1916. Д. 158. Л. 37.

³⁷⁷ Щеров И.П. Миграционная политика России (1914–1922 гг.). Смоленск, 2000. С. 42.

без охраны, произошло обсуждение положения военнопленных в Смоленске. Австрийцы стали жаловаться «местным прихожанам» на «плохое содержание пленных» и выражать надежду на победу Австро-Венгрии и Германии в войне, при этом некоторые прихожане поддерживали австрийцев. Об этом случае было немедленно доложено начальнику Минского военного округа и коменданту Смоленска.³⁷⁸

Во время войны к военнопленным были отнесены и некоторые категории иностранных граждан, проживавших на территории России. В Смоленской губернии, как и на территории всех западных губерний, уже с первых дней войны начались мероприятия по высылке германских и австрийских подданных. Царское правительство опасалось, что немцы и австрийцы, проживавшие на территории России, будут играть роль «пятой колонны».³⁷⁹ Настроения властей предавались и местному населению, в поведении которого время от времени проявлялась германофобия. В МВД поступали жалобы от населения на немцев, проживавших в России. Не стояло в стороне и население Смоленской губернии. В декабре 1914 г. департамент полиции препроводил «на рассмотрение» смоленскому губернатору «анонимное заявление о чинимых над русскими рабочими шпагатных фабрик в Рославле притеснениях мастерами–немцами Луцыковичем и Шифельбейном».³⁸⁰

Перед войной в Смоленской губернии проживало некоторое число немцев и австрийцев. Нам удалось обнаружить данные по пяти уездам (Рославльскому, Сычевскому, Краснинскому, Смоленскому, Юхновскому) и Смоленску. По сведениям полиции в начале 1914 г. здесь проживало приблизительно 68 человек. Перед самой войной в Европу выехало, по крайней мере, 12 человек.³⁸¹ В самом начале войны 30 июля – 1 августа Смоленская жандармерия задержала в Смоленске 23 человека германских подданных и одного австрийского подданного.

³⁷⁸ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 124. 1915. Д. 66. ч. 7. Л. 13 об–14.

³⁷⁹ Звонарев К.К. Агентурная разведка: Германская агентурная разведка до и во время войны 1914–1918 гг. Кн. 2. М., 2003. С. 43.

³⁸⁰ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 123. 1914. Д. 141. ч. 66. Л. 4.

³⁸¹ ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. 1914. Д. 704. Л. 3, 28, 29 об–30, 36, 40, 45 об–46.

Как оказалось из этих 24 человек, семеро родились в России, и только один придерживался православного вероисповедания, все остальные принадлежали к римско-католической церкви. Жандармы передали военнопленных военным властям, «в 68 пехотный запасной полк».³⁸²

Помимо немецких и австрийских подданных, проживавших в Смоленской губернии, смоленская полиция занимались и лицами, которых высылали через Смоленск в другие губернии. В конце июля – начале августа 1914 г. в Смоленск «ежедневно по железной дороге» прибывали партии арестованных немцев и австрийцев. Например, 31 июля 1914 в Смоленск прибыла группа из 32 человек; 2 августа из Вильны и Волковыска – еще 69 человек.³⁸³ Дальнейшее их продвижение зависело от смоленского губернатора.³⁸⁴

Правительство приняло решение о высылке иностранных подданных в глубокий тыл. 4 августа 1914 г. командующий Отдельного корпуса жандармов В.Ф. Джунковский сообщал, что «местами водворения военнопленных для Европейской России и Кавказа» назначались Вологодская, Вятская, Оренбургская губернии, а также заволжские города Казанской губернии, кроме мест, «примыкающих к Каме и Волге».³⁸⁵

8 августа 1914 г. последовало распоряжение министра внутренних дел о высылке германских и австрийских подданных из Смоленской губернии в «заволжские города». Реализация этих мероприятий была возложена на губернатора Д.Д. Кобеко. В телеграмме смоленскому губернатору министр внутренних дел указывал, что все германские и австро-венгерские подданные, числящиеся на действительной военной службе, считались военнопленными и подлежали немедленному аресту. Запасные чины так же признавались военнопленными и высылались в Вятскую, Вологодскую и Оренбургскую губернии.³⁸⁶ Высылки подвергались и невоеннообязанные, но заподозренные в

³⁸² Там же. Л. 4–4об.

³⁸³ Там же. Л. 18, 22.

³⁸⁴ Там же. Л. 7.

³⁸⁵ Там же. Л. 13.

³⁸⁶ ГАСО. Ф. 1289. Оп. 1. 1915. Д. 481. Л.1.

шпионаже, хотя бы и без веских оснований. Над австрийцами и германцами, которые находились «вне всякого подозрения», должен был быть усилен контроль со стороны полиции и жандармерии.³⁸⁷

Еще более строгие меры применялись к австрийцам и немцам в уездах, объявленных на военном положении. В августе 1914 г. в канцелярию смоленского губернатора поступило срочное распоряжение от главного начальника Минского военного округа, где указывалось, что отныне все немцы и австрийцы в возрасте от 18 до 45 лет должны были быть приравнены к военнопленным и «высланы за Волгу».³⁸⁸

В Смоленске был назначен «особый сборный пункт», высылаемых из западных губерний немецких и австрийских подданных. Здесь смоленская жандармерия и полиция распределяла прибывших в город немецких и австрийских подданных на категории. Лица, получившие статус военнопленных передавались в распоряжение военных властей, а остальные направлялись в места назначения. Так, из 32 человек, прибывших в Смоленск 31 июля 1914 г., 14 человек были признаны военнопленными и направлены в 68 запасной полк, остальные 18 человек «в сопровождении одного околоточного надзирателя и конвойных от начальника местной бригады направлялись в распоряжение полиции Вологды».³⁸⁹ Духовщинский уездный исправник А.Е. Рабчинский сообщал смоленскому губернатору, что, в соответствии с распоряжением о высылке иностранных подданных, благодаря действиям полиции в Духовщинском уезде были задержаны германские и австрийские подданные – Ф.Н. Тухолко, А. Раковский, В. Чижек, Я. Новак и А. Чано. Указанные лица были выдворены в тыловые губернии под надзор полиции.³⁹⁰

³⁸⁷ Там же. Л. 2.

³⁸⁸ Там же. Л. 21.

³⁸⁹ ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. 1914. Д. 704. Л. 23–23 об.

³⁹⁰ Там же. Д. 706. Л. 24.

Высылка военнопленных и приравненных к ним лиц с территории Смоленской губернии осуществлялась через Москву по Александровской железной дороге в «свободных составах, приспособленных вагонах».³⁹¹

Мероприятия по высылке подданных Германии и Австро-Венгрии не касались «благонадежных» лиц. В эту же категорию включались лица, неспособные к военной службе и заведомо больные.³⁹²

Последнее слово в определении благонадежности оставалось за губернатором. Так, по распоряжению губернатора Кобеко «не подлежал» задержанию инструктор по молочному хозяйству Вяземской уездной землеустроительной комиссии австрийский подданный, чех Филя Осипович.³⁹³ В свою очередь бывали случаи, когда иностранные подданные выселялись по личному распоряжению губернатора. Так, 30 марта 1915 г. Б.А.Булгаков в поручении смоленскому полицмейстеру указывал на необходимость немедленного «выдворения» из Смоленской губернии в Вологду германской подданной Аделии Ранфт.³⁹⁴

Постепенно политика в отношении иностранных подданных ужесточалась. С июля 1915 г. все без исключения германские и австрийские подданные, выселялись с территорий, объявленных на военном положении. Они могли самостоятельно выбирать себе место жительства, а те, кто не мог этого сделать направлялись в Ярославскую, Тульскую (кроме Тульского уезда), Орловскую и Калужскую губернии.³⁹⁵ Часть иностранных подданных, высылаемых из пределов Поречского, Смоленского и Краснинского уездов, оставалась в Смоленской губернии, переселяясь в другие уезды.

26 января 1915 г. в канцелярию смоленского губернатора поступило донесение смоленского полицмейстера о том, что из Варшавской губернии в Смоленск прибыла партия, состоящая из 151 человека «германского подданства»

³⁹¹ ГАСО. Ф. 1289. Оп. 1. 1915. Д. 481. Л. 22.

³⁹² ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. 1914. Д. 708. Л. 9.

³⁹³ ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. 1914. Д. 704. Л. 36–36 об.

³⁹⁴ ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. 1915. Д. 826. Л. 10.

³⁹⁵ ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. 1914. Д. 769. Л. 697.

в сопровождении конвоя. Часть этих лиц этапным порядком следовала в Саратов, а 24 человека направлялись в Рославль.³⁹⁶ Таких лиц в делопроизводственной документации стали именовать «немцами – колонистами». Местные власти для удобства контроля стремились к компактному их расселению.

Значительные партии колонистов осели в Ельнинском, Духовщинском, Гжатском и Вяземском уездах.³⁹⁷ 21 января 1915 г. вяземский уездный исправник докладывал губернатору Булгакову об успешных действиях по расселению немцев-колонистов на территории Вяземского уезда. В Вязьму поступила партия немецких колонистов, из которой не более 10% остались в городе, а остальные были расселены на территории уезда и сгруппированы в местах проживания урядников и стражников для непосредственного надзора и контроля над ними.³⁹⁸ В августе 1915 г. на территории Вяземского уезда проживала большая партия немцев: 897 человек, их них – 295 мужчин, 266 женщин и 336 детей в возрасте до 10 лет.³⁹⁹ Исправники организовывали наблюдение за этими лицами, строго контролируя их передвижение по территории губернии.

Нередко расселению на территории губернии предшествовали аресты и заключение под стражу. Так, 22 января 1915 г. Смоленский полицмейстер штабс-капитан Семенов докладывал Б.А. Булгакову о том, что немцы-колонисты, которые продолжительное время содержались при 1-ой полицейской части, были заключены в Смоленскую губернскую тюрьму для отправления этапным порядком в Духовщину в распоряжение уездного исправника.⁴⁰⁰

Со стороны полиции требовался особый контроль над славянами, которые имели германское или австрийское гражданство. Этим лицам предоставлялось право перехода в российское гражданство. В этом случае полицейские органы переставали вести за данными лицами официальный надзор.⁴⁰¹ Вместе с этим, для «благонадежных» русинов, сербов и чехов, которые имели неприятельское

³⁹⁶ Там же. Л. 60–61.

³⁹⁷ Там же. Л. 35, 47, 201.

³⁹⁸ Там же. Л. 49.

³⁹⁹ ГАСО. Ф. 2. Оп. 102. 1915. Д. 342. Л. 8–9.

⁴⁰⁰ ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. 1914. Д. 769. Л. 38–39.

⁴⁰¹ ГАСО. Ф. 1289. Оп. 1. 1915. Д. 481. Л. 18.

гражданство, но обязавшиеся «честным словом и подпиской» не покидать территорию России и не предпринимать ничего «во вред России», не применялись меры высылки. Но в тоже время смоленский губернатор ставил перед полицией задачу вести надзор за данными категориями лиц для проверки из «благонадежности и верности».⁴⁰²

Контроль над иностранными подданными заключался не только в наблюдении за ними в местах проживания, но и в постоянной проверке документов, корреспонденции, пересылки денежных средств.⁴⁰³ Так, 20 августа 1915 г. вяземский уездный исправник Р.Ф. Благонравов докладывал в Смоленское губернское правление о том, что корреспонденция немцев, расселившихся большой колонией в Вяземском уезде, о чем говорилось выше, не содержит сведений, вредных для обороноспособности страны.⁴⁰⁴

Департамент полиции МВД в своем указании смоленскому губернатору требовал установления наблюдения и контроля за иностранными подданными, которые прибыли в Россию в составе миссии Красного Креста. Основаниями такого недоверия выступало то, что среди врачей и сиделок имелись лица германского происхождения, а также то, что часть финансирования Красного креста на территории России велась из германских фондов.⁴⁰⁵

Местная администрация должна была контролировать не только граждан «противной стороны», но и подданных союзных и нейтральных держав. Так, уже 13 августа 1914 г. в телеграмме штаба Минского военного округа в канцелярию смоленского губернатора сообщалось, что полиция на территории Смоленской губернии должна усилить внимание по отношению как к славянам, которые являлись иностранными подданными, так и к подданным союзных государств, а именно Англии и Франции.⁴⁰⁶ Из-за этих действий, посольствам союзных держав пришлось прибегать к дипломатическим действиям по защите собственных

⁴⁰² Там же. Л. 26.

⁴⁰³ ГАСО. Ф. 2. Оп. 102. 1915. Д. 342. Л. 9а.

⁴⁰⁴ Там же. Л. 8–9.

⁴⁰⁵ ГАСО. Ф. 1289. Оп. 1. 1915. Д. 481. Л. 70.

⁴⁰⁶ Там же. Л. 11.

подданных. По просьбе французского посольства, с 15 августа 1914 г. уроженцы Эльзаса и Лотарингии, которые могли представить документы, указывающие на их французское происхождение, исключались из правил для иностранных подданных.⁴⁰⁷

Центральная власть в рамках антигерманской кампании переименовывала населенные пункты, которые носили немецкие названия. Дело коснулось не только столицы. МВД требовало от смоленского губернатора переименования всех городов, селений и волостей, которые носили немецкие названия. Нам известен один случай такого переименования. В январе 1915 г. имение Мариенгоф Корсиковской волости Рославльского уезда было переименовано в Марьинскую рощу.⁴⁰⁸ 25 июня 1915 г. губернатор Булгаков по требованию Земского отдела Министерства внутренних дел, докладывал о том, что в Смоленской губернии не имелось городов, селений, и волостей, носящих немецкие названия.⁴⁰⁹

Еще одной проблемой, с которой столкнулась местная власть, был наплыв беженцев. Проблемы беженцев в Смоленской губернии также нашли достаточно полное освещение в исторических исследованиях.⁴¹⁰ Здесь мы отметим только массовость беженского движения и обратим внимание на роль губернской администрации в беженском движении. С июля по ноябрь 1915 г. только через г. Смоленск проследовало 628,2 тыс. чел. чел.⁴¹¹ При этом в Смоленске перед войной проживало немногим более 75 тысяч человек (75183).⁴¹²

⁴⁰⁷ Там же. Л. 16.

⁴⁰⁸ ГАСО. Ф. 1. Оп. 6. 1914. Д. 140. Л. 21; Смоленская губерния в Первой мировой войне. Смоленск, 1916. С. 159–160.

⁴⁰⁹ ГАСО. Ф. 1. Оп. 6. 1914. Д. 140. Л. 22.

⁴¹⁰ Горская Н.И. Смоленское земство в последние годы своего существования (1905–1918 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Смоленск, 1996. С. 172–173; Белова И. Б. Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914–1925 гг. М., 2014; Щеров И.П. Миграционная политика России. 1914–1922. Смоленск, 2000.

⁴¹¹ Горская Н.И. Смоленское земство в последние годы своего существования (1905–1918 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Смоленск, 1996. С. 173.

⁴¹² Обзор Смоленской губернии за 1913 год. Смоленск: Смоленский губернский статистический комитет, 1915. Прил. V.

Работа с беженцами осуществлялась местной администрацией в тесном контакте с ВЗС и включала в себе целый комплекс вопросов: размещение людей на временное жительство и подыскание места работы, или организацию их дальнейшего движения вглубь России, оказание медицинской помощи, организацию питательных и ветеринарных пунктов и другое. С осени 1915 г. беженцев из Смоленской губернии направляли в Тульскую, Рязанскую, Пензенскую, Нижегородскую, Казанскую губернии, в Сибирь, в Туркестан и на Кавказ.⁴¹³

Беженцы пребывали не только в Смоленск, но и в другие города и населенные пункты губернии. Городские и уездные власти подыскивали для них места для проживания и обеспечивали медицинской помощью и пропитанием. 3 сентября 1915 г. бельский городской голова М.Н. Зенбицкий доносил смоленскому губернатору о трудностях размещений беженцев в Белом. В городе не было надлежащего помещения для прибывавших беженцев, поэтому их размещали в «частных обывательских домах». Администрация Белого испытывала сложности с оказанием медицинской помощи беженцам, так как единственный городской врач был призван в армию, и в городе не было барака для «заразных» больных. Осенью 1915 г. в Белом ощущался недостаток продуктов питания: пшеничной муки, гречневых, яичных и перловых круп, сахара, чая, подсолнечного масла. Эти проблемы требовали административного решения на губернском или даже на государственном уровне, поскольку одной из причин их возникновения было «затрудненное товарное движение по Московско-Виндавской железной дороге и удаление от Белого ближайшей железнодорожной станции».⁴¹⁴

Сычевский уездный исправник М.Н. Баранцов в своем докладе губернатору Б.А. Булгакову от 25 марта 1915 г. указывал на прибывших «этапным порядком»

⁴¹³ Отчет о деятельности Смоленского губернского Всероссийского земского союза по оказанию помощи беженцам, следовавшим через станцию Смоленск за время 17.05 – 01. 11. 1915 года. Смоленск, 1916. С. 3; Доклады губернской земской управы 52-му очередному Смоленскому губернскому Земскому собранию по оказании помощи беженцам. Смоленск, 1917.

⁴¹⁴ ГАСО. Ф. 2. Оп. 102. 1915. Д. 356. Л. 18.

в Сычевку жителей Ковенской губернии. В связи с отсутствием в Сычевке рабочих мест и мест для размещения эвакуированных на жительство, прибывшие из Ковенской губернии первоначально были размещены в Сычевской тюрьме, а затем этапированы в Вязьму.⁴¹⁵

Одной из существенных проблем для местной администрации была проблема санитарного контроля прибывавших беженцев. Беженцы несли с собой массовые заболевания. Поэтому пришлось организовать по возможности всеобщий медицинский осмотр беженцев.⁴¹⁶

26 августа 1915 г. смоленский губернатор издал срочное предписание, по которому «от земских и городских общественных управлений» требовалось принять срочные меры к осуществлению санитарного контроля над прибывающими в губернию лицами.⁴¹⁷ Это решение было продиктовано участвовавшими вспышками холеры, одна из которых имела место в Смоленске в августе 1915 г. Самая большая трудность для губернских властей состояла в размещении «заразных» больных. В связи с нехваткой мест в инфекционном отделении губернской земской больницы, для «заразных» больных был переоборудован военный лазарет больницы, а также построены три новых помещения и отремонтирован старый корпус, расположенный в Реадовском парке.⁴¹⁸

В обязанности губернской администрации входила помощь семьям, ушедшим на фронт. К началу войны действовал закон «О призрении нижних воинских чинов и их семей» от 25 июня 1912 г.⁴¹⁹ По этому закону жене и детям до 17 лет призванного на войну выдавалось месячное пособие. Оно рассчитывалось исходя из «стоимости одного пуда двадцати восьми фунтов муки, десяти фунтов крупы, четырех фунтов соли и одного фунта постного масла». В

⁴¹⁵ ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. 1914. Д. 769. Л. 262.

⁴¹⁶ Журнал чрезвычайного и 51-го очередного Вяземского уездного земского собрания за 1915 г. Вязьма, 1916; Журнал чрезвычайного Смоленского уездного земского собрания за 1915 г. Смоленск, 1916.

⁴¹⁷ ГАСО. Ф. 2. Оп. 102. Д. 356. Л. 5.

⁴¹⁸ ГАСО. Ф. 2. Оп. 102. Д. 356. Л. 6.

⁴¹⁹ ПСЗ-III. Т. 32. № 37507.

зависимости от колебания цен 1 сентября каждого года стоимость пайка пересматривалась.⁴²⁰

Нужно сказать, что полиция и жандармерия не принимали непосредственного участия в распределении пайков, этим занимались уездные попечительства. Однако размер пособия определялся губернским присутствием во главе с губернатором. Губернатору и губернскому присутствию принадлежало и «общее наблюдение за своевременным и надлежащим призрением» семейств нижних чинов.⁴²¹ Это общее наблюдение на местах по распоряжению губернатора вела полиция. В Смоленской губернии на 1 сентября 1917 г. было призвано 187800 человек, а число «выдаваемых пайков» достигало 558800.⁴²² Эта цифра говорит еще об одном направлении деятельности местной власти, которая осуществлялась под контролем губернатора.

Итак, обеспечение армии включало сразу несколько важнейших направлений. Мобилизационные мероприятия и непосредственное снабжение армии фуражом, продуктами, одеждой дополнялись действиями по созданию в Смоленской губернии хорошо налаженной системы оказания медицинской помощи раненым солдатам и офицерам, работой с военнопленными и беженцами. Сотрудничество с общественными организациями и частными лицами позволяло местной администрации, полиции и жандармерии в условиях военного времени успешно справляться с этими задачами. При этом полиция принимала самое непосредственное участие в проведении мобилизационных и других мероприятий, тогда как жандармерия, выполняя свои обязанности, вела в основном наблюдение. Еще одним направлением деятельности правоохранительных органов, где главную роль играла жандармерия, было обеспечение безопасности железных дорог. Бесперебойное снабжение армии во многом зависело от обеспечения безопасности на железных дорогах.

⁴²⁰ ПСЗ-III. Т. 32. № 37507. Ст. 63, 64.

⁴²¹ ГАСО. Ф. 2. Оп. 102. 1915. Д. 382. Л. 11.

⁴²² Россия в мировой войне. 1914–1918 гг. (в цифрах). М., 1925. С. 49.

2.3 Охрана железных дорог

Одной из причин отступления России в годы Первой мировой войны считается недостаточная протяженность и пропускная способность железных дорог России, а также разрозненность и несогласованность, царившая в управлении железными дорогами страны.⁴²³ В нашу задачу входит освещение другой, немаловажной проблемы – обеспечения безопасности и порядка на железных дорогах.

Обеспечением безопасности на железных дорогах занималась железнодорожная полиция. Как говорилось выше, железнодорожная полиция совмещала в себе функции общей и политической полиции. По мнению Ю.В. Гончаровой, в годы Первой мировой войны основными направлениями деятельности жандармских полицейских управлений железных дорог были охрана перевозки войск и военных грузов и борьба со шпионажем.⁴²⁴ К этому можно добавить, что жандармерия занималась всем комплексом вопросов, связанных с безопасностью на железных дорогах и в полосе отчуждения железных дорог.

Во время Первой мировой войны действия полиции и жандармерии во многом регламентировались довоенным законодательством. Это относится и к охране железных дорог. 14 декабря 1905 г. Николай II подписал закон, который применялся на железных дорогах в чрезвычайных ситуациях. Закон был вызван к жизни не только революцией 1905 г., но и учитывал опыт русско-японской войны. Мы проанализируем те статьи, которые касались положения на железных дорогах во время войны.

По закону 1905 г железные дороги империи делились на дороги, где устанавливалось военное положение и дороги с режимом чрезвычайной охраны.

⁴²³ См.: например, Пунин Л. Работа железных дорог в военное время, с 11 схемами. М., 1931; Сенин А.С. Генерал С.А. Ронжин и его очерк о российских железных дорогах в первую мировую войну // URL: <https://vivliophica.com/articles/history/124282/9>. Дата обращения: 15.01.2018.

⁴²⁴ Гончарова Ю.В. Жандармские полицейские управления железных дорог (1867–1917 гг.). М., 2000. С. 132–151.

Железные дороги с военным положением переходили в подчинение военных властей.⁴²⁵ В случае объявления режима чрезвычайной охраны при Управлении железной дороги или на ее участке создавался особый комитет под председательством Управляющего железной дороги. С точки зрения управления дорог все железные дороги Европейской части империи в начале Первой мировой войны подразделялись на дороги тыла и дороги фронта. Разделительная линия между ними шла от Петрограда на Киев через Смоленск.⁴²⁶

Таким образом, во время в Первой мировой войны статус железных дорог Смоленщины, совпадал с правовым положением губернии. На железных дорогах 9-и уездов Смоленской губернии существовал режим чрезвычайной охраны, а на железных дорогах, пролегающих по территории трех уездов (Смоленского, Поречского и Краснинского) – режим военного положения. Впрочем, и военное командование, и особые комитеты предъявляли к гражданскому населению аналогичные требования. На особые комитеты были возложены две задачи: 1) «обеспечение внешнего порядка, непрерывности и правильности действий железной дороги и всех железнодорожных устройств» и 2) «наблюдение за должным исполнением всеми служащими лежащих на них обязанностей».⁴²⁷

Особые комитеты, как и военные власти, издавали обязательные постановления, которые доводились до губернатора и обнародовались во всеобщее сведение. Особый комитет имел право запрещать всякие собрания, закрывать торговые и промышленные заведения, приостанавливать продажу печатных изданий, воспрещать находиться в полосе отчуждения железной дороги посторонним лицам и даже выселять «отдельных лиц из полосы отчуждения». Наказание за нарушение этих постановлений, как и за нарушение губернаторских постановлений, налагалось особыми комитетами в административном порядке. Максимальное наказание равнялось трехмесячному аресту или денежному

⁴²⁵ О правилах чрезвычайной охраны на железных дорогах от 14 декабря 1905 г. // ПСЗ-III. Т. 25. № 27043. Ст. III.

⁴²⁶ Сенин А.С. Генерал С.А. Ронжин и его очерк о российских железных дорогах в первую мировую войну // URL: <https://vivliophica.com/articles/history/124282/9>. Дата обращения: 15 01. 2018.

⁴²⁷ ПСЗ -III. Т. 25. № 27043. Ст. IV. V.

штрафу до 500 рублей.⁴²⁸ Наказания железнодорожных служащих «за самовольное оставление службы или неявку в назначенный срок без уважительных причин для исполнения служебных обязанностей» были более суровыми: они подвергались тюремному заключению сроком от 4 до 8 месяцев. Однако их дело вел окружной суд.⁴²⁹ При этом закон особо перечислял правонарушения, за которые гражданские лица, совершавшие правонарушения в полосе отчуждения железных дорог, подвергались наказаниям военного суда: за бунт против верховной власти, за государственную измену, за организацию стачек, за умышленный поджог или истребление имущества и т. п.⁴³⁰

Следовательно, по подсудности (и строгости наказания) обязательные постановления особых комитетов делили на три группы: постановления, за нарушения которых дела виновных направлялись в военные суды; постановления, за нарушения которых полагался окружной суд; постановления, нарушители которых подвергались административным наказаниям. Для объединения усилий гражданских, военных и полицейских властей в деле охраны железных дорог создавался Главный комитет по охране железных дорог в составе Начальника управления железных дорог, Начальника управления военных сообщений, и Начальника Штаба отдельного корпуса жандармов. Особые комитеты состояли также из представителей этих трех ведомств.⁴³¹

Другими словами, особые комитеты на железных дорогах имели те же полномочия и ту же власть, что и губернаторы, и основным средством их реализации являлись обязательные постановления. Особые комитеты для выполнения своих задач опирались на аппарат жандармских отделений железных дорог и имели право создавать «из служащих дороги особую вооруженную охранную стражу».⁴³² В Смоленской губернии к охране железных дорог привлекалась сельская стража, за «выставление» которой по распоряжению

⁴²⁸ Там же. Ст. VI.

⁴²⁹ ПСЗ-III. Т. 25. № 27043. Ст. VI. Ст. X, XI.

⁴³⁰ Там же. Ст. XII.

⁴³¹ Там же. П. 12.

⁴³² ПСЗ -III. Т. 25. № 27043. Ст. VI. П. 12.

губернатора отвечали исправники.⁴³³ Все обязательные постановления особых комитетов сообщались губернатору, который контролировал приведение в исполнение местной полицией административных наказаний. Обязательные постановления расклеивались на железнодорожных станциях и в поездах.⁴³⁴

Таким образом, охрана железных дорог была зоной ответственности военных, руководства железных дорог, железнодорожной жандармерии, губернатора и общей полиции, приводившей в исполнение обязательные постановления.

Обеспечение безопасности на железных дорогах являлось одной из приоритетных задач жандармерии на территории Смоленской губернии. Об этом говорит тот факт, что из 98 жандармов 76 человек или 77% относились к железнодорожной жандармской полиции, действовавшей в составе трех отделений: Ельнинского, Вяземского, Смоленского (таблица № 5). Им помогала железнодорожная стража, занимавшаяся, как правило, объездом путей. Жандармские офицеры имели право предварительного задержания на срок до двух недель подозрительных лиц, а затем передачи их общему или военному суду. Кроме того они могли производить обыски «во всякое время» и «во всех без исключения помещениях».⁴³⁵

В 1914 г. по территории Смоленской губернии проходили линии шести железных дорог: Александровской, Московской-Виндаво-Рыбинской, Николаевской, Риго-Орловской, Рязано-Уральской, Сызрано-Вяземской. На железных дорогах Смоленщины существовало 70 станций,⁴³⁶ которым местная жандармерия уделяла повышенное внимание. Незначительному числу жандармов даже при содействии полиции было крайне трудно обеспечить безопасность на каждой из 70 станций. Дело облегчал тот факт, что часть станций принимали грузы и пассажиров несколько раз в неделю, а станция Милохово Александровской железной дороги была открыта только для пассажиров.

⁴³³ ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. 1914. Д. 749. Л. 68.

⁴³⁴ ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. 1915. Д. 755. Л. 304.

⁴³⁵ ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. 1914. Д. 694. Л. 7.

⁴³⁶ ГАСО. Ф. 7. Оп. 4. 1917. Д. 1758. Л. 1–2.

Наибольшее количество станций (29) были устроены на самой протяженной железнодорожной линии, проходящей с востока на запад по территории всей губернии – Александровской железной дороги. К оживленным станциям, ежедневно принимающим грузы, относились Гжатск, Вязьма, Издешково, Дорогобуж, Ярцево, Смоленск, Гусево. Эта железная дорога являлась главной артерией, соединившей губернский центр и три уездных города с фронтом и столицей. Второе значение по количеству станций имела Риго-Орловская железная дорога. На этой железнодорожной линии, на территории губернии действовало 19 станций, включая Рославль, Смоленск, Рудню. Затем на Рязано-Уральской железной дороге было 11 станций, на Виндаво-Рыбинской – 3, на Николаевской – 4 и на Сызрано-Вяземской – 4.⁴³⁷

Следовательно, жандармерия держала под контролем все железные дороги, три из которых имели станции в Смоленске (Александровская, Риго-Орловская, Рязано-Уральская), три – в Вязьме (Александровская, Николаевская, Сызрано-Вяземская). Вяземское отделение контролировало и участок Московской Виндаво-Рыбинской железной дороги, проходящей по северу губернии (Бельский уезд) со станциями Мостовая, Нелидово, Земцы. Именно поэтому два места расположения жандармских отделений железных дорог находились в Смоленске и в Вязьме.

В зоне ответственности этих жандармских участков пролегла Александровская железная дорога. Кроме того, начальнику Вяземского отделения, который заведовал всем железнодорожным узлом ст. Вязьма, «в дисциплинарном и полицейском отношении» подчинялись унтер-офицеры Московско-Камышинского и Московско-Рижского жандармских управлений.⁴³⁸ Наконец, Ельнинское отделение контролировало соответствующий участок Рязано-Уральской железной дороги.⁴³⁹

Общая протяженность одних железнодорожных путей, подконтрольных жандармерии на территории Смоленской губернии, по нашим подсчетам,

⁴³⁷ ГАСО. Ф. 7. Оп. 4. 1917. Д. 1758. Л. 1–2.

⁴³⁸ Список общего состава Отдельного корпуса жандармов. Пг., 1915. С. 141.

⁴³⁹ ГАСО. Ф. 7. Оп. 4. 1917. Д. 1758. Л. 1–2.

составляла 889 верст.⁴⁴⁰ Условно говоря, на каждого жандарма, служившего в жандармских железнодорожных отделениях Смоленской губернии (76 человек) приходилось 55,5 верст железнодорожных путей и одна железнодорожная станция.

Таким образом, железные дороги Смоленской губернии в смысле обеспечения безопасности не имели одного центра. Однако подведомственность нескольким жандармским управлениям компенсировалась связью с другими жандармскими управлениями, с местной исполнительной полицией и губернатором.

Могли ли эти силы обеспечить правопорядок на железных дорогах, пролегающих через губернию? Для ответа на этот вопрос обратимся к анализу постановлений особых комитетов.

В начале войны на всех шести железных дорогах, проходивших через Смоленскую губернию, были созданы особые комитеты. В состав особых комитетов входили управляющий железной дорогой (председатель), заведующий передвижением войск и представитель жандармерии. Все эти комитеты располагались за пределами губернии.⁴⁴¹

Кроме того, на смоленских участках двух железных дорог – Рязано-Уральской и Александровской – были созданы подразделения особых комитетов: Смоленский комитет по делам чрезвычайной охраны Рязано-Уральской железной дороги и особый комитет при управлении Александровской железной дорогой по участку Смоленск – Брест, центр которого находился в Витебске. В состав Смоленского комитета в качестве председателя входил инженер Лесневский, а в качестве членов: комендант железнодорожного участка Смоленска полковник Тарнов-Плесский и начальник Ельнинского отделения Московско-Камышинского жандармского управления железной дороги подполковник Плетнев, которого в

⁴⁴⁰ Список общего состава Отдельного корпуса жандармов. Пг., 1915. С. 124, 129, 141.

⁴⁴¹ ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. 1914. Д. 749. Л. 1.

феврале 1915 г. сменил новый начальник Ельнинского отделения подполковник Журавский.⁴⁴²

Состояние безопасности на железных дорогах определялось исполнением обязательных постановлений особых комитетов и военных властей. Обязательные постановления особых комитетов, которые носили запретительный характер и распространялись «на всех служащих и посторонних лиц, находящихся в пределах отчуждения дороги, в ее поездах, во всех зданиях, занятых учреждениями дороги, хотя бы и вне полосы находящиеся».⁴⁴³

Основная масса постановлений была принята особыми комитетами в первые недели войны. В июле 1914 г. начальником Минского военного округа и особыми комитетами железных дорог были приняты обязательные постановления, предусмотренные законом от 14 декабря 1905 года. Эти постановления, под угрозой передачи нарушителей в военный суд, запрещали антиправительственные и антигосударственные действия (бунт, государственная измена, стачки, умышленный поджог или иное умышленное истребление имущества, «приведение в негодность» предметов воинского снаряжения, вооружения, устройств правительственного пользования, нападение на часового или воинский караул). Аналогичное постановление для жителей 9 уездов губернии 25 июля 1914 г. издал и Д.Д. Кобеко. В июле 1914 г. особые комитеты издали постановления относительно дисциплины железнодорожных служащих и передачи их общему суду, а также ряд постановлений, за нарушение которых полагался административный арест.⁴⁴⁴ Например, если «в пределах дороги и зданиях» некоторые лица устраивали собрания и сборища, имели и носили холодное и огнестрельное оружие, то они подвергались особыми комитетами аресту до трех месяцев или штрафу до 300 рублей.⁴⁴⁵

⁴⁴² ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. 1914. Д. 749. Л. 33; Список общего состава Отдельного корпуса жандармов. Пг., 1915. С. 140, 409.

⁴⁴³ ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. 1914. Д. 694. Л. 7.

⁴⁴⁴ Там же. Л. 2, 7.

⁴⁴⁵ Там же. Л. 6, 7.

Количество ограничений и запретов на железных дорогах постоянно увеличивалось. Анализ журналов особых комитетов по охране железных дорог показывает, что они касались самого широкого спектра вопросов: от предупреждений крупных антиправительственных акций до распоряжений носильщикам «довольствоваться вознаграждением, которое пассажиры уплачивают добровольно».⁴⁴⁶ Постановлениями особых комитетов 1914 г. запрещалось находиться на вокзалах в ночное время, «через два часа после прихода последнего ночного поезда», посторонним лицам, а местному населению продавать сырые фрукты и овощи.⁴⁴⁷

По постановлению особого комитета Николаевской железной дороги от 31 октября 1915 г. пассажирам воспрещался разговор на турецком, болгарском и немецком языках. За нарушение этого правила «в пределах полосы отчуждения Николаевской железной дороги» виновные наказывались арестом до тех месяцев или штрафом до 500 рублей.⁴⁴⁸

Особые и местные комитеты наказывали за самые незначительные нарушения закона в черте железных дорог. Они налагали штраф или подвергали аресту нарушителей постановлений за безбилетный проезд, за хождение по железнодорожным путям, за появление на станциях в нетрезвом виде, за «допущение на пути» скота, за неосторожную посадку в вагон, за азартные игры, за покупку вещей у военнослужащих и продажу им недозволенных продуктов и другое.⁴⁴⁹ Одним из самых распространенных видов нарушений была торговля на железнодорожных станциях. Местные жители торговали «съестными припасами»: молоком, булками, семечками, фруктами, квасом.⁴⁵⁰ За нарушение таких правил налагался штраф в размере одного или трех рублей, а в случае «несостоятельности» – арест «при полиции» на один или три дня.

⁴⁴⁶ Там же. Л. 12.

⁴⁴⁷ Там же. Л. 13.

⁴⁴⁸ ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. 1915. Д. 755. Л. 423 об.

⁴⁴⁹ Там же.

⁴⁵⁰ Там же. Л. 333 об–334, 338–341, 343, 624 и др.

О случившихся инцидентах следовало донесение губернатору, который в некоторых случаях делал дополнительные распоряжения. Так, 30 июля 1915 г. на ст. Нелидово помощник волостного старшины Тит Александров с целью проверки охраны, выставленной от местного населения, проехал верхом по железнодорожному полотну. Особый комитет по управлению Московско-Виндавской железной дороги обязал его выплатить штраф в размере 50 копеек и просил смоленского губернатора «о распоряжении подтвердить надлежащим лицам о недопустимости нахождения на путях».⁴⁵¹

Жандармерия стремилась не допускать проявлений антиправительственной и антивоенной пропаганды на железных дорогах. 4 июня 1915 г. на станции Красное был арестован мещанин Могилевской губернии, который приставал к солдату «с расспросами о положении на театре войны», за что был подвергнут административному аресту на месяц. 27 июля 1915 г. в Вязьме была задержана дворянка Анна Есипова, которая ходила по путям около барака ВЗС и «тщательно осматривала железнодорожные пути и сооружения, а также госпитальный барак». Осипова была странно одета: «женское черное платье, желтая мужская накидка и мужская белая шляпа. Голова острижена под польку».⁴⁵²

Самый строгий контроль со стороны комитетов осуществлялся за служащими железных дорог. В 1915 г. на станции Смоленск служащие дважды самовольно покидали место работы. В январе «рабочие угольщики склада топлива скрылись неизвестно куда», а в ноябре временно самовольно отлучился рабочий депо Иван Степанов. Как оказалось, все они ездили «домой за харчами» и были наказаны административным арестом.⁴⁵³ Эти случаи показывают, что рабочие временно покидали работу не в знак протеста, а под влиянием нараставших экономических трудностей.

По имеющимся у нас данным, общее число нарушителей постепенно увеличивалось, но оно было невелико. В основном это были единичные попытки местных жителей заработать на железной дороге. Так, если в 1914 г. на станциях

⁴⁵¹ Там же. Л. 76 об.

⁴⁵² Там же. Л. 183 об., 332.

⁴⁵³ Там же. Л. 571, 575 об.

Александровской железной дороги не было случаев торговли съестными припасами, то 1915 г. это было самое распространенное правонарушение. Единственный из известных нам и самый крупный по массовости эпизод имел место на станции Гжатск. В июне 1914 г. здесь было задержано 44 человека, торговавшими съестными припасами.⁴⁵⁴

Порой на железных дорогах происходили несчастные случаи по техническим причинам. Так, 3 декабря 1915 г. в Смоленске на железнодорожной станции при разгрузке взорвался вагон с взрывчаткой, уничтожив пять вагонов с продуктами и три пассажирских вагона. Дознание показало отсутствие в «данном случае умысла», утверждая, что взрыв произошел из-за нарушения правил безопасности.⁴⁵⁵

Все происшествия, так или иначе, нарушавшие порядок на железных дорогах немедленно становились достоянием начальника смоленского губернского жандармского управления. В августе 1914 г. «между станциями Катынь и Смоленск Александровской железной дороги» произошел конфликт между охранником и военнопленным. При попытке к бегству военнопленный был убит. Об этом сразу было доложено полковнику Астафьеву. Расследование показало, что при нем были обнаружены агитационные материалы на русском языке. При допросе других военнопленных выяснилось, что никто не был знаком с данным лицом и не знал, к какому именно военному подразделению он был приписан, а у сопровождавшего партию караула не оказалось «документов, удостоверяющих личность убитого».⁴⁵⁶

Режим безопасности на железной дороге усиливался в случае передвижения по железной дороге императора. В 1914 г. было принято Положение о мерах охраны высочайших путешествий по железным дорогам.⁴⁵⁷ По этому закону в охране царского поезда принимали участие все наличные на данном участке полицейские силы и войска. Железнодорожные пути «со всеми искусственными

⁴⁵⁴ ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. 1915. Д. 755. Л. 338–341 об.

⁴⁵⁵ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 124. 1915. Д. 66. ч. 7. Л. 20, 27.

⁴⁵⁶ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 123. Д. 141. ч. 66. Л. 1.

⁴⁵⁷ Положение о мерах охраны высочайших путешествий по железным дорогам. СПб., 1914.

сооружениями, станционными и линейными в полосе отчуждения» охранялись железнодорожной жандармерией «при содействии в подлежащих случаях войск». Территорией ответственности общей полиции, которая действовала «под руководством чинов жандармской полиции», была местность, прилегавшая к полосе отчуждения железных дорог.⁴⁵⁸ Если все обходилось без инцидентов, полицейских и жандармов ждали благодарности. Так, в апреле 1914 г. полицейским надзирателям Ельни и Смоленска «была объявлена особая благодарность генерал-майора Джунковского за «образцовый порядок» во время пребывания 20 ноября 1914 г. в Смоленске императора и за обеспечение порядка по пути следования императорского поезда.⁴⁵⁹

В 1915 г. в Смоленской губернии обострилась продовольственная проблема, постепенно нарастал продовольственный кризис. Организация продовольственного дела во время Первой мировой войны и его влияние на социально-политическую ситуацию, в том числе и на территории Смоленской губернии, находится в центре внимания российских исследователей.⁴⁶⁰ Сельское хозяйство губернии специализировалось на производстве мясомолочной и технических культур. Однако собственного хлеба не хватало. Поэтому местная власть и земство, а во время войны еще и частные лица и организации закупали хлеб в «хлебопроизводящих» губерниях (в Тамбовской, Полтавской, Екатеринославской, Саратовской, Воронежской, Таврической, Курской, Пензенской и некоторых других).⁴⁶¹ Большой поток продовольственных грузов для губернии шел по Риго-Орловской, Рязано-Уральской и Александровской железным дорогам.

Обеспечение населения хлебом в качестве продовольствия и посевного материала стало приоритетной задачей местной административной власти и в

⁴⁵⁸ Там же. С 2, 3.

⁴⁵⁹ ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. 1916. Д. 1021. Л. 77 об.–78.

⁴⁶⁰ Давыдов Ю.А. Мешочники и диктатура в России. 1917–1933. СПб., 2007; Китанина Т.В. Война, хлеб, революция, продовольственный вопрос в России (1914 – октябрь 1917 г). Л., 1985; Забелин П.В. Местное самоуправление в годы первой мировой войны: новые направления деятельности (на материалах Смоленской губернии): автореф. ... канд. ист. наук. Брянск, 1913 и др.

⁴⁶¹ ГАСО. Ф. 7. Оп. 4. 1917. Д. 1758. Л. 115.

значительной степени зависело от пропускной способности железных дорог и безопасности на железных дорогах. Продовольственный вопрос постепенно обострялся и в других губерниях. С осени 1915 г. бесперебойную перевозку «предметов первой необходимости», в перечень которых входили хлеб и сахар, МВД приравнивало к перевозке военных грузов. Об этом свидетельствует приказ Начальника корпуса жандармов от 8 ноября 1915 г. По этому приказу железнодорожная жандармерия обязана была немедленно сообщать губернаторам «о замеченных неправильностях» при установлении очередей погрузки военных грузов и товаров первой необходимости».⁴⁶² Одновременно в который раз подчеркивалась необходимость «самой энергичной деятельности для поддержания порядка на железнодорожных путях, нарушаемого скоплением беженцев и отсталых нижних чинов, в особенности в местностях смежных с районами военных действий».⁴⁶³

Из официальной делопроизводственной документации видно, что в продовольственный отдел Смоленской губернской земской управы, который действовал совместно с губернской администрацией, постоянно стекались такие сведения. Кроме того, губернатор требовал сведений от начальников железнодорожных станций Смоленской губернии.⁴⁶⁴ Эти сведения смоленский губернатор препровождал начальнику Минского военного округа. Другими словами, в систему контроля над доставкой продовольствия были включены и военные, и руководство железных дорог, а продовольствие входило в перечень стратегических товаров. Другое дело, что эта система не сработала эффективным образом. 23 февраля 1917 г., незадолго до прекращения своих полномочий, смоленский губернатор сетовал, что «несмотря на неоднократные упоминания до сих пор большинство начальников станций доставляют сведения о движении грузов крайне неравномерно».⁴⁶⁵ Смоленская губерния постоянно не дополучала

⁴⁶² Россия. Отдельный корпус жандармов. Приказы по Корпусу жандармов за 1915 г. №№ 1–376. Пг., 1915. Паг.: табл. Приказ №. 3 от 8 ноября 1915 г.

⁴⁶³ Там же.

⁴⁶⁴ ГАСО. Ф. 7. Оп 4. 1916. Д. 1727; ГАСО. Ф. 7. Оп 4. 1917. Д. 1758.

⁴⁶⁵ ГАСО. Ф. 7. Оп 4. 1917. Д. 1758.Л. 36.

значительную часть хлеба. В декабре 1916 – январе 1917 гг. была закуплена только половина требуемого хлеба.⁴⁶⁶ Недостаток хлеба в Смоленской губернии, как и на других территориях, станет важнейшим фактором усиления революционных настроений. При этом, по нашему мнению, работа железных дорог во время войны зависела от многих факторов, на которые не могла повлиять местная администрация.

Что касается системы обеспечения безопасности, то она не давала существенных сбоев. Особых случаев беспорядков или каких-либо массовых антиправительственных акций на железных дорогах, пролегавших на территории Смоленской губернии, во время войны не происходило. Можно сказать, что жандармерия и полиция к началу 1917 г. держали под контролем положение на железных дорогах.

Итак, географическое положение Смоленской губернии, уровень развития промышленного производства и его структура, наличие разветвленной железнодорожной сети во многом определили направления и содержание деятельности полиции и жандармерии во время Первой мировой войны. Мобилизационные мероприятия включали призывы в армию мужского населения, мобилизации и реквизиции скота, повозок, предметов обмундирования и воинского снаряжения. Они дополнялись выполнением заказов кустарями и промышленными предприятиями губернии. Всю работу по проведению мобилизационных мероприятий и по снабжению армии на территории Смоленской губернии возглавлял губернатор, который в своих действиях опирался на полицию. Основными формами обеспечения армии была работа мобилизационных, реквизиционных, оценочных и поверочных комиссий, участниками и организаторами которых были руководители полицейских подразделений. Полиция принимала самое деятельное участие в организации и охране лазаретов, организовала передвижение военнопленных и использование их труда, а также осуществляла контроль над гражданами воюющих с Россией держав.

⁴⁶⁶ ГАСО. Ф. 7. Оп. 3. 1914. Д. 14. Л. 18.

На железных дорогах, пролегавших по территории губернии, действовали режимы военного и чрезвычайного положения. Режим безопасности на железных дорогах осуществляла жандармерия, которая обеспечивала реализацию обязательных постановлений особых комитетов и других мер безопасности. Несмотря на разделение обязанностей, действия полиции и жандармерии были нацелены на обеспечение безопасности населения и предотвращения антиправительственных выступлений, поэтому в деле обеспечения армии и контроле над железными дорогами наблюдалось постоянное взаимодействие этих государственных институтов.

Глава III. Обеспечение безопасности тыла действующей армии

3. 1 Участие жандармерии и полиции в контрразведывательной деятельности

Важнейшим направлением деятельности жандармерии была контрразведывательная деятельность. В условиях войны она была призвана обеспечить тыл действующей армии и предупредить антивоенные и антиправительственные выступления.

В современной историографии нет общей точки зрения по поводу количественных и качественных показателей деятельности органов контрразведки в годы Первой мировой войны.⁴⁶⁷

В выписке из наставления по контрразведке в военное время, одобренной царем 6 июня 1915 г. говорилось: «Общая цель контрразведки заключается в обнаружении, обслуживании, разработке и ликвидации в кратчайший срок как в районе, занятыми нашими войсками и их ближайшем тылу, так и вообще на всей территории государства, всякого рода шпионских организаций и агентов, тайно собирающих сведения о наших вооруженных силах и вообще всякого рода сведений военного характера».⁴⁶⁸

В соответствии с этим наставлением контрразведка должна была в первую очередь ограждать войска, штабы, управления и заведения, обслуживающие армию, от проникновения в них агентов противника, а также заблаговременно обнаруживать подготавливающиеся забастовки на заводах и фабриках, которые производили необходимые для армии и флота предметы и материалы.⁴⁶⁹

⁴⁶⁷ Иванов А.А. Образ спецслужб Российской империи в общественном сознании в период Первой мировой войны (1914–1917) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2008. Т. 10. № 4. С. 1042–1052; Фуллер У. Внутренний враг: Шпиономания и закат императорской России. М., 2009; Зданович А.А. Как реконструировали контрразведку в 1917 году // Военно-исторический журнал. 1998. № 3. С. 50–58 и др.

⁴⁶⁸ Россия. Отдельный корпус жандармов. Приказы по корпусу жандармов за 1915 год. Пг., 1915. № 200. С. 1.

⁴⁶⁹ Батюшин Н.С. Тайная разведка и борьба с ней. М., 2002. С. 215.

Объектами контрразведки были военнопленные, беженцы и другие мигранты; места «скопления людей» (госпитали, церковные службы, библиотеки, вокзалы и др.); пути сообщения и средства связи (почта, телеграф, телефон, голубиные станции и др.).

Как говорилось выше, центром контрразведывательной деятельности для Смоленской губернии было контрразведывательное отделение штаба Минского военного округа во главе с ротмистром М.В. Науменко. Непосредственно контрразведывательную деятельность осуществляли так называемые «наблюдательные агенты» или «подвижные агенты», а также все офицеры губернских жандармских управлений, местной полиции, офицеры жандармских полицейских управлений железных дорог, все подчиненные им чины и местные филеры, а исполнительными органами были «чины контрразведывательного отделения, местные жандармские власти и местная полиция».⁴⁷⁰

В инструкции наблюдательному агенту по контрразведке прямо указывалось, что в случае необходимости проверки документов у подозрительных лиц, он должен был осуществлять проверку «при содействии полиции или жандармов», а подозрительных лиц немедленно задерживать и «передавать полицейским или жандармским властям».⁴⁷¹ Таким образом, контрразведывательная деятельность была общим делом местной полиции, жандармерии и контрразведывательных отделений.

В тоже время агенты противника стремились к дестабилизации тыла действующей армии и усилению революционных настроений среди населения. Это условие создавало тесную связь между контрразведывательной деятельностью и политическим сыском, и наблюдательные агенты контрразведки в свою очередь оказывали содействие местной полиции и жандармерии в борьбе с антивоенным и революционным движением.

⁴⁷⁰ Россия. Отдельный корпус жандармов. Приказы по корпусу жандармов за 1915 год. Пг., 1915. Приказ № 200. С.4, 6, 7.

⁴⁷¹ Там же. Приказ № 200. Приложение 1 (выписка из инструкции наблюдательному агенту по контрразведке).

Основными руководящими документами, руководством к действиям для контрразведчиков, действовавших на территории губернии, были инструкции штаба Минского военного округа. В данных документах раскрывались способы ведения шпионажа со стороны Германии и Австро-Венгрии, а также методы выявления агентов противника и противодействия их деятельности.

Описанные в инструкциях приемы разведки на территории Смоленской губернии, были весьма разнообразны и требовали от всех, кто занимался контрразведкой, проявления высоких профессиональных качеств. Вражеские агенты и шпионы для сбора информации и подрывной деятельности использовали разнообразные профессии. В губернских городах они выступали под видом эвакуированных чиновников, отставных офицеров, помещиков, чьи имения остались на оккупированных территориях. Неприятельские агенты рядились в маски артистов кафешантанов, лакеев в ресторанах, продавцов товаров, фокусников, железнодорожных агентов, инженеров, фабричных и заводских рабочих, а также преступников и шулеров. К сбору информации об армии и внутренней ситуации в городах и волостях губернии иностранные агенты привлекали даже подростков, нищих, калек, которые передвигались по городам и уездам в поисках крова и пропитания. Особо охотно противники пользовались услугами «кафешантанными» артистками и «публичными женщинами», для чего выбирались женщины «красивые, изящные и интересные».⁴⁷²

Шпионы посещали перворазрядные рестораны, старались приобрести как можно больше знакомых среди воинской молодежи, хотя и «не чурались старших чинов». Они завлекали офицеров, прибывших с позиций к себе, доставали им в обильном количестве спиртные напитки, устраивали у себя в квартире «кутежи» и «попойки». Благодаря болтливости и несдержанности подвыпивших офицеров во время попоек агенты неприятеля разузнавали необходимые сведения. Женщинам-агентам рекомендовалось заводить знакомства не с отдельными лицами, а с компаниями офицеров, так как офицеры активно общались между собой и могли что-нибудь «выболтать». С неразговорчивыми офицерами агенты вступали в спор

⁴⁷² ГАСО. Ф.1. Оп. 8. 1916. Д. 949. Л. 5.

по поводу той или иной военной операции и заставляли собеседников высказаться. Преступники «более низкого пошиба» должны были применять подобные навыки к чинам низкого ранга: писарям, нижним чинам штабных рот и телеграфов.⁴⁷³

Для выявления неприятельских агентов необходимо было работать среди местного населения, поскольку противник часто прибегал к такому способу, как переодевание. Более всего практиковалось переодевание в крестьянскую одежду для того, чтобы выдать себя за беженцев. Агенты-противники часто также переодевались в костюмы сестер милосердия, так как этот наряд давал возможность проникать в среду военных и вообще в те места, куда доступ посторонним был затруднен. Для более близкого общения с солдатами неприятель часто засылал агентов, переодетых в форму нижних чинов русской армии, которые выдавали себя за лиц, отставших от своих эшелонов.⁴⁷⁴

Инструкции ориентировали жандармское управление на контакты жандармерии и полиции с местным населением, которое могло оказать большие услуги в деле борьбы с вражеской агентурой. Например, с 1915 г. участились случаи разъездов по селам и деревням «разных должностных лиц с теми или иными предписаниями». Эти лица могли работать на противника.⁴⁷⁵ Обращалось особое внимание на наступление весенних полевых работ. По опыту было известно, что в период полевых работ агентам противника не нужно было посещать населенные места. Они могли узнать интересующие их сведения у крестьян в поле, тогда как в населенных пунктах жители относились к «гастролерам» более настороженно.⁴⁷⁶

В инструкциях штаба Минского военного округа особое внимание обращалось на тот факт, что агентов противника интересовала не только армия, но и все, что имело самое малое отношение к войне: организация промышленности; степень оборудования фабрик и заводов, работающих на

⁴⁷³ Там же. Л.3.

⁴⁷⁴ Там же. Л. 2.

⁴⁷⁵ Там же.

⁴⁷⁶ Там же. Л. 3.

военные нужды; настроение тыла армии; состояние дорог; урожай; обеспеченность населения съестными припасами; расположение различных сооружений, устроенных для военных целей.⁴⁷⁷

Инструкции контрразведывательного отделения Минского военного округа были очень подробны и содержали технические детали, которыми контрразведчики руководствовались на местах. Так, в одной инструкции перечислялись способы передачи собранной информации. Помимо запоминания, информацию предлагалось специальным образом кодировать. Агентам рекомендовалось делать записи под видом каких-либо заметок, не обращающих на первый взгляд на себя внимание. Сведения нередко записывали секретными чернилами.⁴⁷⁸

Агенты противника также снабжались возвратными удостоверениями на полотняной бумаге маленького размера, зашитыми в подкладку или засунутыми между пальцев ног. Кроме того, удостоверения прятались в пряжки подтяжек, в мундштуки от папирос или же завертывались в вату, которая закладывалась в ухо.⁴⁷⁹

Другими словами, контрразведчики на территории Смоленской губернии были снабжены достаточно подробными инструкциями относительно общего направления действий. Вместе с тем из Минска поступали и указания по конкретным делам и лицам, обезвреживание которых падало на контрразведчиков и полицию на территории Смоленской губернии.

⁴⁷⁷ Там же. Л. 3.

⁴⁷⁸ Например, пехота отмечалась избранной буквой, а номера полков записывались цифрой, умноженной в несколько раз, около каждой цифры ставилось слово, чтобы запись имела вид счета: «колбаса 8 копеек; пиво 16 копеек» и т.д. Запись номеров полков шифровалась под видом счета за съестные продукты; в кредитных билетах подчеркивались карандашом или ставились точки над условными буквами; делались заметки на белье, на поясах внутренних сторон брюк; условные пометки размещались в паспортах и молитвенниках, записных книжках. В переписке, отобранной у задержанного в подозрении в шпионаже, среди других вещей были обнаружены следующие записи: «14/11—1915 г. Комисс.—3» и «16, II, 915 баня— 14». Эти записи, как оказалось, означали, что 14 ноября была комиссия по поводу открытия новой железнодорожной ветви и что 16 ноября прошел на позицию поезд «баня». Знаки на белье в виде букв или цифр служили пропусками при возвращении с разведки; ГАСО. Ф. 1411. Оп. 1. 1914. Д. 158. Л. 583.

⁴⁷⁹ Там же. Л. 582.

В телеграмме от 25 сентября 1914 г. жандармское управление на основании данных, полученных из Минска, сообщало смоленскому губернатору о том, что в ближайшее время в Россию должен был приехать известный интернациональный шпион, который выдавал себя за английского инженера по фамилии Гунсман. Жандармы сообщали его основные приметы (средний рост, крепкое телосложение, брюнет) для сообщения чинам полиции.⁴⁸⁰

В 1914 г. штаб Минского военного округа сообщил в Смоленское губернское жандармское управление о наличии у спецслужб Германии и Австро-Венгрии специализированных школ для подготовки шпионов. В них набирались завербованные жители занятых противником местностей. В числе учеников больше всего было поляков и евреев, причем последние пользовались большим доверием со стороны руководства школ. Курс в этих школах продолжался 2–3 недели, после чего прошедшие школу агенты под видом беженцев, людей различных профессий, направлялись в места расположения русских войск.⁴⁸¹ В число агентов также могли входить публичные женщины, мальчики в возрасте 12–15 лет и пленные солдаты. Задачами агентов являлось выяснение мест расположения войск, квартирование штабов, разных воинских частей, местонахождение телеграфа и выяснение маршрутов русских агентов-разведчиков и их фамилий. Каждому агенту выдавалось от 15 до 100 рублей, чтобы завязывать знакомства с солдатами, угощать их, добываясь в разговорах сведений под предлогом простого любопытства.⁴⁸² Нам не удалось найти сведений о деятельности выпускников этих школ на территории Смоленщины, но сам факт возможного действия выпускников таких школ на территории губернии говорит о ее большом стратегическом и военно-политическом значении.

Однако известно, что немцам удавалось вербовать и жителей Смоленска. В секретной телеграмме от 27 декабря 1914 г. в смоленскую жандармерию поступили сведения о немецких шпионах, находящихся в Смоленске. Они были завербованы германской разведкой из числа жителей Смоленска, вели

⁴⁸⁰ ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. 1915. Д. 740. Л. 111.

⁴⁸¹ ГАСО. Ф. 1411. Оп. 1. 1914. Д. 158. Л. 582.

⁴⁸² Там же.

неприметный образ жизни в постоянных дворах напротив этапа в Заднепровском районе Смоленска.⁴⁸³

После отступления русской армии весной и летом 1915 г. фронт приблизился к Смоленской губернии. Смоленское жандармское управление, анализируя оперативную информацию, пришло к выводу о широком развитии шпионажа и появлении разведгрупп на территории Смоленской губернии. В такой ситуации штаб Минского военного округа обратился за содействием к Смоленской администрации. Обеспокоенный развитием шпионской деятельности противника, 18 марта 1916 г. штаб Минского военного округа принял специальную инструкцию.⁴⁸⁴

В инструкции содержалось обращение и к местной администрации, которой предписывалось плотнее сотрудничать с военными властями. Инструкция ориентировала все «гражданские и военные» власти на усиление борьбы с агентурной сетью на территории губернии. В связи с этим необходимо было информировать широкие круги общественности и в особенности сельское население с конкретными способами неприятельской разведки и привлечь к борьбе с ней все благожелательное население. Особое внимание обращалось на ознакомление сельского населения с приемами шпионажа, а также со способами реагирования в случаях возникновения подозрения по отношению к какому-нибудь лицу, а также «пошагово» определялись действия населения: куда подавать заявления, как вести себя с подозрительными лицами и т.п. Если в уездах появлялись подозрительные лица, население было ориентировано на немедленный контакт с правоохранительными органами или административными лицами, на предмет проверки документов и выяснения их личности.⁴⁸⁵

Сельское население было ознакомлено с данными инструкциями через земских начальников, чинов землеустроительных комиссий, учителей, духовенство и других официальных лиц, к которым крестьяне питали доверие. К этому времени в Смоленской губернии уже были сделаны первые шаги по

⁴⁸³ ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. 1915. Д. 740. Л. 91.

⁴⁸⁴ ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. 1916. Д. 949. Л. 1.

⁴⁸⁵ Там же. Л. 3.

ознакомлению населения со способами борьбы со шпионажем на железных дорогах. На вокзалах и даже в вагонах были вывешены различные плакаты, предостерегающие, например, о неуместности в поездах разговоров на военные темы; плакаты, рекомендуемые действия в случае расспросов нижних чинов неизвестными лицами, интересующимися прилегающими к железной дороге, сооружениями.⁴⁸⁶

Администрация Смоленской губернии была обеспокоена новым приемом борьбы «культурного» врага: искусственным распространением среди войск и мирного населения заразных болезней. Немцы искали специальных агентов, которые могли взять на себя доставку в Россию холерных бацилл для отравления водоемов, колодцев и рек.⁴⁸⁷ Такого рода информация о противнике затрагивала хозяйственные интересы крестьян и поддерживала чувство враждебности к противнику.

Проникновение шпионов на территорию Смоленской губернии происходило различными путями. Одним из излюбленных способов было передвижение по губернии под видом дезертиров, пленных или солдат, направлявшихся в армию. 4 сентября 1914 г. в Вязьме по подозрению в военном шпионаже был задержан дезертир И.В. Бромфиль. При себе у него были обнаружены записи о мобилизации в русской армии, а также различные чертежи военных объектов на территории Смоленской губернии.⁴⁸⁸ В результате расследования дезертир Бромфиль был выслан с территории Смоленской губернии. Более суровое наказание ему не было назначено ввиду недостаточности улик.⁴⁸⁹

28 марта 1915 г. в Рославле был задержан военнослужащий в форме прапорщика с Георгиевскими крестами, орденом св. Анны и медалью за храбрость. «Прапорщик» предоставил, как вскоре оказалось, подложное свидетельство об отпуске на два месяца. На предварительном допросе

⁴⁸⁶ Там же. Л.4.

⁴⁸⁷ ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. 1916. Д. 949. Л. 4.

⁴⁸⁸ ГАСО. Ф. 1289. Оп. 1. 1915. Д. 484. Л. 3.

⁴⁸⁹ Там же. Л. 21.

задержанный назвал себя крестьянином Александровского уезда Екатеринославской губернии Петром Исенко, которого не взяли в действующую армию добровольцем. Поэтому он купил себе военное обмундирование прапорщика и ордена и направился в действующую армию, остановившись по дороге в армию в Рославле. При этом он жаловался на грубое обращение урядника Ворошиловской волости Рославльского уезда Тюренко. После предварительного допроса в здании полицейского управления он был отпущен. Однако что-то заподозривший исправник послал за «прапорщиком» полицейского надзирателя. «Прапорщик», увидев за собой полицейского надзирателя, бросился бежать, но был задержан при помощи жандармского унтер-офицера Голдобина. После этого, задержанный сознался, что собирал военные сведения в Рославльском уезде. С задержанного были сняты ордена и погоны, а сам он был доставлен арестантскую полицейского управления.⁴⁹⁰

Случаи в Вязьме и Рославле были не единственными. Проверка документов у подозрительных лиц, видимо, была весьма эффективным способом борьбы со шпионами. Начальник Смоленского жандармского управления постоянно получал инструкции на предмет проверки документов, которые ориентировали полицию на заведомо ложные документы. Например, предлагалось обращать особое внимание на паспорта, выданные Виленским губернатором и паспорта для местного пользования, выданные Ростовской мещанской управой. Именно такие документы изготовляло для шпионов, работавших на русских территориях, специальное бюро по изготовлению подложных документов, которое располагалось в Швейцарии.⁴⁹¹

Нередко, для более успешной агентурной деятельности, разведка Германии и Австро-Венгрии использовала документы, которые выдавали шпионов за граждан союзных России государств: Англии, Франции и США. 26 октября 1914 г. в Смоленское губернское жандармское управление поступили секретные сведения от руководства отдельного корпуса жандармов о том, что немецкие и

⁴⁹⁰ ГАСО. Ф. 1411. Оп. 1. 1914. Д. 158. Л. 262.

⁴⁹¹ Там же. Л. 336.

австрийские шпионы стали пользоваться американскими паспортами. В связи с этим, смоленские жандармы должны были уделить особое внимание лицам с американскими документами, которые прибывали на территорию губернии.⁴⁹²

Смоленская жандармерия обнаружила, что некоторые пленные германские и австро-венгерские солдаты, являвшиеся агентами противника и не подвергавшиеся полному и тщательному досмотру, проносили на российскую сторону агитационные листки.⁴⁹³ В листовках говорилось о скорой победе Германии, о хорошем обращении с пленными, о «гостеприимстве немцев».⁴⁹⁴

Смоленская жандармерия, вела секретное наблюдение за агентами фабрики Зингер, которые передвигались по территории губернии с целью продажи популярной швейной машинки. В шести уездах губернии (Смоленском, Ельнинском, Поречском, Духовщинском, Краснинском и Рославльском) было установлено наблюдение над 62 агентами швейной фабрики, которые, правда, передвигались не в одиночку, а группами.⁴⁹⁵

В 1914 г. одним из наиболее доступных и безопасных способов сбора информации военного значения были лазареты. В ноябре 1914 г. стало известно, что подозрительные лица (преимущественно дамы и барышни) посещают раненых и больных солдат, в особенности находящихся в лечебных заведениях Всероссийского земского и городского союзов и частных лиц, и предлагают свои услуги в качестве чтиц, для написания писем и т.п. Эти лица вступают в беседы с ранеными и больными и незаметно собирают разведывательный материал, искусно выпрашивая о расположении войск, снабжении армии и настроениях солдат. Агитаторы стараются внушить нижним чинам сознание о превосходстве «во всех отношениях немцев над русскими», называя при этом вымышленными сообщения газет о жестокостях немцев по отношению к пленным солдатам и мирному населению.⁴⁹⁶

⁴⁹² ГАСО. Ф. 1289. Оп. 1. 1914. Д. 477. Л. 213.

⁴⁹³ Там же. Л. 18.

⁴⁹⁴ ГАСО. Ф. 1289. Оп. 1. 1914. Д. 478. Л. 19.

⁴⁹⁵ ГАСО. Ф. 1411. Оп. 1. 1914. Д. 158. Л. 269.

⁴⁹⁶ ГАСО. Ф. 1. Оп. 7. 1915. Д. 763. Л. 5.

В связи с поступившей информацией от штаба Минского военного округа, окружным военно-санитарным управлениям указывалось принять все возможные меры к предотвращению подобного явления в лечебных заведениях округа путем фильтрации посетителей больных и возможности наблюдения за ними и их разговорами. В результате анализа сведений об антиправительственной пропаганде среди раненых, смоленской администрацией были приняты меры, направленные на борьбу с этим явлением. Распоряжением вице-губернатора В. Ю. Фере от 9 ноября 1914 г. по лечебным заведениям существенно ограничивалось посещение раненых и больных родственниками и посторонними лицами. Посещения допускались только с разрешения дежурного врача в период с двух до четырех часов дня. Особые ограничения касались представителей печати и благотворительных организаций. Первые допускались к раненым и больным при наличии удостоверения, подтверждающего его личность, как «агента» печатного органа. Что касалось представителей благотворительных организаций, то они вообще не могли вступать в прямой контакт с ранеными, а все пожертвования и приношения для раненых должны были сдаваться в контору лазарета.⁴⁹⁷ В результате предпринятых действий резко ограничивалось количество посторонних лиц, которые могли общаться с ранеными и больными за пределами больницы. Так, вход в домовую церковь при лазарете допускался только по специальным билетам, которые можно было получить в ограниченном количестве в определенное время в администрации больницы (накануне богослужения с двенадцати до часу дня).⁴⁹⁸

До распоряжения В.Ю. Фере «наплыв» посторонних лиц в лазаретах наблюдался в дни приема раненых, особенно когда они поступали большими партиями. В помещения больницы вместе с санитарями беспрепятственно входили представители Земского и Городских союзов, водители автотранспорта и посторонние лица. Вследствие распоряжения вице-губернатора в дни приема

⁴⁹⁷ ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. 1915. Д. 719. Л. 18.

⁴⁹⁸ Там же. Л. 19.

раненых партиями более двадцати человек, посторонние, которых было трудно проконтролировать, в помещение лазарета не допускались.⁴⁹⁹

Всякая пропаганда и агитация требовала значительной финансовой поддержки. Поэтому смоленская жандармерия обращала самое пристальное внимание на сообщения, касавшиеся этой стороны действий противника. В одном из донесений в штаб Минского военного округа говорилось, что германское правительство в целях победы над русскими войсками отпустило русским революционным партиям большие средства для ведения пропаганды и революционной агитации среди нижних войск, стараясь этим путем вызвать бунты среди нижних чинов.⁵⁰⁰ Вопрос о «немецких деньгах» не раз обсуждался в исторической литературе.⁵⁰¹ Нас интересует только факты использования денег агентами воюющих с Россией стран. В сентябре 1915 г. в переписке чинов Смоленского жандармского управления обсуждался факт пропаганды на немецкие деньги в запасных батальонах и ополченческих соединениях Южной России. В связи с этим полковник Астафьев просил у губернатора разрешение на проведение наблюдения за запасными батальонами, расположенными на территории Смоленской губернии для недопущения проникновения в них агитаторов противника.⁵⁰²

Некоторые из военнопленных, эвакуированных внутрь империи, обладали значительными денежными средствами для ведения пропаганды. Целью этой пропаганды было ниспровержение существующего государственного строя и поднятие восстания.⁵⁰³ Деньги планировалось направить на снабжение оружием военнопленных и местного населения. В результате оперативных действий смоленскими жандармами было установлено, что организаторами данных акций на «деньги противника» на территории Смоленской губернии были рядовые

⁴⁹⁹ Там же.

⁵⁰⁰ ГАСО. Ф. 1289. Оп. 1. 1914. Д. 478. Л. 12.

⁵⁰¹ См.: например, Сикорский Е.А. Деньги на революцию: 1903–1920. Факты, версии, размышления. Смоленск, 2004.

⁵⁰² ГАСО. Ф. 1289. Оп. 1. 1914. Д. 478. Л. 20.

⁵⁰³ ГАСО. Ф. 1. Оп. 7. 1914. Д. 763. Л. 27.

австрийской армии М. Досковский, В. Труш, Л. Патрик, которые были арестованы и преданы военно-полевому суду.⁵⁰⁴

Одним из приемов шпионажа являлась фотосъемка. Агенты противника под прикрытием частных фирм и предпринимателей, производили кинематографические снимки районов расположения войск. Об этом факте смоленскому губернатору сообщалось в секретной телеграмме из штаба Минского военного округа. Единственной организацией, которая могла заниматься подобными действиями, был Скобелевский комитет попечительства о раненых войнах. Лица, не принадлежавшие к этому комитету, но производившие фотосъемку в местах дислокации войсковых соединений, должны были быть немедленно задержаны по подозрению в шпионской деятельности.⁵⁰⁵

На плечи местной губернской полиции возлагались обязанности по контролю «за полетными правилами» на территории Смоленской губернии, согласно которым полицейские были обязаны проверять документы у летчиков, совершавших взлеты и посадки на территории губернии.⁵⁰⁶

С августа 1914 г. смоленская полиция взяла под охрану мосты на больших проездных дорогах. По оперативным данным, полученным Смоленским жандармским управлением, в самом начале войны немцы направили во внутренние губернии России специальную группу лиц, которая должна была осуществлять подрывы мостов и переправ через крупные реки.⁵⁰⁷ С помощью этой информации, военная контрразведка Минского военного округа смогла пресечь диверсионные акты, о чем было сообщено смоленскому губернатору.⁵⁰⁸

Важнейшей целью врага было распространение среди солдат и офицеров антивоенных настроений. Командование Отдельным корпусом жандармов в качестве основных агентов подрывного влияния на армию рассматривало социалистические партии. А. Спиридович писал в своих Воспоминаниях:

⁵⁰⁴ Там же. Л. 28.

⁵⁰⁵ ГАСО. Ф. 1. Оп. 6. 1914. Д. 141. Л. 21.

⁵⁰⁶ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. 1914. Д. 45. Л. 8.

⁵⁰⁷ ГАСО. Ф. 1. Оп. 6. 1914. Д. 746. Л. 5.

⁵⁰⁸ ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. 1914. Д. 746. Л. 18.

«Военная среда всегда очень манила к себе революционеров. Им всегда очень хотелось войти туда с пропагандой, но офицерство было недоступно, и поэтому они старались подходить хотя бы к солдатам».⁵⁰⁹ Поэтому, изучая тему антивоенной пропаганды агентами противника, мы будем говорить об участии в антивоенной пропаганде и представителей политических партий.

28 декабря 1914 г. штаб Минского военного округа сообщал в Смоленское губернское жандармское управление о случаях проявления социалистической антивоенной пропаганды в маршевых командах, пребывающих в войска. Он просил обратить пристальное внимание на нижних чинов при проходе через железнодорожные станции, города и другие населенные пункты Смоленской губернии.⁵¹⁰

Смоленская губерния, расположенная в непосредственной близости от фронта, давала возможности для ведения антивоенной пропаганды в войсках. Начиная с августа 1914 г., в Смоленское жандармское управление стали поступать сведения о «неблагонадежных» лицах в составе действующей армии. Этими лицами в первое время были раненые, проходившие лечение на территории губернии. Например, 29 декабря 1914 г. в Смоленское жандармское губернское управление поступило секретное донесение от начальника смоленского гарнизона, в котором говорилось о том, что от ельнинского уездного воинского начальника поступили сведения о возможной измене. В одной из чайных Смоленска, расположенной за Молоховскими воротами, стали собираться нижние чины, находившиеся после ранений на лечении в госпиталях губернского города. Раненые солдаты «сговаривались об умышленной сдаче в плен» при первой встрече с врагом, после их отправки на фронт.⁵¹¹ Этот факт говорит о том, что антипатриотические настроения имели место среди солдат, оказавшихся на территории Смоленской губернии еще в 1914 г. В самом начале войны число таких случаев было невелико, но сам факт таких настроений должен был вызывать серьезную обеспокоенность местных властей. Его можно расценивать

⁵⁰⁹ Спиридович А. Записки жандарма. М., 1991. С. 198.

⁵¹⁰ ГАСО. Ф. 1411. Оп. 1. 1914. Д. 158. Л. 24.

⁵¹¹ ГАСО. Ф. 1289. Оп. 1. 1914. Д. 478. Л. 3.

как первый симптом антивоенных настроений, в целом не свойственный начальному периоду войны.

В начале 1915 г. в одном из служебных донесений в Смоленское жандармское управление указывалось, что повсеместно «евреи и агитаторы различных политических партий стремятся распространять в действующей армии воззвания, призывающие войска воспользоваться своими победами над мировым врагом и предъявить Русскому правительству требования осуществления основных идеалов, проводимых революционными партиями».⁵¹²

В 1915 г. была установлена и задержана группа из десяти человек, среди которых особенной активностью отличились Т.В. Коган, А.А. Заостровская и М.Я. Евдокимова. Они состояли в связи с «неблагонадёжными лицами» из партии социалистов–революционеров. Некоторые агитаторы в довоенное время привлекались за антиправительственную деятельность. Некто М.Я. Евдокимова в 1909 г. допрашивалась судебным следователем Московского округа за антиправительственные действия.⁵¹³ Благодаря работе смоленских жандармов деятельность антивоенной «группы десяти» была пресечена и агитаторы привлечены к ответственности.⁵¹⁴

Агитаторам революционных партий, а тем более агентам, проникнуть в войска было значительно труднее, чем в лазареты, поскольку армия представляла собой закрытый институт, в котором действовала жесткая дисциплина. Поэтому агитаторы использовали весьма специфические приемы проникновения в ее ряды. Одним из средств проникновения в действующую армию были воззвания - обращения к солдатам с кратко сформулированными тезисами.

Эти воззвания рассылались по почте в посылках лицам, находившимся в действующей армии, с соблюдением всех мер предосторожности (ящики с двойным дном, под подкладкой пересылаемой одежды и другими способами).⁵¹⁵ На основании агентурных данных начальник штаба Минского военного округа

⁵¹² Там же. Л. 23.

⁵¹³ Там же. Л. 9.

⁵¹⁴ Там же. Л. 10.

⁵¹⁵ Там же. Л. 24.

сообщал смоленскому губернатору что, «революционеры ввиду принятых правительственных мер к пресечению ими возможности вести непосредственную преступную пропаганду в рядах действующей армии», старались прибегать в целях той же агитации к другим приемам.⁵¹⁶

Наиболее распространенным среди них являлось вхождение в состав кружков, которые занимались сбором и отправлением на передовые позиции действующей армии различного рода подарков. В посылках прятались разнообразные воззвания пацифистского содержания. Чтобы эти «подарки» не были обнаружены и не попали в руки правоохранительных органов или военной контрразведки, в качестве маскировки использовались вещи, необходимые солдату в повседневной жизни и имевшие утилитарное значение. Агитаторы зашивали посылки в пояса кальсон, в жилеты и кисеты с табаком.⁵¹⁷

Воззвания и прокламации к заключению мира поступали и из-за границы, через рассылку бандеролей с печатной продукцией не раз поступали в Смоленск.⁵¹⁸ В декабре 1915 г. полковник Астафьев распорядился пресекать попытки получения пакетов и посылок из Стокгольма, содержащих «воззвания к русскому народу с призывом требования заключения мира».⁵¹⁹

Наряду с информацией о деятельности германских и австрийских агентов на территории Смоленской губернии, в Смоленское губернское жандармское управления поступали сведения об активизации подрывной деятельности со стороны Турции. Штаб Минского военного округа был уверен в том, что шпионская деятельность велась благодаря турецким консульским служащим. Поэтому военные власти приказывали смоленским жандармам задерживать и арестовывать печатные издания, а также любые посылки, которые поступали из Турции. На почте Смоленска изымалась для перлюстрации вся корреспонденция турецких «консульских чинов».⁵²⁰

⁵¹⁶ ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. 1914. Д. 763. Л. 41.

⁵¹⁷ Там же. Л. 41.

⁵¹⁸ ГАСО. Ф. 1289. Оп. 1. 1914. Д. 478. Л. 36.

⁵¹⁹ Смоленская губерния в Первой мировой войне. Смоленск, 2016. С. 170.

⁵²⁰ ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. 1915. Д. 740. Л. 70.

Начальник штаба Минского военного округа, обеспокоенный «случаями сдачи нижних чинов в плен иногда целыми подразделениями», приказывал военной контрразведке и местным правоохрнительным органам в лице полиции и жандармерии вести самый тщательный надзор за «слабыми» элементами армии. Одновременно с этим, командирам следовало усилить воспитательную работу, организовать собеседования с нижними чинами и принять другие всевозможные меры «для поднятия сознания важности переживаемых событий».⁵²¹

Военное командование требовало обратить особое внимание на недопущение пропаганды сдачи в плен в лечебных заведениях и при следовании партий укомплектования. Объектом пристального внимания местной полиции должны были стать госпитали «не только, и не столько военные», медицинский персонал лечебных заведений: врачи, сестры, прислуга. Этим же приказом углублялся негласный и гласный надзор жандармерии во всех военных госпиталях, поездах и на транспорте. Особое внимание уделялось таким средствам агитации и пропаганды, как газеты и книги. По мнению военного командования, часто под непримечательными или безобидными обложками имелось достаточно «скверное содержание».⁵²² Для бесед с ранеными должны были привлекаться и священники, обязанности которых до настоящего приказа ограничивались только проведением служб и отправлением религиозных треб.⁵²³ Начиная с сентября 1914 г. штаб Минского военного округа был обеспокоен активизацией революционных элементов в поездах и эшелонах с войсками, проходящими через Смоленскую губернию. Так 11 сентября 1914 г. начальник штаба Минского военного округа сообщал начальнику гарнизона Смоленска, а также жандармскому управлению губернии о многочисленных фактах пропаганды со стороны пацифистских обществ и революционных организаций за счет метода рассылки корреспонденции, а именно газет и журналов среди эшелонов войск и раненых, проходящих через губернию.⁵²⁴ Так, для

⁵²¹ Там же. Л. 21.

⁵²² ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. 1915. Д. 719. Л. 22.

⁵²³ Там же. Л. 28.

⁵²⁴ Там же. Л. 37.

предотвращения проникновения в поезда и эшелоны, смоленская железнодорожная жандармерия руководствовалась правилами особых комитетов, по которым воспрещалось открывать окна и находиться на площадках вагонов при следовании поездов через мосты. Вместе с этим, все помещения вагонов, уборные и клозеты должны были быть закрыты на ключ при проходе через мосты и во время стоянки на станциях и перегонах.⁵²⁵

Первая мировая война, как и, например, русско-турецкая война, имела религиозную окраску. Русским солдатам внушалось, что они сражаются за православную веру, царя и отечество. Такая агитация поощрялась со стороны военных властей и проводилась с помощью печатных книг и брошюр. В декабре 1915 г. получила одобрение со стороны главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта генерала Иванова брошюра «Победа или рабство». Было получено разрешение смоленского губернатора на распространение этой брошюры на территории Смоленской губернии. В ней особое внимание уделялось «священной обязанности» и «духовному долгу» православного солдата продолжать войну с Германией и Австро-Венгрией до победного конца.⁵²⁶

Проникновение в ряды армии «ложных вероучений» приравнивалось к антивоенной пропаганде, разлагающей ряды русской армии. Религиозная пропаганда была адресована действующим военным подразделениям, расположенным преимущественно на фронте и в прифронтовых губерниях.

О серьезности религиозного фактора предупреждал начальник Петроградского военного округа. Он требовал от смоленского губернатора обратить на самое пристальное внимание на религиозные секты, выступавшие против войны, указывая что «в некоторых воинских частях наблюдались отчетливые признаки пропаганды» со стороны «известной секты, так называемых евангелистических христиан», которая умело пользовалась состоянием солдат на фронте.⁵²⁷ Начальник Петроградского военного округа не без основания указывал на психологическое состояние солдат русской армии, которые постоянно

⁵²⁵ ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. 1914. Д. 698. Л. 3–4, 30.

⁵²⁶ ГАСО. Ф. 1. Оп. 6. 1915. Д. 117. Л. 5.

⁵²⁷ ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. 1914. Д. 763. Л. 33.

находились в смертельной опасности. Война значительным образом увеличивала способности к мистическому восприятию действительности, обнажала религиозные чувства человека на фронте. Война в психологическом плане относится к категории «пограничной ситуации», то есть крайне опасной, неопределенной, непредсказуемой, угрожающей самой жизни человека и почти не зависящей от его воли и разума.⁵²⁸

Среди нижних чинов встречались лица, склонные к мистическому восприятию мира и этим пользовались проповедники. Они вели беседы с ранеными солдатами в больницах и лазаретах, в пути следования эшелонов с войсками, а также отправляли различные религиозные издания и книги на фронт. Развиваемые ими тенденции под видом религиозных истин несли идеи, разлагающие воинский дух и извращающие понятие о присяге и долге.⁵²⁹

В качестве профилактической меры борьбы с антивоенной пропагандой, жандармерия использовала цензуру печатных изданий. Смоленские жандармы установили, что организации «Вольное экономическое общество» и редакция издания «Донская речь» вели антивоенную пропаганду при помощи рассылаемой литературы в небольшие города и населенные местности. Таким образом, они хотели избежать серьезного контроля со стороны надзорных органов, который мог быть в крупных городах. Вместе с этим антивоенная риторика издания «Донская речь» привела к тому, что секретным донесением от 21 октября 1914 г. В.Ф. Джунковский, руководивший на тот момент Отдельным корпусом жандармов, дал указание на уничтожение всего тиража «Донской речи», высланного для раненых смоленских губернских госпиталей.⁵³⁰

Наряду с изданием «Донская речь», жандармская цензура подвергала арестам и уничтожению целый перечень печатных изданий. Она регулярно вела и опубликовывала в газете «Смоленские губернские ведомости» список запрещенных изданий, в который входило более тысячи наименований различных книг и периодических изданий. По мнению жандармерии, эти произведения тем

⁵²⁸ Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999. С. 51.

⁵²⁹ ГАСО. Ф.1. Оп. 7. 1915. Д. 763. Л. 33.

⁵³⁰ ГАСО. Ф. 1289. Оп. 1. 1914. Д. 478. Л. 17.

или иным образом вели антиправительственную агитацию, а также «будоражили умы населения».⁵³¹ Среди запрещенных изданий революционного и антивоенного толка значились «Русский набат», «Новая жизнь», «Вечерняя газета», «Голос Москвы», «Русские ведомости», журналы «Народный вестник», «Весенний комар», а также целый ряд художественных произведений таких писателей, как Л.Н. Толстой, Н.В. Гоголь и других. Арест произведений и их уничтожение производился смоленскими жандармами по определениям судебных установлений.⁵³²

Вместе с этим, начальник штаба Минских военно-окружных управлений уведомлял смоленского губернатора о фактах открытия книжных складов на территориях, занимаемых русскими войсками. При этом сообщалось, что лица, которые были замечены в этой деятельности, не имели на то никакого разрешения и действовали в интересах революционных партий и пацифистских обществ. Губернатору Смоленской губернии совместно со смоленской жандармерией вменялось в обязанность внимательно контролировать деятельность по распространению печатной продукции на территории губернии и пресекать любые попытки создания таких книжных складов и распространения незаконной печатной продукции среди войск на территории Смоленской губернии.⁵³³

Нередко под арест попадала иностранная литература, не имевшая прямой целью распространение революционных и антивоенных идей. Любые ссылки на союзников России в «недобром свете» являлись основанием для жандармского контроля и последующего ареста данных произведений печати. Так, изданная сербским журналистом С. Якшичем брошюра «Сербия на чужбине» содержала в себе многочисленные оскорбления по отношению к сербскому королю, королевскому дому и правительству. Помимо прочего, в этой брошюре Якшич призывал сербскую армию «повернуть оружие против короля и королевского дома». Штаб Минского военного округа незамедлительно дал поручение смоленской жандармерии на изъятие брошюры из библиотек при лечебных

⁵³¹ ГАСО. Ф. 1. Оп. 6. 1914. Д. 82. Л. 4.

⁵³² Там же. Л. 5–6.

⁵³³ ГАСО. Ф. 1. Оп. 6. 1914. Д. 141. Л. 43.

заведениях губернии и её последующее уничтожение. При этом следовало установить лиц, которые были причастны к распространению данного печатного произведения.⁵³⁴

Специальные распоряжения по борьбе с антивоенными настроениями в армии Смоленский губернатор получал из МВД, которые требовали активизация деятельности общей полиции в этом направлении. В январе 1916 г. Департамент полиции МВД распространил среди губернаторов указание, в котором говорилось об участившихся случаях сдачи в плен рядовых русской армии. Причину этого явления Департамент полиции видел в существовании в тылу армии преступной организации, которая задалась целью «внушить нижним чинам ненадобность войны и несения службы в русской армии».⁵³⁵

По сведениям Департамента полиции пропаганда проникала в действующие подразделения вместе с ротами пополнения, следующими из запасных и ополченческих частей, в том числе с территории Смоленской губернии. Поэтому на смоленскую полицию, как и на полицию других губерний, специально возлагались обязанности, которые включали в себя полный спектр задач контрразведывательного характера.⁵³⁶

Данное распоряжение МВД требовало ужесточения наказаний за антивоенную пропаганду: лиц, которые были замечены в преступной пропаганде, следовало немедленно передавать военно-полевому суду, проводя собственное дознание в «формальном порядке».⁵³⁷

В делопроизводственной документации помощника начальника Смоленского жандармского управления хранится большая записка, направленная ротмистром Н.В. Щербачевым полковнику И.Н. Астафьеву. В ней выражалась глубокая озабоченность положением дел в тыловых частях Смоленска. Щербачев докладывал о низкой дисциплине среди солдат 185 пехотного полка, 3 запасного саперного батальона, Артиллерийского дивизиона. Сложившаяся ситуация среди

⁵³⁴ ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. 1915. Д. 895. Л. 7.

⁵³⁵ ГАСО. Ф. 1289. Оп. 1. 1915. Д. 481. Л. 80.

⁵³⁶ Там же. Л. 81.

⁵³⁷ Там же.

рядовых чинов могла повлечь, по мнению начальника жандармского управления, «распропагандирование их в революционном отношении», поэтому Полковник Щербачев распорядился «направить агентуру» для контроля над ситуацией и выявления возможных шпионов.⁵³⁸

Немаловажным аспектом в работе полицейских структур являлся сбор сведений обо всех ставших известными случаях нарушения неприятельскими войсками законов и обычаев войны. Данным вопросом занимался председатель Чрезвычайной следственной комиссии под руководством сенатора Кривцова. Сбор сведений осуществлялся полицией и препровождался затем в Чрезвычайную следственную комиссию.⁵³⁹ Хотя на территории губернии не велись военные действия, смоленская полиция и жандармерия, работая с военнопленными и ранеными, могла получить некоторые сведения о способах ведения войны противниками.

Благодаря тем хитростям, к которым прибегали неприятельские агенты, шпионаж очень широко распространился в тылу армии. Такому распространению способствовала неосведомленность населения, в особенности сельского и рабочего, а также «добродушие» русского народа, его доверчивость к форме и «документам».⁵⁴⁰

Борьба со шпионами имела обратную сторону. В годы войны на территории Смоленской губернии имело место такое явление как «шпиономания».⁵⁴¹ Его проявление имело более глубокие корни, но в какой-то степени было спровоцировано и действиями против шпионов. Подозрительность к немцам, видимо, была обычным явлением и в рабочей, и в городской среде. Так, в 1914 г. рабочие трех рославльских заводов (двух шпагатных и стекольного завода Мальцова – Нечаева) требовали увольнения за грубость немцев-мастеров,

⁵³⁸ ГАСО. Ф. 1411. Оп. 1. 1914. Д. 158. Л. 27–29.

⁵³⁹ ГАСО. Ф. 1 Оп. 8. 1916. Д. 868. Л. 16, 17.

⁵⁴⁰ ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. 1916. Д. 949. Л. 3–5.

⁵⁴¹ Оброкова И.В. Проблема шпиономании в Российской империи в годы Первой мировой войны в современной историографии // URL: <http://www.econf.rae.ru>.

объясняя их неуважительное отношение к рабочим именно их немецким происхождением.⁵⁴²

Известно, что антинемецкие настроения поддерживались такой влиятельной газетой, как «Смоленские епархиальные ведомости». Нелюбовь к «немецкому» газета объясняла патриотическими чувствами и настроениями населения. В марте 1915 г. в газете появилась статья под названием «Бабий бунт», в которой автор писал: «Чем яростнее бросает Вильгельм на смерть свои полчища, чем шире развиваются военные действия, тем сильнее развивается и ненависть к немцу, ко всему немецкому». Автор утверждает, что вся Смоленская губерния решила не носить немецкое платье, и потому «исчезли заползшие из города в деревню корсеты, исчезли модные кофточки». Оказалось, что «русская одежда во много раз красивее и несравненно удобнее» для деревенской жизни.⁵⁴³

Для Смоленской губернии помимо «германского» вопроса большое значение имели отношения жителей с евреями и поляками, большие диаспоры которых проживали на территории Смоленщины. В 1915 г. по губернии прокалились слухи о «шпионской деятельности евреев» и в связи с этим в ряде мест говорили о возможности еврейских погромов. Департамент полиции МВД предупреждал смоленского губернатора о таких настроениях и «просил принять меры предосторожности против погромов».⁵⁴⁴ Тревожная ситуация складывалась в поселке Каменка Смоленского уезда и в Гжатске. Если в Каменке дело закончилось одними слухами, то в Гжатске съезд городских жителей, который состоялся 8 июня 1915 г. потребовал «выселения всех проживающих в городе евреев». Однако энергичные действия исправника Неклюдова смогли предупредить открытое выступление против евреев, и в городе сохранился порядок.⁵⁴⁵

⁵⁴² ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. 1914. Д. 715. Л. 5, 6; Будаев Д.И. Рожденный в борьбе союз. М., 1984. С. 132.

⁵⁴³ Смоленские епархиальные ведомости. 1915. № 6.

⁵⁴⁴ ГАСО. Ф. 1. Оп. 7. 1915. Д. 763. Л. 25.

⁵⁴⁵ Там же. Л. 31–32.

Ситуация в Смоленской губернии отражала общие настроения в стране. Начальник Петербургского охранного отделения А.В. Герасимов в своих воспоминаниях писал: «Вчерашние оптимисты, готовые кричать, что они шапками закидают врага, теперь ударились в другую крайность. Всюду шли разговоры о предательстве в тылу, о тайных пособниках Германии, которые расстраивают дело снабжения, о темных силах, которые работают на дело поражения России».⁵⁴⁶

Таким образом, изучение контрразведывательной деятельности на территории Смоленской губернии показывает, что она была совместным делом органов контрразведки, смоленской жандармерии и полиции. При этом полиция имела значение вспомогательной силы, которая привлекалась не к оперативной, а к исполнительной работе. Большую роль в организации контрразведывательной деятельности на местах играли инструкции начальника штаба Минского военного округа. Ими руководствовались агенты и местные органы правопорядка. Инструкции содержали как общие указания, относительно направлений и методов контрразведывательной работы, так и конкретные сведения о проникновении агентов противника на территорию губернии. В целом, можно говорить об успешной деятельности органов контрразведки на территории Смоленской губернии, поскольку ее результатом было недопущение открытых диверсионных актов и антивоенных выступлений, а также разоблачение шпионов и нескольких шпионских групп.

3. 2 Охрана общественного порядка и борьба с антиправительственными выступлениями

Во время войны административная власть занималась не только обеспечением фронта, но и управлением губернии, на положение которой большое влияние оказала война. Кроме того, под влиянием войны претерпели

⁵⁴⁶ Герасимов А.В. На лезвии с террористами // «Охранка»: Воспоминания руководителей политического сыска. Т. 2. М., 2004. С. 89.

изменение и методы управления и решение традиционных задач повседневной жизни губернии, таких как: борьба с уголовными и административными правонарушениями, продовольственное дело, сбор налогов, проведение аграрной реформы, санитарное состояние городов и больниц и многое другое. Чрезмерность и многообразие обязанностей, выполняемых административной властью во время войны, признавало правительство. 5 марта 1915 г. директор департамента общих дел А.В. Волжин писал смоленскому губернатору Булгакову о «невозможности предварительного учета всех надобностей переживаемого момента», которые потребовали «значительных усилий всех представителей администрации».⁵⁴⁷

Основной задачей полиции и жандармерии оставалась задача охраны общественного порядка. Под общественным порядком мы понимаем такое состояние общественных отношений, при котором соблюдаются законы и распоряжения центральной и местной власти. В нашем понимании относительно изучаемой темы и изучаемого времени состояние общественного порядка идентично понятию правопорядка. Правопорядок – «основанная на праве <...> упорядоченность общественных отношений, которая выражается в правомерном поведении их участников».⁵⁴⁸ Режим общественного порядка исключает открытые массовые проявления недовольства.

Как уже говорилось, важнейшим средством управления губернией и обеспечения правопорядка были обязательные постановления. Обязательные постановления издавали губернаторы, начальники военных округов, органы земского и городского самоуправления, центральные органы государственной власти. Сплошное изучение материалов официального органа губернской администрации «Смоленских губернских ведомостей» показало, что в июле 1914 – феврале 1917 гг. было опубликовано 76 обязательных постановлений: 24 обязательных постановления были изданы губернатором, 21 – начальниками военных округов, 15 – особыми совещаниями железных дорог, 15 – органами

⁵⁴⁷ ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. 1914. Д. 63. Л. 417.

⁵⁴⁸ Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева. М, 2009. С. 420.

местного самоуправления и одно – министром торговли и промышленности. Вполне вероятно, что эти данные не совсем полные. Однако важно то, что обязательные постановления носили массовый характер и были важнейшим средством управления в руках местной администрации и самоуправления, а также чрезвычайных органов власти военного времени. Чрезвычайно важно, что все эти постановления были адресованы жителям губернии и в значительной степени ограничивали их права и возможности в условиях военного времени. Степень выполнения этих постановлений является важнейшим индикатором авторитета власти, наличия общественного порядка и режима законности.

В этом параграфе речь пойдет о постановлениях губернатора, управлявшего губернией, и начальника Минского военного округа, постановлениями которого, в первую очередь, регулировалась жизнь в уездах с режимом военного положения. В нашем распоряжении есть данные о нарушении постановлений населением в ноябре – декабре 1916 г. Наказания за нарушения были вынесены смоленским губернатором К.А. Шумовским и начальником Минского военного округа Е.А. Рауш фон Траубенбергом в январе 1917 г.

Мы не можем говорить о полноте этих данных, однако они дают представление о соотношении административных проступков как раз незадолго до ликвидации институтов губернаторства, полиции и жандармерии и позволяют сделать вывод о том, какие именно постановления губернатора и военной власти вызывали протест со стороны населения.

Как следует из таблицы № 7, всего было 208 нарушений обязательных постановлений губернаторов и начальника Минского военного округа, приблизительно по 100 случаев ежемесячно⁵⁴⁹, в среднем по 8 случаев на каждый уезд, на каждое полицейское управление. Следовательно, накануне февральских событий 1917 г. население Смоленской губернии за редким исключением выполняло распоряжения местной административной и военной властей.

С другой стороны, если в 1915 г. в рапортах смоленских уездных исправников и в донесениях губернатора в МВД вообще не отмечались случаи

⁵⁴⁹ Несколько нарушений постановлений губернаторов относятся к другим месяцам.

невыполнения обязательных постановлений,⁵⁵⁰ то в 1916 г. наблюдался значительный рост правонарушений. Такое положение вещей свидетельствовало о потенциальной угрозе общественному порядку.

Наибольшее число правонарушений, связанных с выполнением обязательных постановлений, было отмечено в Смоленском уезде и Смоленске – 44 случая. При этом здесь имели место все виды правонарушений, то есть в той или иной степени нарушались все постановления губернатора. Но наиболее распространенными явлениями в Смоленске и Смоленском уезде были – появление в нетрезвом виде, продажа спиртного, нарушения паспортного режима, а также особенно тревожные для власти оскорбления полицейских, что свидетельствовало о нарастании недовольства к власти. Наименьшее число случаев невыполнения постановлений губернатора было зафиксировано в Сычевском уезде – всего 4 случая. Три из них касались недоставки коров для реквизиции на нужды армии, одно – санитарных правил.⁵⁵¹ Различие в количестве правонарушений объясняется большей численностью населения в Смоленском уезде. В Сычевском уезде накануне войны проживало около 130 тыс. человек, в Смоленском – более 230 тысяч.⁵⁵² При этом на территории Смоленского уезда расположен губернский центр, население которого значительно увеличилось во время войны за счет беженцев и эвакуированных.

Нарушения обязательных постановлений объединены нами в 13 групп (таблица №7). На первом месте стояли правонарушения, связанные с обеспечением сухого закона. На основании обязательного постановления смоленского губернатора от 7 августа 1914 г. устанавливался особый контроль за алкогольной продукцией. Запрещалась продажа алкогольной продукции в «частных местах», пивных лавках, буфетах, на железнодорожных станциях, в театрах и иных увеселительных заведениях (помимо ресторанов 1 разряда, клубов и общественных собраний).⁵⁵³

⁵⁵⁰ ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. 1916. Д. 887; ГА РФ. Ф. 102. Оп. 124. 1915. Д. 66. Ч. 7.

⁵⁵¹ ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. 1916. Д. 959. Л. 60–64.

⁵⁵² Обзор Смоленской губернии за 1913 г. Смоленск, 1915. Прилож. VIII.

⁵⁵³ Смоленские губернские ведомости. 1914. № 32. С. 4.

Но уже 16 августа 1914 г. смоленским губернатором было издано обязательное постановление, которое помимо установленных в законе правил, регламентировало продажу, хранение и употребление алкоголя. На основании этого постановления запрещалось распитие алкоголя на улицах, дорогах, площадях и других общественных местах, а также появление в общественных местах в состоянии алкогольного опьянения; противозаконным являлось хранение значительного количества алкогольной продукции у частных лиц; владельцам домов в черте усадебной оседлости, запрещалось производить и продавать крепкий алкоголь. Открытая продажа алкоголя была возможна только в установленные для этого часы в определенных питейных заведениях.⁵⁵⁴

Введение сухого закона имело положительные и отрицательные последствия. С одной стороны, трезвость способствовала более серьезному и ответственному отношению к переживаемым событиям. С другой стороны, введение сухого закона сказалось на доходах губернии. Поступление от акцизных сборов и от продаж распитий снизились, что привело к уменьшению доходов Смоленской губернии в 1914 г. на 5172 171 рубль по сравнению с 1913 г. В 1914 г. в Смоленской губернии действовал 61 винокуренный завод, из них 59 принадлежали частным собственникам и 2 арендаторам. После принятия сухого закона число их сократилось, и были закрыты все заведения «для раздробительной торговли крепкими напитками», кроме 16 погребов, которые имели право отпускать виноградное вино и водочные изделия для «специальных надобностей» и 178 казенных лавок, отпускавших для тех же целей «денатурированный спирт».⁵⁵⁵

Однако введение такого рода ограничений, которые касаются устоявшихся привычек людей, не могло дать 100 % результата. По данным МВД, к лету 1916 г. повсеместно развивалось тайное приготовление и сбыт крепких напитков и суррогатов.⁵⁵⁶

⁵⁵⁴ Там же. С. 5.

⁵⁵⁵ ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. 1916. Д. 920. Л. 33.

⁵⁵⁶ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 73. 1915. Д. 10. ч. 7. Л. 79.

Не исключением была и Смоленская губерния. В ноябре-декабре 1916 г. в Смоленской губернии было совершено 77 случаев нарушения сухого закона: 39 касались появлением в общественных местах в нетрезвом виде и 38 продажи, производства и хранения «водки-спирта». Этот вид правонарушений был распространен не только в Смоленской губернии.

На втором месте стояли правонарушения по обеспечению армии, составившие 30 случаев; 20 раз нарушались тишина и спокойствие, 18 нарушений были связаны с покупкой воинского обмундирования, 14 – оскорбления полиции при исполнении служебных обязанностей, по 10 случаев продажи продуктов по завышенным ценам и укрывательства беглых. Кроме того, были случаи нарушения санитарных правил и паспортного режима, побега из арестных помещений, а также единичные случаи, отнесенные нами к «другим» (вывоз сена за пределы губернии, содержание собак без ошейников и т.п.).

Большое значение для выяснения отношения населения к войне, к государственной власти в лице губернаторов и полиции имело выполнение обязательных постановлений направленных на обеспечение армии, на борьбу с укрывательством дезертиров, а также оценка населением действий полиции в связи с требованиями о выполнении обязательных постановлений. В ноябре – декабре 1916 г. жители губернии 21 раз отказывались от поставок подвод для доставки дров в армию. Половина этих случаев (12) приходилась на два уезда: Вяземский и Ельнинский, где, как и в Смоленске, располагались тыловые воинские части, но где не было такого сильного административного и полицейского контроля, как в Смоленске, где действовал режим военного положения. Случаи отказа от поставок продуктов или лошадей для нужд армии в той или иной форме были во всех уездах, кроме Духовщинского и Краснинского. Как мы видели, даже в «законопослушном» Сычевском уезде имелись отказы от поставок крупнорогатого скота в армию. В ряде мест крестьяне выступали в одиночку, но чаще – небольшими группами. Так, в ноябре 1916 г. 13 крестьян

Чепчуговской волости Вяземского уезда были обвинены «в недоставке дров войсковым частям».⁵⁵⁷

13 и 14 декабря 1916 г. крестьяне Юхновского уезда, Покровской волости, деревень Клестово в количестве 12 человек, и Теплушки в количестве 5 человек, «вполне» изобличались в отказе от возки дров для Вяземского гарнизона».⁵⁵⁸ Коллективный отказ от поставки дров привел к административному наказанию крестьян. Крестьяне Юхновского уезда получили по 50 рублей штрафа каждый или три недели тюрьмы «в случае несостоятельности».⁵⁵⁹ Случаи группового неповиновения властям и недоставки дров для нужд армии были также в Рославльском и Бельском уездах.⁵⁶⁰

За укрывательство дезертиров наказывались как жители Смоленска, так и сельской местности. Среди них были, например, крестьянин Коноплинской волости Ельнинского уезда Е. Грищенко, обвиненный «в укрывательстве нижнего чина самовольно отлучившегося из войск» и житель Смоленска Л. Шейнин, прятавший у себя нижнего чина, отлучившегося из части.⁵⁶¹

В половине уездов отмечались случаи оскорбления полицейских при выполнении ими обязанностей. Так, крестьяне Кожевической волости деревни Шатилов Д. Николаев и Н. Андреева были обвинены в нанесении оскорблений уряднику Соколову.⁵⁶² При этом следует сказать, что из 14 случаев оскорбления полицейских, известных нам, только в одном случае речь шла о приставе в остальных – о низовом полицейском аппарате: урядниках, стражниках, сотских. Как говорилось в первой главе настоящего исследования, полицейский аппарат Смоленской губернии формировался из крестьян и разночинцев, поэтому, видимо, надо говорить не о классовой ненависти к полиции, а о зреющем недовольстве социально-экономической ситуацией в губернии.

⁵⁵⁷ ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. 1916. Д. 959. Л. 63.

⁵⁵⁸ Там же. Л. 8.

⁵⁵⁹ Там же.

⁵⁶⁰ Там же. Л. 34, 56.

⁵⁶¹ Там же. Л. 17, 52.

⁵⁶² Там же. Л. 55.

Чрезвычайно важно, что в Поречском и Краснинском уездах, которые находились на военном положении, не было нарушений постановлений, обязывающих жителей делать поставки на армию. В Поречском уезде был единственный случай недоставки подвод для подвозки камней.⁵⁶³ В этих уездах также не было выявлено случаев укрывательства дезертиров. Однако в том же Поречском уезде десятник деревни Шекуново М. Яковлев был наказан за неоказание содействия «уряднику Касплянской волости Кобранову в розыске нижних чинов».⁵⁶⁴

В условиях войны населению все больше и чаще не хватало продовольствия и одежды, поэтому появились такие виды правонарушений как продажа продуктов по завышенным ценам и скупка воинского обмундирования. Одним из первых обязательных постановлений Д.Д. Кобеко было постановление запрещавшее «искусственное и недобросовестное поднятие цен на все предметы потребления местного населения».⁵⁶⁵

Начиная с 1915 г., администрация Смоленской губернии вынуждена была вместе с городским и земским самоуправлением заниматься продовольственным вопросом, о котором говорилось выше. Несмотря на все усилия администрации и самоуправления, продовольственная проблема приобретала все более острый характер. Современник тех событий смоленский историк В.И. Грачев писал о ситуации в Смоленске в 1917 г.: «В городе нет сахара; в булочных белый хлеб берут нарасхват; к девяти часам булочные уже закрыты; цены растут не по дням, а по часам; тысячная толпа с раннего утра осаждает магазины, <...> давка невозможная, улицы запружены народом».⁵⁶⁶ Нарастали кризисные явления на транспорте. Губернатор стремился контролировать движение продовольственных грузов, которые поступали в Смоленскую губернию, зависимую от привозного хлеба. 23 февраля 1917 г. Шумовский докладывал главному начальнику Минского военного округа, что «несмотря на неоднократные напоминания до сих пор

⁵⁶³ Там же. Л. 109.

⁵⁶⁴ ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. 1916. Д. 959. Л. 113.

⁵⁶⁵ ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. 1914. Д. 694. Л. 3.

⁵⁶⁶ Цит. по: Будаев Д.И. «Дневник» В.И. Грачева // Край Смоленский. 2002. № 10. С. 85.

начальники станций доставляют сведения о движении грузов крайне неаккуратно».⁵⁶⁷ Поэтому постановления губернатора о сдерживании цен на предметы продовольствия и торговли съестными припасами на железных дорогах вступали в противоречие с нараставшим хлебным кризисом.

7 августа 1914 г. губернаторы получили распоряжение МВД о необходимости введения запрещения азартных игр. 14 августа 1914 г. Д.Д. Кобеко сделал распоряжение смоленскому полицмейстеру с исправником о закрытии «клубов и общественных собраний», в которых будут замечены азартные игры.⁵⁶⁸ Аналогичные постановления о запрете азартных игр принимались особыми комитетами железных дорог. Они расклеивались на железнодорожных станциях и в поездах.⁵⁶⁹

Особые порядки вводились для квартирохозяев и владельцев домов. Последние должны были в срок не позднее 12 часов сообщить управляющему о лицах, которые прибыли в квартиру или дом для временного пребывания свыше 12 часов. Управляющие должны были предоставлять данные сведения в полицию два раза в сутки: в 9 часов утра и 9 часов вечера. Вместе с этим домовладельцы и содержатели гостиниц должны были незамедлительно предоставлять в полицию сведения о всех чрезвычайных происшествиях и несанкционированных народных собраниях.⁵⁷⁰ Среди нарушителей постановлений был один случай наказания за игру в карты или два – три случая «непредставления сведений». К середине 1915 г. в Смоленске наблюдалось скопление беженцев. Губернатор Б.А. Булгаков в срочной телеграмме на имя министра внутренних дел, просил изменить направление эвакуации: «Смоленск перегружен эвакуированными чинами администрации и беженцами. Дальнейшее заполнение города невозможно».⁵⁷¹ Вместе с беженцами в тыл направлялись дезертиры, бежавшие с фронта.

⁵⁶⁷ ГАСО. Ф. 7. Оп. 4. 1917. Д. 1758. Л. 36.

⁵⁶⁸ ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. 1914. Д. 741. Л. 33–34.

⁵⁶⁹ ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. 1915. Д. 755. Л. 304.

⁵⁷⁰ Смоленские губернские ведомости. 1914. № 32. С. 5.

⁵⁷¹ Щеров. И.П. Миграционная политика в России (1914–1922 гг.). Смоленск, 2000. С. 27.

Дезертиры нередко «оседали» на территории Смоленской губернии и чинили разбои и грабежи. Многие из них проникли в губернию вместе с беженцами.

В связи с этим штаб Минского военного округа издал обязательное постановление, относившееся к Смоленской губернии о том, что домовладельцам, квартирохозяевам, содержателям гостиниц, меблированных комнат, а также постоянных дворов воспрещается держать у себя самовольно отлучившихся низших воинских чинов. О пребывании таких лиц, хозяева должны были немедленно заявить полиции. Лица, виновные в нарушении данного обязательного постановления подвергались серьезному наказанию.⁵⁷²

Ограничения касались и массовых мероприятий. В обязательном постановлении губернатора был указан запрет для любых собраний, шествий и манифестаций, которые могли угрожать общественному спокойствию и порядку. Вместе с этим вводилось ограничение на торговлю журналами, газетами и брошюрами без разрешения на то органов полиции.⁵⁷³

В довоенное время губернаторы обращали большое внимание на санитарное состояние и состояние дорог, вверенной им губернии. Известно, что они издавали обязательные постановления в случае возникновения массовых заболеваний и вводили обязательные санитарные нормы. Во время войны для решения этих вопросов не хватало ресурсов. Губернаторы ограничивались замечаниями приставам и председателям земских управ, ответственным за санитарное и эпидемиологическое состояние населения.

23 мая 1915 г. Б.А. Булгаков посетил Вязьму и обратил внимание исправника Благоданова на тот факт, что «город представлен сам себе и лишен заботливого надзора со стороны высшего представительства полицейской власти». По мнению губернатора, улицы Вязьмы «находятся подчас в плохом проезжем состоянии, площади загрязнены, свалочные места помещаются в центре города». Губернатор обязал вяземского исправника обратить внимание на состояние города, посоветовал иметь «полную осведомленность о повседневной

⁵⁷² ГАСО. Ф. 1 Оп. 8. 1915. Д. 789. Л. 4.

⁵⁷³ Смоленские губернские ведомости. 1914. № 32.

жизни уезда» и пригрозил наказанием в случае плохого исполнения своих обязанностей.⁵⁷⁴ Но Вязьма была не единственным городом, где наблюдалось плохое санитарное состояние. Во время войны не было возможности поддерживать в надлежащем порядке грунтовые дороги. В начале 1915 г. автомобиль губернатора, который возвращался из Поречья, постоянно толкали, поскольку он утопал в дорожной грязи.⁵⁷⁵

Вместе с тем, трудности связанные с войной не казались непреодолимыми. Работали все отрасли хозяйства, кооперативы, самоуправление, общественные организации. В некоторых местах земство открывало школы.⁵⁷⁶ В сельском хозяйстве, испытывавшем трудности с нехваткой мужской рабочей силой, продолжалась аграрная реформа.⁵⁷⁷ Действовали агрономические и землеустроительные комиссии, землеустроительные работы шли даже на территориях, где действовало военное положение. В 1915 г. было образовано более 6 тыс. дворов единоличных хозяйств, из них Поречском уезде закрепили землю в частную собственность 733 двора; в Краснинском – 651 и в Смоленском уезде – 357 дворов стали собственниками.⁵⁷⁸

Характеризуя состояние правопорядка (общественного порядка) необходимо учитывать все правонарушения: уголовные и административные преступления и поступки. Полиция и жандармерия, обеспечивая правопорядок, как говорилось неоднократно, занималось пресечением противоправных действий и их расследований на стадии дознания, задержанием правонарушителей, подавлением открытых выступлений, исполнением обязательных постановлений губернатора.

Общественный порядок (выполнение законов и распоряжений власти) зависит от деятельности правоохранительных органов и ряда других факторов, среди которых следует назвать благосостояние населения. Современный

⁵⁷⁴ ГАСО. Ф. 1. Оп. 7. 1915. Д. 763. Л. 6–6 об.

⁵⁷⁵ ГАСО. Ф. 1. Оп. 7. 1915. Д. 747. Л. 7.

⁵⁷⁶ Смоленский вестник. 1915. № 342.

⁵⁷⁷ Самолубова С.С. Столыпинская аграрная реформа в Смоленской губернии и крестьянское движение в период ее осуществления (1907–1915 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 1958.

⁵⁷⁸ ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. 1916. Д. 920. Л.10.

исследователь Б.Н. Миронов считает, что благосостояние населения в изучаемый период по сравнению с довоенным периодом не ухудшилось. Это произошло благодаря запрещению продажи водки и вина, выдачи пособий семьям ушедших на фронт, организации работ на армию и даже поставкам в армию упряжи и лошадей. Свои выводы автор подкрепляет мнением выдающихся экономистов, живших и работавших во время Первой мировой войны и революции: В.Н. Твердохлебова, Н.Д. Кондратьева, С.Н. Прокоповича.⁵⁷⁹

С другой стороны, во время войны создалась благоприятная почва для совершения преступлений. «Питательной средой» для преступников служила тревожная атмосфера, массовое передвижение «вынужденных мигрантов», постоянно ухудшавшееся материальное положение людей, отвлечение полиции и жандармерии от задач охраны общественного и государственного порядка на решение задач, диктуемых военным временем.

Современные исследования показывают, что во второй половине XIX – начале XX в. уровень преступности постоянно увеличивался.⁵⁸⁰ Накануне войны преступность «достигла своего максимума».⁵⁸¹ Увеличение преступности в эпоху модернизации происходило и в Смоленской губернии.⁵⁸² Эта позиция подтверждается источниками, например, Сводами статистических сведений по делам уголовным, производящихся в судебных учреждениях, действовавших на основании Судебных уставов 20 ноября 1864 г.⁵⁸³ Начиная с 1914 г. прекратилось печатание Сводов статистических сведений по уголовным делам и другой судебной статистики.

⁵⁷⁹ Миронов Б.Н. Погрязшая в смуту и укравшая победу революции // Вестник Санкт – Петербургского университета. История. 2017. Т. 26. Вып. 4. С. 694–696. (С. 693–716). <https://docviewer.yandex.ru/> Дата обращения: 12. 02. 2018; Карпачев М.Д. Движение за народную трезвость в Воронежской губернии в начале XX в. // Вопросы истории. 2010. № 9. С. 85–96.

⁵⁸⁰ Миронов Б.Н. Социальная история России. Т. 2. СПб., 2003. С. 83, 85.

⁵⁸¹ Миронов Б.Н. Погрязшая в смуту и укравшая победу революции // Вестник Санкт – Петербургского университета. История. 2017. Т. 26. Вып. 4. С. 705.: <https://docviewer.yandex.ru/> Дата обращения: 12. 02. 2018.

⁵⁸² Федотов Д.О. Судебная реформа 1864 г. в Смоленской губернии: реализация и результаты: дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2017. С. 211, 218 и др.

⁵⁸³ Свод статистических сведений по делам уголовным, производящимся в 1889 году в судебных учреждениях, действовавших на основании Судебных уставов 20 ноября 1864 г. СПб., 1890.

Изучая преступность периода Первой мировой войны, современный исследователь Б.Н. Миронов пришел к парадоксальному на первый взгляд выводу о том, что «сравнительно с 1913 г. уровень преступности в 1914 г. был ниже на 16%, в 1915 г. – на 34% и в 1916 г. – на 29%».⁵⁸⁴ По данным Центрального статистического комитета, опубликованным уже в первые годы советской власти, в Смоленской губернии во время Первой мировой войны также наблюдалось падение преступности. Так, число осужденных Смоленским окружным судом в 1913 г. составило 733, в 1915 г. – 559, в 1916 г. – 502 человека. Сократилось и число осужденных уездными членами окружных судов и городскими судьями.⁵⁸⁵

Перед нами не стоит задача изучения причин и уровня преступности, мы только фиксируем общую тенденцию сокращения преступности для того, чтобы иметь общую картину состояния правопорядка. Однако из тенденции сокращения уголовной преступности не следует, что объем деятельности полиции и жандармерии сократился.

У нас есть данные отчета смоленского губернатора за 1913 г., отраженные в «Обзоре Смоленской губернии за 1913 г.», и сведения, поступавшие в МВД в 1915 г.

Они дают возможность выявить соотношение несчастных случаев и правонарушений, исключая нарушение обязательных постановлений, оценить структуру правонарушений и сделать вывод о деятельности полиции и жандармерии Смоленской губернии в условиях военного времени.

По нашим подсчетам, сделанным по донесениям смоленского губернатора, поступивших в МВД в январе – ноябре 1915 г. в Смоленской губернии произошло 911 правонарушений и несчастных случаев, подведомственных полиции: 23 убийства, 53 самоубийства, 183 смерти от несчастных случаев, 4 ограбления и 17 краж, 555 пожаров от несчастных случаев и 76 поджогов.⁵⁸⁶ Другими словами,

⁵⁸⁴ Миронов Б.Н. Погрязшая в смуту и укравшая победу революции // Вестник Санкт – Петербургского университета. История. 2017. Т. 26. Вып. 4. С. 705.: <https://docviewer.yandex.ru/>
Дата обращения: 12. 02. 2018.

⁵⁸⁵ Сборник статистических сведений по Союзу С.С.Р. 1918–1923. М., 1924. С. 66, 68.

⁵⁸⁶ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 124. Д. 66. Ч. 10.

ежемесячно в губернии происходило по 82–83 правонарушения и несчастных случая, а каждом из 12 уездов в среднем по 6–7 правонарушений и несчастных случаев, которыми на стадии дознания занимались полиция. На каждое полицейское управление из тринадцати полицейских управлений в месяц приходилось приблизительно по шесть - семь дознаний.

С точки зрения анализа правопорядка, следует сказать, что правонарушений было значительно меньше, чем несчастных случаев. Если суммировать смерти и пожары от несчастных случаев, то окажется, что они составляли 738 дел или 81 % всех происшествий. На долю умышленных правонарушений приходилось всего 173 случая: по 14 случаев за 11 месяцев на уезд. Ежемесячно в каждом уезде совершалось по 1–2 умышленному преступлению. Следовательно, можно утверждать, что уровень уголовной преступности был невысок.

С другой стороны, деятельность полиции была значительно шире, чем дознание по преступлениям, потому что она занималась всеми несчастными случаями до установления факта правонарушения, и только после этого передавала дело жандармерии или представителям общей судебной власти.

Сведения смоленского губернатора подтверждают общую тенденцию падения преступности по сравнению с довоенным временем. Например, в 1913 г. было 103 убийства,⁵⁸⁷ за 11 месяцев 1915 г. – 23 убийства. Уменьшилось и число несчастных случаев. Так, в 1913 г. произошло 100 самоубийств и 1525 пожаров,⁵⁸⁸ за 11 месяцев 1915 г. – 53 самоубийства и 641 пожар (555 пожаров от несчастных случаев и 76 от поджогов).

Самыми опасными, с точки зрения угрозы общественной безопасности, были пожары и вооруженные преступления, которые совершались группой лиц с применением оружия. Пожары уничтожали имущество состоятельных и бедных людей, дворян и крестьян. Пожары являлись не только актом истребления имущества, но событием, имевшим для погорельцев жизненно важное значение, особенно в условиях военного времени. В январе 1915 г. был совершен поджог в

⁵⁸⁷ Обзор Смоленской губернии за 1913 г. Смоленск, 1915; прил. VI.

⁵⁸⁸ Там же. С. 33; прил. V, VI.

имении Кулагино Воротышинской волости Духовщинского уезда. Пожар уничтожил дом с находящимся в нем имуществом, принадлежащим землевладельцу П.Ф. Забелло.⁵⁸⁹ Тогда же в январе 1915 г. в деревне Расчистки Новоруднянской волости Рославльского уезда сгорело две избы крестьян на сумму 250 рублей.⁵⁹⁰

По донесениям в МВД, с 15 ноября по 3 декабря 1915 г. в губернии произошло два ограбления и одна попытка дерзкого ограбления. Два из них случились в Рославльском уезде, одно – в Духовщинском уезде. Преступники грабили крестьянские кассы и состоятельных крестьян. На расследование попытки ограбления кассы Трехбратского ссудно-сберегательного товарищества Рославльского уезда, которое продолжало успешно работать во время войны и на момент попытки ограбления «производило операции до 8 часов вечера», были брошены лучшие силы смоленского сыска в лице начальника Смоленского сыска отделения Моисеева и заместителя начальника Смоленского жандармского управления ротмистра Доброхотова.⁵⁹¹

Полиция боролась с уголовной преступностью совместно с жандармерией. Об этом свидетельствует дело крестьянина Бельского уезда Поникольской волости Григория Васильева, который в ночь на 2 ноября 1915 г. совершил в Вязьме кражу со взломом. 13 ноября его задержал в чайной Смирнова близ ст. Вязьма унтер-офицер Вяземского отделения Петроградского жандармского управления железных дорог Карпенко, который передал задержанного двум носильщикам в «дежурную жандармскую комнату» на вокзале, но вооруженный преступник ранил одного носильщика и скрылся.⁵⁹² Взаимодействие полиции и жандармерии позволило выявить преступную группу, которая должна была прибыть в Смоленск в 1916 г. В этой группе имелся главарь–мещанин Канска - Томской губернии Степан Иванович Тростянкин и крестьянин Конского уезда Радомской губернии некто Л. Гаврилов-Румянцев. Данная преступная группа

⁵⁸⁹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 124. Д. 66. Ч. 10. Л. 2 об.

⁵⁹⁰ Там же.

⁵⁹¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 124. Д. 66. ч. 6. Л. 1, 2, 4, 5 об.–6.

⁵⁹² ГА РФ. Ф. 110. Оп. 1. 1915. Д. 355. Л. 1–1 об.

промышляла мошенничеством в большом количестве городов центральной России.⁵⁹³

Таким образом, нельзя утверждать, что объем работы смоленской полиции и жандармерии, несмотря на падение уголовной преступности, уменьшился. С другой стороны, полиция и жандармерия держали ситуацию под контролем и состояние правопорядка в этой области не вызывало беспокойства губернаторов.

Особое внимание полиция и жандармерия уделяли антивоенным и антиправительственным выступлениям. В довоенное время жандармерии, которая занималась политическими преступлениями, оказывала содействие общая полиция, хотя порой между двумя правоохрнительными структурами возникали противоречия. В таких случаях в дело вмешивался губернатор, который был заинтересован и отвечал за совместные слаженные действия жандармерии и полиции. Так, накануне войны, 11 декабря 1913 г. начальник Смоленского жандармского управления Астафьев сообщал смоленскому губернатору, что «уездные исправники не сообщают ему о неблагонадежных новобранцах». В ответ на это вице-губернатор В.Ю. Фере, который в тот момент исполнял обязанности губернатора 23 января 1914 г. обязал уездных исправников «немедленно» сообщать о неблагонадежных новобранцах в Смоленское жандармское управление.⁵⁹⁴

В военное время к борьбе против антиправительственных проявлений присоединились и военные власти. Более всего центральная и местная власть опасалась открытых антиправительственных выступлений, руководимых политическими партиями, и одной из главных задач властей было недопущение открытых антиправительственных и антивоенных выступлений. Центральная власть, пытаясь контролировать ситуацию на местах, добивалась от губернаторов постоянного информирования центра о настроениях населения и проявлениях недовольства. Смоленский губернатор дважды в месяц (1 и 15 числа) докладывал в Департамент полиции МВД о положении дел в губернии. 22 ноября 1915 г. и

⁵⁹³ ГАСО. Ф. 1 Оп. 8. 1915. Д. 740. Л. 115.

⁵⁹⁴ ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. 1914. Д. 741. Л. 2, 3.

начальник Минского военного округа обязал смоленского губернатора к 1 и 15 числу каждого месяца подавать сведения о «настроении населения и отношения его к текущим событиям».⁵⁹⁵

Во время войны на территории Смоленской губернии, объявленной на военном положении и на положении чрезвычайной охраны, запрещались демонстрации. Особую обеспокоенность проблема возможных открытых выступлений стала вызывать после отступления 1915 г. Весной и летом 1915 г. смоленский губернатор не раз получал распоряжения из центра по поводу предупреждения открытых выступлений. Министр внутренних дел Н.А. Маклаков был обеспокоен увеличением стачек, «вследствие вздорожания продуктов питания». В качестве средств предупреждения предполагалось использовать патриотические настроения, которые, по мнению властей, могли способствовать урегулированию классовых противоречий и одновременно допускалась возможность открытого применения военной силы для разгона демонстрантов.⁵⁹⁶

С точки зрения правительства основной угрозой общественному порядку основной причиной возможных открытых выступлений могла стать продовольственная проблема. В приказе по Корпусу жандармов от 8 ноября 1915 г. министр внутренних дел, мотивируя необходимость ужесточения действий правоохранительных органов, писал: «Наблюдаемое ныне непомерное вздорожание и недостаток предметов первой необходимости является одним из наиболее острых и насущных вопросов настоящего времени. Постепенно разрастаясь, это явление приобретает характер массового бедствия и не только служит источником ослабления экономических сил страны, но и производит внутреннюю политическую смуту, давая благоприятную почву для злонамеренной агитации среди неимущего класса населения».⁵⁹⁷

⁵⁹⁵ ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. 1916. Д. 887. Л.1–1 об.

⁵⁹⁶ ГАСО. Ф. 1. Оп. 7. 1915. Д. 763. Л. 13 об.

⁵⁹⁷ Россия. Отдельный корпус жандармов. Приказы по корпусу жандармов за 1915 год. Пг. 1915. № 3.

8 мая 1915 г. на имя губернатора пришло распоряжение министра внутренних дел, в котором оно предлагал «побуждать владельцев фабрик и заводов к немедленному улаживанию недоразумений».⁵⁹⁸ 2 июня 1915 г. губернатор Булгаков получил из Петрограда «разрешение на употребление оружия в борьбе против шествий и манифестаций». В тот же день Б.А. Булгаков издал обязательное постановление, в котором сообщил о возможном применении оружия к манифестантам и напомнил, что во время войны «не допускаются никакие манифестации, даже патриотические».⁵⁹⁹

Вместе с запретом массовых мероприятий, особое внимание было уделено режиму работы на предприятиях. Владельцы заводов и фабрик должны были иметь поименный список всех рабочих и служащих с указанием фамилий и имен, а также места жительства и предъявлять его полиции по первому требованию. Также устанавливался запрет на посещение фабрик и заводов различными обществами, партиями и союзами. Любые вышеуказанные действия должны были немедленно сообщены руководством предприятия полиции. Запретов коснулись не только действия рабочих, но и публикация любых статей и заметок, которые могли привести к стачкам и забастовкам.⁶⁰⁰

Первое открытое проявление недовольства в Смоленской губернии было связано с наличием сухого закона и произошло в 1915 г. в Волково-Егорьевской волости Ельнинского уезда на винокуренном заводе купца В. М. Левыкина. Рабочие бросили работу и просили спирта «для распития», но когда помощник акцизного надзирателя Н.А. Федоренко скал им, что «отпуск спирта запрещен самим царем», рабочие приступили к работе. После этого инцидента губернатор Булгаков отдал распоряжение всем исправникам, кроме ельнинского и смоленского, где винокуренные заводы охранялись, о принятии мер к охране винокуренных заводов.⁶⁰¹

⁵⁹⁸ ГАСО. Ф. 1. Оп. 7. 1915. Д. 763. Л. 13–13 об.

⁵⁹⁹ Там же. Л. 8, 11.

⁶⁰⁰ Смоленские губернские ведомости. 1914. № 32.

⁶⁰¹ ГАСО. Ф. 1. Оп. 7. 1915. Д. 763. Л. 15–16.

В советской историографии вопросами революционной борьбы на Смоленщине второй половины XIX – начала XX в. занимался Д.И. Будаев. Он считал, что причиной недовольства рабочих являлись экономические факторы, ухудшение положения населения. По данным Д.И. Будаева, в 1915 г. в губернском центре поднялись цены на некоторые продукты и товары осенью 1915 г. До февраля 1917 г. на территории губернии было всего два заметных выступления рабочих: стачки на фабрике Гергарди и на Ярцевской мануфактуре. Обе забастовки произошли летом 1916 г.⁶⁰²

Забастовка на фабрике Гергарди закончилась мирно, в результате переговоров с хозяином, забастовка ярцевских ткачей была подавлена силами местной полиции. Положение на самой крупной фабрике губернии находилось под надзором жандармской агентуры с начала войны. В июле 1914 г. в Смоленскую губернию стали прибывать рабочие, выходцы из губернии, уволенные за забастовки в Москве и Санкт-Петербурге. Больше всего таких рабочих появилось на Ярцевской фабрике. По сообщениям местной полиции, они «бродят по фабрике и Ярцево без определенных занятий и оказывают вредное влияние на местных рабочих и жителей». У жандармов не было сомнений в том, что вместе с рабочими на фабрику прибыли революционные элементы, которые должны были готовить почву для последующих забастовок.⁶⁰³ Тем не менее, полиции и жандармерии не удалось предотвратить забастовку на Ярцевской фабрике в ноябре 1916 г.

Ярцевский исправник Рабчинский осуществлял допросы работниц (основную массу бастовавших составляли женщины) и отдал приказ стражникам и военной охране предприятия «разогнать толпу женщин». Меры, предпринимаемые полицией, «вызвали возмущение не только рабочих, но также солдат, находившихся на излечении в ярцевском госпитале» и видевших картину избиения». ⁶⁰⁴

⁶⁰² См.: например, Будаев Д.И. Рожденный в борьбе союз: Очерки истории рабочего и крестьянского движения в Смоленской губернии в 1861 –1917 г. Смоленск, 1984. С. 133.

⁶⁰³ ГАСО. Ф.1. Оп. 8. 1915. Д. 740. Л. 19.

⁶⁰⁴ Будаев Д.И. Смоленская губерния в 1861–1917 годах. Смоленск, 1990. С. 76, 77.

Это были не единственные открытие проявления недовольства в Смоленской губернии. К нему следует отнести и забастовку при строительстве барачных для военных в Ельне, и выступление на винокуренном заводе купца В. М. Левыкина, о которых говорилось выше. Видимо, были и другие акции проявления недовольства и неповиновения. Вместе с тем, очевидно, что в изучаемый период в Смоленской губернии не было массовых или сколько-нибудь значительных открытых выступлений антивоенного и антиправительственного характера. В случае проявления локальных очагов недовольства местная власть незамедлительно подавляла их и в целом контролировала ситуацию. При этом чрезвычайно важно подчеркнуть, что деревня сохраняла полное спокойствие, и среди крестьян не наблюдалось проявления какого-либо недовольства.

Полиция и жандармерия вела постоянную слежку за членами политических партий. Из имеющейся в нашем распоряжении делопроизводственной документации видно, что наибольшие опасения вызывала деятельность смоленских социал-демократов. Смоленская жандармерия вела постоянное и негласное наблюдение над социал-демократами, занималась перлюстрацией их корреспонденции. Особое беспокойство местных властей вызывали большевики, которые разделяли ленинские лозунги поражения России в войне и превращения империалистической войны в гражданскую.

Социал-демократы действовали легальным путем, пытаясь использовать разрешенные после революции 1905–1907 гг., профсоюзы и больничные кассы. В конце декабря 1914 г. жандармерия зафиксировала возрастание активности социал-демократов. 31 декабря 1914 г. полковник Астафьев докладывал Б.А. Булгакову, что в Смоленске с осени 1913 г. начала активизироваться, «затихшая до того времени», деятельность лиц, сочувствующих социал-демократической партии. В своей борьбе сторонники социал-демократии пытались использовать профсоюзы.⁶⁰⁵

Особенно популярны идеи социал-демократов были среди рабочих типографии Подземского и портных Смоленска. Еще в 1913 г. рабочие

⁶⁰⁵ ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. 1915. Д. 738. Л. 4.

типографии Подземского П. Колодкин, В.И. Смирнов, И.Н. Фелонов пытались зарегистрировать в Смоленском губернском присутствии об обществах и союзах профсоюз «общества печатного дела». Инициаторами создания союза портных выступили выходец из дворянского сословия И. Пляшкевич, которому помогал известный эсер, казначей смоленской организации эсеров, сотрудник «Смоленского вестника» В.А. Карелин. Попытки создания профсоюзов печатников и портных закончились неудачно – Смоленское губернское присутствие об обществах и союзах в обоих случаях ответило отказом.⁶⁰⁶

В мае 1914 г. рабочим печатникам типографии Подземского при участии наборщика «Смоленского вестника» Дмитриева удалось добиться открытия больничной кассы для рабочих. При этом жандармерия была хорошо осведомлена о собрании «в зале городской думы», на котором проходили выборы уполномоченных и «по агентурным сведениям...подтвержденным наружным наблюдением установила», что П. Колодкин, П. Матвеев, Г. Муравьев принадлежали к социал-демократической партии. Кроме того, жандармерия установила, что из Петрограда «по протекции видного деятеля социал-демократии В.И. Цедербаума» в Смоленск прибыла в качестве секретаря кассы дочь надворного советника, член этой партии А.А. Николаева.

А.А. Николаева вступила в контакт с наборщиком И.И. Дмитриевым с целью создания в Смоленске социал-демократической группы. За Николаевой и Дмитриевым было установлено наружное наблюдение. Развить свою деятельность социал-демократы не смогли: 2 июля 1914 г. у социал-демократов и эсеров Смоленска были произведены обыски. Губернское жандармское управление провело дознание в отношении Николаевой и Дмитриева «по попытке организации социал-демократической группы в Смоленске». В январе 1915 г. группа из 9 человек была выслана из Смоленска и лишь предназначенные к высылке Карелин и Николаева «скрылись неизвестно куда».⁶⁰⁷

⁶⁰⁶ ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. 1915. Д. 738. Л. 4, 4 об., 5; Кипров И.А. Создание и деятельность смоленской организации партии социалистов-революционеров (1901–1907 гг.). Смоленск, 2010. С. 418.

⁶⁰⁷ ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. 1915. Д. 738. Л. 5, 9, 10 об. 17, 35, 35 об.

По агентурным сведениям, поступавшим в жандармерию, в 1914 г. в Смоленске действовала еще одна социал-демократическая группа, в которую входили рабочие, ремесленники и интеллигенция. По тем же сведениям, этот кружок, не проявляя никакой практической деятельности, в начале войны занимался теоретическим обсуждением современных партийных вопросов в связи с войной и отношением к войне различных партий и классов. При этом он вел активную переписку с Петроградом и Москвой.⁶⁰⁸ С середины 1915 г. агентурные сведения стали указывать, что деятели этого кружка стремились перейти от чисто теоретических обсуждений партийных вопросов к практическому осуществлению задач партии в связи со сложившимся положением вещей и в виду «отсутствовавших» до этого времени в городе Смоленске каких-либо организаций. Члены кружка планировали заняться пропагандой и организацией социал-демократических кружков из рабочих и ремесленников, коснувшись по возможности и расположенных в городе Смоленске частей войск, управлений и тыловых учреждений и лазаретов. Для такой деятельности наиболее удобным были признаны существовавшее в Смоленске отделение Общества народных университетов с его библиотекой, посещаемой рабочими и ремесленниками, и помещение больничной кассы рабочих. Наиболее активные лица кружка вошли в состав выборных членов правления Общества народных университетов и распорядителей библиотеки, а также в число членов больничной кассы, заняв места секретаря и уполномоченных.⁶⁰⁹

Начальник Смоленского губернского жандармского управления отдал немедленное распоряжение об учреждении наружного наблюдения за членами социал-демократического кружка. Наблюдение, осуществленное агентурной сетью смоленской жандармерии, установило, что наиболее деятельными лицами кружка являлись служащий губернской земской управы Д.П. Герн, сотрудник местной газеты А.И. Новиков, мещанин С.Ш. Шевелев и студент частного Петроградского коммерческого института С.Л. Самовер. Шевелев связывал Герна

⁶⁰⁸ ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. 1915. Д. 833. Л. 11.

⁶⁰⁹ Там же. Л. 12.

и Новикова с рабочими и ремесленниками города, а Самовер, исполняющий обязанности секретаря больничной кассы, «деятельно работал, как организатор».⁶¹⁰

В 1915 г. из-за неудачных действий на фронте, существовала угроза закрытия смоленского отделения Общества народных университетов, что побудило его правление отказаться от революционной работы в стенах народного университета, или хотя бы сократить ее. Больничная же касса была признана удобным центром всей работы.

В ноябре 1915 г. социал-демократическая группа перестала использовать для своих собраний больничную кассу, перенеся их на конспиративную квартиру.⁶¹¹ Таким образом, благодаря эффективной деятельности агентурной сети, смоленская жандармерия была хорошо осведомлена о деятельности социал-демократического кружка и держала ее под контролем. Однако донесения агентов показывали, что они не могли четко классифицировать принадлежность группы к большевикам или меньшевикам, не осознавали сущности разногласий в этой группе социал-демократов.

В ноябре 1915 г., стараясь проникнуть в больницы для ведения антивоенной пропаганды, социал-демократическая группа начала проявлять заметную интенсивность. Но одновременно с этим поступили сведения, что Шевелев вследствие возникших среди деятелей группы «каких-то недоразумений», решил передать свою работу в Смоленске секретарю больничной кассы Самоверу и уехать в Самару, где рассчитывал найти наиболее подходящую ему партийную работу. По дороге Шевелев должен был заехать в Вязьму и повидаться там с единомышленниками. 6 декабря 1915 г. наружное наблюдение установило приезд Шевелева на вокзал Смоленска и покупку им билета до города Самары. При получении этих сведений было сделано распоряжение о сопровождении его до Вязьмы и выяснения всех пунктов его посещения и затем об аресте его на вокзале

⁶¹⁰ ГАСО. Ф.1. Оп. 8. 1915. Д. 833. Л. 12.

⁶¹¹ Там же.

в момент отъезда в Самару.⁶¹² В Вязьме Шевелев в ожидании пересадки был задержан на вокзале железнодорожной полицией в то время, когда читал газеты солдатам на вокзале и после личного обыска был препровожден в Смоленск в сопровождении нижних чинов жандармского управления. При получении телеграммы об его аресте в Смоленске была произведена ликвидация всех его связей, что повлекло за собою обыски в тридцати квартирах и арест шести лиц из числа его товарищей. Среди арестованных был и Д.П. Герн. Переписка, обнаруженная у С.Л. Шевелева и Д.П. Герна, показала, что группа имела серьезные планы по развертыванию антивоенной пропаганды среди раненых солдат, размещенных в Вязьме и Смоленске, однако оперативные мероприятия, проведенные смоленской жандармерией, пресекли эти планы.⁶¹³

Таким образом, полиции и жандармерии удалось предотвратить попытку создания социал-демократической группы в Смоленске. Скорее всего, сторонники партии большевиков действовали в Смоленской губернии разрозненно.

Лишь накануне февральских событий группа большевиков появилась в расквартированных в Смоленске воинских частях (В.А. Смольянинов, Н.Н. Кирсанов, Н.Ф. Пиндак).⁶¹⁴

Жандармерия вела розыск членов социалистических политических партий и, в случае обнаружения, устанавливала над ними негласное наблюдение. Предписания на этот счет постоянно поступали в уезды от начальника губернского жандармского управления. 13 марта 1915 г. полковник Астафьев инструктировал своих подчиненных в уездах о возможном появлении на их территориях «известных своей активной деятельностью» социалистов В.В. Руднева и В.И. Рудневой.⁶¹⁵

В декабре 1914 г. рославльская полиция предотвратила акт «революционной экспроприации» со стороны анархистов. Группа смоленских анархистов потребовала от торгующей в селе Рогнедино Рославльского уезда О.Я.

⁶¹² ГАСО. Ф.1. Оп. 8. 1915. Д. 833. Л. 13.

⁶¹³ Там же.

⁶¹⁴ Будаев Д.И. Смоленская губерния в 1861–1917 годах. Смоленск, 1990. С. 76.

⁶¹⁵ ГАСО. Ф. 1411. Оп. 1. 1914. Д. 158. Л. 235.

Кондратьевой тысячу рублей, угрожая убийством самой Кондратьевой и ее сыну. Местный полицейский урядник задержал анархиста Иванова, направленного в Рогнедино для выполнения акции, но после допроса, не имея распоряжения о задержании, отпустил, что дало возможность Иванову скрыться «в неизвестном направлении».⁶¹⁶

Особому контролю подлежала печать. Цензуре подвергалась вся печатная продукция, особенно та, которая предназначалась для солдат. В качестве «тенденциозных» книг Смоленское губернское жандармское управление рассматривало книги Вольного экономического общества, которое зарекомендовало себя как один из центров либеральной оппозиции в России. В 1915 г. по распоряжению губернатора Булгакова в Смоленске были сняты «ящики для сбора пожертвований книгами и газетами в пользу лазаретов, которые развесил по городу ВЗС».⁶¹⁷ Гжатский исправник Неклюдов пошел еще дальше: он сначала изъясил все книги «недопустимые для чтения нижним чинам» из лазаретов, а 30 декабря 1914 г. распорядился «о полном изъятии литературы» из лазаретов Гжатска и Гжатского уезда.⁶¹⁸

В вопросах правоохранительной деятельности смоленский губернатор сотрудничал с губернаторами соседних губерний. Циркулярным предписанием от 28 декабря 1916 г. витебский губернатор уведомлял смоленского губернатора о том, что по имеющимся у него сведениям заметно участились случаи разбойных нападений и грабежей, а также активизировалась работа революционных организаций, в связи с чем стоит принять меры к усилению охраны почтовых учреждений.⁶¹⁹

В эти меры входила проверка исправности сигнализаций почтовых учреждений, а также установка сигнализации, в том числе и скрытой, в тех отделениях, где ее не было. От полиции требовалось осуществлять проверку оружия у лиц, охранявших данные учреждения. В правилах указывалось, что

⁶¹⁶ ГАСО. Ф. 1411. Оп. 1. 1914. Д. 157. Л. 3.

⁶¹⁷ ГАСО. Ф. 1. Оп. 7. 1915. Д. 740. Л. 68, 88.

⁶¹⁸ Там же. Л. 90, 112.

⁶¹⁹ ГАСО. Ф. 1 Оп. 8. 1915. Д. 895. Л. 4.

после закрытия почтовых отделений, чины полиции должны были проверить, закрыты ли окна и двери, а также черные ходы. В каждом почтовом отделении в ночное время должен был находиться вооруженный сторож, а территория перед учреждением должна была быть хорошо освещена. Вместе с этим, чины полиции должны были установить «благонадежность» почтальонов, сторожей, а также навести о них справки. Данные распоряжения незамедлительно были переданы губернатором смоленскому полицеймейстеру для их исполнения.⁶²⁰

В полиции велся учет нижних чинов из Смоленской губернии, которые попали в плен. В случае установления информации о том, что какое-то лицо добровольно, без оказания должного сопротивления, попало в плен, полицейские структуры должны были передать его военно-полевому суду после возвращения из плена. Так, сдавшийся в плен без оказания должного сопротивления рядовой 137 пехотного Нежинского полка Д.И. Завизин, происходящий из Рославльского уезда Астапковской волости, был заочно передан военно-полевому суду. Вместе с этим, со стороны губернатора от рославльского уездного исправника требовалось не только объявить о таковом позоре Завизина в деревне, из которой он происходит, но и прекратить выдачу его семье пособия.⁶²¹

24 декабря 1915 г. Министерство внутренних дел обязало губернаторов и жандармские отделения «проводить расследование по поводу «вздорных слухов».⁶²² Другим словами, полиция и жандармерия были нацелены на возможность обострения ситуации в губернии и получали все новые полномочия для борьбы со всеми проявлениями недовольства и нарушениями общественного порядка.

Характеризуя состояние общественного порядка в Смоленской губернии в изучаемый период, следует иметь в виду, как ответственные за этот порядок органы полиции и жандармерии оценивали его. Вызывала ли общественно-политическая ситуация в Смоленской губернии тревогу у губернатора и правоохранительных органов?

⁶²⁰ ГАСО. Ф. 1 Оп. 8. 1915. Д. 895. Л. 4–5.

⁶²¹ ГАСО. Ф. 1 Оп. 6. 1914. Д. 74. Л. 4.

⁶²² ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. 1916. Д. 887. л. 1–1 об.

Как говорилось выше, дважды в месяц губернатор докладывал о положении дел в губернии. В отличие от сведений о несчастных случаях, которые тоже подвались в МВД, эти отчеты содержали общую характеристику ситуации, как ее видел губернатор. Отчеты создавались на основе сведений, которые губернатор получал от уездных исправников. Анализ этих отчетов показывает, что некоторые факты и данные которые поступали к губернатору, расследовались на месте, а в центр направлялась характеристика общей ситуации.

Летом 1914 г. перед началом Первой мировой войны общественно-политическая ситуация не вызывала беспокойства властей. Из экстраординарных событий губернатор отмечал пожар в Белом и попытку учащейся молодежи организовать «забастовку в знак протеста против школьного режима».⁶²³

В 1915 г. губернатор отмечал «забвение политической розни на почве патриотического воодушевления и дружной работы по призрению недостаточных семейств призванных и по оказанию помощи больном и раненым воинам».⁶²⁴ Исправники свою очередь отмечали факты недовольства. По донесению ельнинского исправника, в ноябре 1915 г. более 700 строителей барачных для войск в Ельне «прекратили работу и разошлись по квартирам» в связи с задержкой заработной платы. Недовольство удалось быстро погасить «после некоторого внушения и разъяснений со стороны полиции».⁶²⁵ Некоторая «неуравновешенность» отмечалась ельнинским исправником «по причине закрытия и в ожидании нового открытия Государственной Думы». В Смоленске наблюдалась враждебность к подданным воюющих с Россией держав. В Сычевке беспокойство населения вызывала перепись скота, кормовых средств и фуража в уезде, которую население воспринимало как «преддверие наступления неприятеля в пределы губернии». «Вздорные волнующие слухи» наблюдались в Юхновском уезде.⁶²⁶ Однако эти изменения в настроениях населения расценивались властью как единичные случаи. 3 ноября 1915 г. смоленский

⁶²³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 124. 1915. Д. 66. Ч. 7. Л. 40.

⁶²⁴ Там же. Л. 14.

⁶²⁵ Там же. Ч. 2. Л. 1.

⁶²⁶ ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. 1916. Д. 887. Л. 3–15, 17, 19.

губернатор сообщал в МВД, что «настроение населения из рамок законодательства не выходило».⁶²⁷

Стандартом губернаторских сообщений в МВД в 1915 г. была фраза: «среди крестьян массовых проявлений беспорядков и случаев распространения ложных и необоснованных случаев не было. В остальных классах населения, различных организациях и обществах, никакой агитационной деятельности, недовольства существующим порядком вещей или действиями правительства не замечалось».⁶²⁸

В 1916 г. – 8 февраля 1917 г. смысл и фразеология донесений губернатора не изменились: «среди крестьян Смоленской губернии массовых проявлений беспорядков и выступлений, а равно и особо волновавших крестьянские массы распространения ложных и необоснованных случаев не было. Среди рабочего населения случаев забастовочного движения не было. Точно также и среди населения, а равно и различного рода организаций и обществ агитационной деятельности и недовольства существующим порядком вещей или действий власти и вообще выдающихся незаконных выступлений не замечалось».⁶²⁹

В сведениях за май-июль 1916 г. губернатор Шумовский добавлял, что в «некоторых местностях есть недовольство на подорожание предметов первой необходимости», а 12 июля 1916 г. сообщил о «мирной забастовке» на фабрике Хлудова в Ярцево.⁶³⁰

В целом общественно-политическую ситуацию в губернии вплоть до 1917 г. можно охарактеризовать словами гжатского исправника Неклюдова, который отметил, что «все внимание сосредоточено на текущих событиях, население всегда сочувственно относится к разного рода сборам на нужды войны, доставляет военную силу и подвод».⁶³¹

Итак, обязательные постановления губернатора являлись важнейшим средством обеспечения общественного порядка. Деление Смоленской губернии

⁶²⁷ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 124. 1915. Д. 66. ч. 7. Л. 18.

⁶²⁸ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 124. 1915. Д. 66. ч. 7. Л. 14;

⁶²⁹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 125. 1916. Д. 108. ч. 66. Л. 1–14.

⁶³⁰ Там же. Л. 6.

⁶³¹ ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. 1916. Д. 887. Л. 11.

на зоны с двумя правовыми режимами обусловило подчинение населения Смоленской губернии в вопросах общественного порядка обязательным постановлениям губернатора и начальника штаба Минского военного округа. В конце 1916 г. наблюдалось увеличение нарушений обязательных постановлений. Наиболее распространенными были нарушения норм сухого закона и норм, связанных с обязательными поставками в армию. Участвовавшие оскорбления чинов местной полиции при исполнении ими служебных обязанностей свидетельствовали об усилении недовольства властью. В годы Первой мировой войны наблюдалось снижение уголовной преступности на территории Смоленской губернии. Однако это не снижало объем правоохранительной деятельности местной полиции и жандармерии. Смоленская жандармерия успешно контролировала деятельность политических групп и не допустила создания сколько-нибудь сильной организованной политической силы на территории Смоленской губернии. Во время войны в Смоленской губернии не было открытых антиправительственных выступлений со стороны крестьянства, а проявления недовольства со стороны рабочих не носили массового характера.

Таким образом, полиция и жандармерия Смоленской губернии сумели обеспечить общественный порядок в тылу действующей армии. На всех направлениях борьбы – контрразведывательная деятельность, контроль над исполнением обязательных постановлений, борьба с уголовной преступностью, борьба с политическими и антивоенными выступлениями – наблюдалось взаимодействие администрации, полиции, жандармерии, военных властей. При этом каждый из этих государственных институтов играл руководящую роль в своей области. Полиция занималась всевозможными происшествиями, включая уголовные преступления, жандармерия концентрировала свои усилия на политических акциях и борьбой с вражескими агентами, губернатор осуществлял координацию деятельности правоохранительных структур и контролировал общее положение дел в губернии. Серьезное содействие местной власти оказывало командование Минского военного округа. Накануне февральских событий 1917 г. в Смоленской губернии сохранялся общественный порядок,

население выполняло распоряжения администрации и полиции. Вместе с тем все отчетливее проявлялись признаки нараставшего недовольства войной и социально-экономическими трудностями.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение деятельности полиции и жандармерии Смоленской губернии в годы Первой мировой войны позволяет сделать некоторые выводы.

Правовое и географическое положение Смоленской губернии, уровень развития промышленного производства, наличие разветвленной железнодорожной сети во многом определили направления и содержание деятельности правоохранительных органов во время Первой мировой войны.

Полномочия полиции и жандармерии регулировались законодательством довоенного времени, начиная с законов первой половины XIX века. Во второй половине XIX века были приняты основные акты, определявшие функции полиции и жандармерии в условиях чрезвычайного и военного положения.

Во время Первой мировой войны на правоохранительные органы были возложены новые обязанности, обусловленные задачами военного времени и новым правовым статусом губернии. В Смоленской губернии было установлено два правовых режима: военного положения (Смоленский, Краснинский и Поречский уезды) и чрезвычайного положения (Бельский, Вяземский, Гжатский, Дорогобужский, Духовщинский, Ельнинский, Рославльский, Сычевский и Юхновский уезды).

Еще одной особенностью правового статуса Смоленской губернии было отнесение ее территории в отношении мобилизаций и реквизиций к трем военным округам: Петроградскому, Московскому, Минскому. При этом в зону ответственности Петроградского и Московского военных округов вошли территории девяти уездов с режимом чрезвычайного положения, а в зону ответственности Минского военного округа – территории трех уездов с военным положением.

Закон устанавливал равные права губернатора и военных. Губернатор оставался главным должностным лицом в вопросах гражданского управления, военные – в вопросах военного управления. Но в целом законодательство было направлено на взаимодействие военных и гражданских властей. Значительно

расширились охранительные возможности полиции и жандармерии. Основной принцип, на котором строились взаимоотношения между полицией, жандармерией и военными властями заключался в оказании содействия друг другу.

Важнейшим инструментом воздействия на население и принуждения к выполнению обязанностей военного времени были обязательные постановления, издаваемые губернаторами, командованием Минского военного округа и особыми комитетами железных дорог. По содержанию обязательных норм их можно условно разделить на постановления, направленные на ограничение свобод населения, которыми оно пользовалось в мирное время (правила торговли, правила поведения на железных дорогах, в общественных местах, паспортного режима), и постановления, нацеленные на обеспечение армии.

Изучение количественного и социального состава исполнительной полиции и жандармерии показало, что это были относительно малочисленные государственные структуры. На каждого полицейского приходился более 2 тысяч жителей, на каждого жандарма в 10 раз больше – более 21 тысячи. Такое соотношение количества полицейских на число городских и сельских жителей объяснялось аграрным характером губернии, где значительно преобладало сельское население, компактным проживанием горожан и стремлением власти сохранять контроль над крестьянством, от которого исходила потенциальная угроза антиправительственных выступлений.

Служившие в сельской местности составляли низовой полицейский аппарат, включавший стражников и урядников, подчинявшихся становым приставам, которые в свою очередь являлись штатными единицами полицейских управлений. Жандармы несли службу в городах и на железнодорожных станциях. В Смоленской губернии было тринадцать полицейских управлений, губернское жандармское управление, дополненное службой филеров из семи человек и три отделения железнодорожной жандармерии. Центр железнодорожной полиции находился в Вязьме, а общей жандармерии в Смоленске. В управление

Смоленской городской полиции входило единственное в губернии отделение уголовного сыска.

Несмотря на незначительную численность жандармерии и полиции, нельзя говорить о критической ситуации с кадровым обеспечением правоохранительных органов. Жандармерия и полиция в своей деятельности на равных основаниях использовали низовой полицейский аппарат, они взаимодействовали друг с другом, в случае необходимости им помогали военные части, нижние чины полиции, городовые и стражники из эвакуированных губерний. Нельзя забывать о том, что правоохранительный аппарат включал в себя земских начальников, сельских полицейских, избираемых волостными сходами. Деятельность окружного и местных судов также способствовала поддержанию правопорядка.

Социальный состав полиции и жандармерии отражал общие тенденции развития государственного аппарата России позднеимперского периода. Смоленская полиция (без урядников и стражников) была укомплектована главным образом из жителей Смоленской губернии и включала в свой состав представителей различных сословий. Первое место среди них занимали выходцы из крестьян, насчитывавшие немногим более 30%. Вместе с разночинцами они составляли 62 % численности общей полиции Смоленской губернии. Дворяне служили в полиции не только уездными исправниками, но и канцелярскими служащими и становыми приставами. Их представительство в составе полиции было еще заметно – они имели более 26% мест.

Абсолютное большинство полицейских не имели никакой собственности, их материальное положение всецело зависело от служебного положения, поэтому вне зависимости от социального происхождения полицейские были заинтересованы в сохранении своего места в полиции и в продвижении по службе. С другой стороны, по материальному положению полиция была близка основной населения, хорошо понимала его интересы и потребности.

Несмотря на военизированный характер полицейской службы, в Российской империи не было специальных учебных заведений, готовивших полицейских, поэтому полицейские Смоленской губернии за редким исключением получили

гражданское образование и имели гражданские чины. Образовательный уровень чинов смоленской полиции можно назвать вполне достаточным для выполнения обязанностей по поддержанию общественного порядка и выполнению других обязанностей полицейского. Несмотря на то, что почти 66% из них имели начальное образование, нужно иметь в виду, что у половины полицейских за плечами были уездные или городские училища с шестилетним сроком обучения, которые относились к «высшему начальному образованию». Кроме того, все чины полиции выше урядников сдавали экзамены на чин. Образование исправников было выше общего уровня, исправники имели высшее и среднее образование и классные чины от VII до V класса. При этом более половины из них были разночинцами.

Состав канцелярских служащих полицейских управлений по своему происхождению, собственности и образованию был идентичен составу чинов полицейских управлений и служил резервом для пополнения местной полиции.

Жандармерия была элитой правоохранительной системы. Офицерами жандармерии служили армейские офицеры, имевшие военное образование, дополненное специальными курсами. Унтер-офицеры и вахмистры также набирались из бывших военнослужащих. Задачи политической полиции требовали привлечение в ее органы более подготовленных и более образованных людей, чем в органы полиции.

Полиция и жандармерия принимали самое непосредственное участие в массовых мобилизациях (на фронт было направлено 43, 9% трудоспособного населения губернии). Исполнительная полиция являлась ключевой структурой местной администрации по проведению призывов в армию (сбор информации, доставление списков и повесток, охрана порядка на мобилизационных пунктах и т.п.), в работе многочисленных реквизиционных комиссий (оценочных, приемных, поверочных), в обеспечении контроля над ношением оружия. Жандармерия организовывала наблюдение за проведением мобилизаций передвижением мобилизованных, охраняла железные дороги.

Уровень развития промышленного производства и его структура обусловили специфику снабжения армии населением Смоленской губернии. В организации работ на армию можно выделить два периода. Первый период пришелся на время с начала военных действий до лета 1915 г. – до создания Особого совещания по снабжению армии. В это время местная администрация, используя, развитие в Смоленской губернии кожевенного производства и наличие большого числа кустарей-сапожников сумела организовать массовое производство качественной обуви для фронта.

Частью общей системы оказания помощи фронту было участие полиции и жандармерии в организации госпитальной сети на территории губернии и работа с военнопленными и беженцами. Правоохранительные органы занимались поиском помещений под лечебные учреждения, охраной лазаретов, проводили контрразведывательную и агитационную деятельность среди раненых солдат и офицеров.

В отношении военнопленных Россия придерживалась норм международного права. В Смоленской губернии труд военнопленных использовался довольно широко (от 5 до 2,5 тысяч военнопленных), хотя и не ликвидировал потребность в рабочей силе в сельском хозяйстве. Охрану военнопленных, а также наблюдение за их поведением не только во время работ, но и в местах массового скопления, вела местная полиция и жандармерия.

Смоленская губерния оказалась территорией, по которой передвигались большие группы переселенцев. Полиция расселяла большие группы колонистов на территории центральных и восточных уездов губернии, группируя их в местах проживания стражников и урядников для непосредственного контроля и надзора за этими группами прибывшего населения.

Через Смоленск проходила разделительная линия железных дорог тыла и фронта. На железных дорогах, проходивших через территорию девяти уездов, действовал режим чрезвычайного положения, на железных дорогах, проходивших через территорию трех уездов – режим военного положения. На каждого жандарма, служившего в железнодорожной жандармерии Смоленской губернии,

приходилось 55 верст железных дорог и одна железнодорожная станция. Тем не менее, жандармерия держала под контролем порядок на железных дорогах, не допуская остановки транспорта или диверсий.

Важнейшей задачей правоохранительных органов было обеспечение безопасности тыла путем контрразведывательной деятельности, а также охрана правопорядка и борьба с политическими противниками власти. Руководство контрразведкой на территории Смоленской губернии было сосредоточено в контрразведывательном отделе штаба Минского военного округа. Выявление и обезвреживание шпионов и агентов, тайно собиравших военные сведения, было совместным делом органов контрразведки, смоленской жандармерии и местной полиции. При этом полиция имела значение вспомогательной силы, которая привлекалась не к оперативной, а к исполнительной работе.

Основными руководящими документами в организации контрразведывательной деятельности на местах играли инструкции штаба Минского военного округа. Ими руководствовались агенты, местная жандармерия и местная полиция. Инструкции содержали как общие указания относительно направлений и методов контрразведывательной работы, так и конкретные сведения о проникновении агентов противника на территорию Смоленской губернии. Использование шпионами и агентами противника разнообразных методов сбора информации потребовало от смоленских сил правопорядка определенных навыков ведения контрразведывательной деятельности и привлечения местного населения к поискам шпионов, что в некоторой степени провоцировало такое явление как шпиономания, открытые проявления которого успешно пресекались полицией. В целом можно говорить об успешной контрразведывательной деятельности на территории Смоленской губернии, поскольку ее результатом было недопущение открытых диверсионных актов и антивоенных выступлений.

Обеспечение общественного порядка (правопорядка) также осуществлялось совместными усилиями полиции и жандармерии. Режим правопорядка требовал

неукоснительного исполнения административных норм обязательных постановлений, а также норм уголовного законодательства.

В годы Первой мировой войны наблюдалась тенденция снижения уголовной преступности по сравнению с довоенным временем и наоборот увеличение административных проступков – нарушений обязательных постановлений губернатора и начальника штаба Минского военного округа. Наиболее распространенными были нарушения сухого закона, а также противоправные действия, имевшие политическую окраску: отказ от поставок на нужды армии, а также случаи оскорбления чинов местной полиции при исполнении ими служебных обязанностей.

Неразвитость промышленности и слабость политических партий в губернии способствовали успешной деятельности полиции и жандармерии по пресечению антиправительственных и антивоенных выступлений. Жандармерия контролировала деятельность политических групп и не допустила создания сколько-нибудь сильной организованной политической силы на территории Смоленской губернии.

На всех направлениях обеспечения безопасности тыла – контрразведывательная деятельность, контроль над исполнением обязательных постановлений, борьба с уголовной преступностью, политическими и антивоенными выступлениями – наблюдалось взаимодействие администрации, полиции, жандармерии, военных властей. При этом каждый из этих государственных институтов играл руководящую роль в своей области. Полиция занималась всевозможными происшествиями, включая уголовные преступления, жандармерия концентрировала свои усилия на политических акциях и борьбой с вражескими агентами, губернатор осуществлял координацию деятельности правоохранительных структур и контролировал общее положение дел в губернии. Серьезное содействие местной административной власти оказывало командование Минского военного округа. Накануне февральских событий 1917 г. в Смоленской губернии сохранялся режим устойчивого правопорядка. Вместе с

тем все отчетливее проявлялись признаки нараставшего недовольства войной и социально-экономическими трудностями.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I. Нормативно-правовые акты

Издания официальные

1. Общий наказ гражданским губернаторам от 3 июня 1837 г. // ПСЗ-II. Т. 12. Отд. 1. №. 10303.
2. Временные правила об устройстве полиции в городах и уездах губерний по общему учреждению управляемых от 25 декабря 1862 г. // ПСЗ-II. Т. 37. Отд. 2. №. 39087.
3. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями от 20 ноября 1864 г. // ПСЗ-II. Т. 39. Отд. 2. №. 41478.
4. Положение о корпусе жандармов от 9 сентября 1867 г. // ПСЗ-II. Т. 42. Отд. 2. № 44956.
5. Правила о порядке действий чинов жандармов по исследованию преступлений от 19 мая 1871 г. // ПСЗ-II. Т. 46. Отд. 2. № 49615.
6. О введении общей воинской повинности от 1 января 1874 г. // ПСЗ-II. Т. 49. Отд. 1. № 52983.
7. О предоставлении местным административным властям права издавать обязательные постановления от 13 июля 1876 г. // ПСЗ-II. Т. 51. Отд. 2. №. 56203.
8. Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия от 14 августа 1881 г. // ПСЗ-III. Т. 1. Отд. 2. № 350.
9. О местностях, объявленных на военном положении от 18 июня 1892 г. // ПСЗ-III. Т. 12. Отд. 1. № 8757.
10. О правилах чрезвычайной охраны на железных дорогах от 14 декабря 1905 г. // ПСЗ –III. Т. 25. Отд. 2. № 27043.
11. О возложении заведования строевой частью полицейской стражи на чинов отдельного корпуса жандармов и об учреждении должностей офицеров означенной стражи от 18 февраля 1906 г. // ПСЗ-III. Т. 26. Отд. 1. № 27418.

12. О пособиях детям чинов полиции и корпуса жандармов, погибших или пострадавших при беспорядках и покушениях на сих чинов от 22 апреля 1906 г. // ПСЗ-III. Т. 26. Отд. 1. № 27775.
13. О порядке комплектования частей и управлений Отдельного Корпуса жандармов от 20 июля 1906 г // ПСЗ-III. Т. 26. Отд. 1. № 28 095.
14. Положение о мерах охраны высочайших путешествий по железным дорогам. — СПб., 1914. — 56 с.

Издания неофициальные

15. Свод учреждений государственных // Свод законов Российской империи. В 16 т. Т. 1. СПб.: «Деятель», 1912. — 440 с.
16. Общее учреждение губернское // Свод законов Российской империи. В 16 т. Т. 2. СПб.: «Деятель», 1912. — 737 с.
17. Военное законодательство Российской империи (Кодекс русского военного права). — М.: Военный университет, 1996 (репринт). — 309 с.
18. Приложения к Положению о полевом управлении войск в военное время. — СПб.: Военная типография императрицы Екатерины Великой (в здании Главного штаба). — 1914. — 164 с.
19. Авербах О.И. Законодательные акты, вызванные войной. — Вильнюс: Типография А.Г.Сыркина, 1915. — 733 с.
20. Авербах О.И. Законодательные акты, вызванные войной 1914-1915 гг. Т. 1, издание 2-е. — Петроград: «Труд», 1916. — 729 с.
21. Кудейкин В.Ю., Савинкин А.Е. Русский военный сборник. Выпуск 10. — М.: Издательство: «Военный университет», 1996 (репринт). — 448 с.

II. Делопроизводственная документация государственных
и общественных учреждений

Неопубликованная документация

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ)

Ф. 102. Департамент полиции МВД: Оп. 72. 1914. Д. 10; Оп. 73. 1915. Д. 10; 1915. Д. 12, Д. 16, Д. 26. Д. 73; Оп. 112. 1914. Д. 160; Оп. 113. 1915. Д. 63; Оп. 123. 1914. Д. 141; Оп. 124. 1915. Д. 66; Оп. 125. 1916. Д. 108. Оп. 136. 1915. Д. 71.

Ф. 110. Штаб Отдельного корпуса жандармов. Оп. 1. 1914. Д. 317; 1915. Д. 355.

Государственный архив Смоленской области (ГАСО)

Ф. 1. Канцелярия Смоленского губернатора: Оп. 1. 1914. Д. 45; 1915. Д. 82; Оп. 5. 1914. Д. 1019; Оп. 6. 1914. Д. 62, Д. 74, Д. 82, Д. 140, Д. 141, Д. 148, Д. 152, Д. 746; 1915. Д. 116, Д. 117, Д. 133; Оп. 7. 1914. Д. 63; Д. 405. Д. 598. Д. 602; 1915. Д. 604, Д. 740, Д. 747, Д. 763, Д. 1165, Д. 1255; Оп. 8. 1914. Д. 63, Д. 559, Д. 694, Д. 698, Д. 699, Д. 703, Д. 704, Д. 706, Д. 708, Д. 741, Д. 746, Д. 749, Д. 763, Д. 769; 1915. Д. 719, Д. 738, Д. 740, Д. 755, Д. 789, Д. 802, Д. 810, Д. 822, Д. 826, Д. 833, Д. 895; 1916. Д. 868, Д. 887, Д. 906 (ОЦ), Д. 919, Д. 920, Д. 925, Д. 949, Д. 959, Д. 964, Д. 997, Д. 1019, Д. 1020, Д. 1021, Д. 1022, Д. 1024, Д. 1031, Д. 1032, Д. 1036, Д. 1037, Д. 1104, Д. 1237.

Ф. 2. Смоленское губернское правление. Оп. 101. 1914. Д. 676, Д. 689, Д. 747; Оп. 102. 1915. Д. 342, Д. 356, Д. 382; Оп. 103. 1914. Д. 311, Д. 317.

Ф. 3. Смоленское губернское по военной повинности присутствие. Оп. 1. 1910. Д. 453; 1915. Д. 728, Д. 730; 1916. Д. 732.

Ф. 7. Смоленская губернская земская управа. Оп. 3. 1914. Д. 14. Д. 90. Д. 149; 1916. Д. 158; Оп. 4. 1916. Д. 1727; 1917. Д. 1758.

Ф. 45. Дирекция народных училищ Смоленской губернии. Оп. 1. 1914. Д. 3038; 1916. Д. 3048, Д. 3050.

Ф. 55. Смоленский уездный предводитель дворянства. Оп. 1. 1914. Д. 98; 1915. Д. 154; 1916. Д. 155.

Ф. 65. Смоленская городская управа. Оп. 2. 1914. Д. 1559, Д. 1562, Д. 1563; 1916. Д. 1725, Д. 1728.

Ф. 76. Смоленская губернская императора Александра I мужская гимназия. Оп. 1. 1915. Д. 966, Д. 967, Д. 973.

Ф. 79. Смоленская частная мужская гимназия Н.П. Евневича. Оп. 1. 1914. Д. 116.

Ф. 369. Смоленский губернский комитет ВЗС помощи больным и раненым войной. Оп. 1. 1914. Д. 7.

Ф. 517. Поречская уездная земская управа. Оп. 1. 1916. Д. 35.

Ф. 1146. Приставы Смоленского городского полицейского управления. Оп. 2. 1916. Д. 120.

Ф. 1272. Управление Смоленской местной бригады Московского военного округа. Оп. 2. 1916. Д. 119. Д. 142. Д. 181.

Ф. 1289. Смоленское губернское жандармское управление. Оп. 1. 1914. Д. 413, Д. 477, Д. 478; 1915. Д. 481, Д. 484.

Ф. 1411. Помощник начальника Смоленского губернского жандармского управления. Оп. 1. 1914. Д. 157. Д. 158.

Опубликованная документация

1. Доклады Губернской Земской Управы 52-му очередному Смоленскому губернскому Земскому собранию по оказании помощи беженцам [Текст]. – Смоленск: Типография. Я.Н. Подземского, 1917. – 27 с.

2. Духовщинский уездный комитет: годовой отчет деятельности с 1. 08. 1914 по 1. 08. 1915 [Текст]. – Духовщина: Типография «Экономия» Н. Логунова, 1915. – 41 с.

3. Журнал 50-го очередного Духовщинского уездного земского собрания за 1914 г. [Текст]. Духовщина: Типография «Экономия» Н. Логунова, 1915. – 911 с.

4. Журнал заседаний Смоленского уездного земского собрания за 1914 г. [Текст]. – Смоленск: Типография С. Гуревич, 1914. – 760 с.

5. Журнал очередного Смоленского уездного земского собрания за 1915 г. [Текст]. – Смоленск: Типография С. Гуревич, 1916. – 604 с.

6. Журнал чрезвычайного и 51-го очередного Вяземского уездного земского собрания за 1915г. [Текст]. – Вязьма: Типография Р.И. Писаревской, 1916. – 275 с.

7. Журнал чрезвычайного Рославльского уездного земского собрания 11 – 15 ноября 1915 г. [Текст]. – Рославль: Типография А.В. Рафанкова, 1916. – 274 с.

8. Журнал чрезвычайного Рославльского уездного земского собрания 28 мая 1915 г. [Текст]. – Рославль: Типография А.В. Рафанкова, 1915. – 24 с.
9. Журнал чрезвычайного Смоленского уездного земского собрания за 1915 г. [Текст]. – Смоленск: Типография С. Гуревич, 1916. – 17 с.
10. Журналы 50-го очередного Гжатского уездного земского собрания за 1914 г. (27, 28, 29 сентября 1914 г.) [Текст]. – Гжатск: Типография В.И. Подосенова, 1915. – 632 с.
11. Журналы 50-го очередного Рославльского уездного земского собрания за 1914 г. [Текст]. – Рославль: Типография А.В. Рафанкова, 1915. – 622 с.
12. Журналы 50-го очередного Юхновского уездного земского собрания 3 - ноября 1914 г. и чрезвычайного 20 августа 1914 г. [Текст]. – Вязьма: Типография А. Фистель, 1915. – 516 с.
13. Журналы 51-го очередного Духовщинского уездного земского собрания за 1915 г. и чрезвычайного 24 июня 1915г. [Текст]. – Духовщина: Типография Духовщинского земства, 1917. – 590 с.
14. Журналы 51-го очередного Краснинского уездного земского собрания за 1915 г. [Текст]. – Красный: Типография Х.М. Якубсона, 1916. – 520 с.
15. Журналы 51-го очередного Юхновского уездного земского собрания 27-29 сентября 1915 г. и чрезвычайного 22 февраля 1916 г. [Текст]. – Вязьма: Типография А. Фистель, 1916. – 385 с.
16. Журналы и доклады 50-го очередного Дрогобужского уездного земского собрания за 1914 г. [Текст]. – Витебск: Типографии Н.А. Сролиовича и И.М. Манковича, 1914. – 338 с.
17. Журналы очередного Сычевского уездного земского собрания за 1914 г. [Текст]. – Сычевка: Типография И.Я. Цезарева, 1914. – 278 с.
18. Обзор деятельности по оказанию помощи больным и раненым воинам по Смоленской губернии. Выпуск первый. 1914 г [Текст]. – Смоленск: Типография Я.Н. Подземского, 1914. – 29 с.

19. Обзор деятельности по оказанию помощи больным и раненым воинам по Смоленской губернии. Выпуск второй. 1915 г [Текст]. – Смоленск: Типография Я.Н. Подземского, 1915. – 45 с.
20. Обзор деятельности по оказанию помощи больным и раненым воинам по Смоленской губернии. Выпуск третий. 1916 г [Текст]. – Смоленск: Типография Я.Н. Подземского, 1916. – 65 с.
21. Обзор Смоленской губернии за 1913 г [Текст]. – Смоленск: Губернская Типография, 1915. – 60 с.
22. Отчет комитета Всероссийского земского союза по устройству лазарета имени Кооперативов Смоленской губернии [Текст]: выпуск IV (с 7 декабря 1914г. по 1 января 1917г.) – М.: Типография Московского товарищества Н.П. Казецкого, 1917. – 37 с.
23. Отчет комитета по устройству лазарета имени кооперативов Смоленской губернии. Выпуск второй (с 7. 12. 1914 по 1. 05. 1915.) [Текст]. – Смоленск: Типография Я.Н. Подземского, 1915. – 28 с.
24. Отчет о деятельности Смоленского губернского Всероссийского земского союза по оказанию помощи беженцам, следовавшим через станцию Смоленск за время 17. 5. - 1. 11. 1915 года [Текст]. – Смоленск, 1916. – 11 с.
25. Полугодовой отчет вяземских городских госпиталей Всероссийского земского союза и Лютовского местного комитета красного креста [Текст]. – Вязьма: Типография Писаревской, 1915. – 62 с.
26. Россия. Отдельный корпус жандармов. Приказы по Корпусу жандармов за 1915 г. №№ 1-376 [Текст]. – Пг., 1915.

III. Материалы периодической печати

1. Правительственный вестник. 1914. № 244.
2. Вестник Европы. 1910. № 1.
3. Нива. 1915. № 51, 52.
4. Смоленские губернские ведомости. 1914. № 30; № 32; № 33; № 34; № 37; № 39; № 41; № 42; № 43; № 45; № 46; 1915. № 3; № 11; № 12; № 13; № 14; № 15; № 16;

№ 17; № 19; № 21; № 22; № 27; № 29; № 31; № 32; № 34; № 35; № 37; № 38; № 39; № 40; № 41; № 42; № 48; 1916. № 11; 1917. № 6.

5. Смоленские епархиальные ведомости. 1914. № 17; 1915. № 6.

6. Смоленский вестник. 1914. № 156; № 157; № 158; № 161.

IV. Справочные и статистические издания

1. Большой юридический словарь [Текст] / под ред. А.Я. Сухарева. 3-е изд. доп. и перераб. – М.: ИНФРА – М., 2009. – 858 с.

2. Краткие хозяйственно-статистические сведения по Смоленской губернии [Текст]. – Смоленск: издание Смоленской губернской земской управы, 1912. – 323 с.

3. Мурашев Г.А. Титулы, чины, награды [Текст]. – М.: АСТ, 2006. – 367 с.: ил.

4. Новый энциклопедический словарь [Текст]: в 29 т. Т.14. – Пг.: Издательское дело бывшее Брокгауз-Ефрон, 1913. – 940с.

5. Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года [Текст]: энциклопедия в 5-ти томах. Т. 2. – М.: НИ Большая Российская энциклопедия, 1996. – 656 с., ил.

6. Памятная книжка Смоленской губернии на 1912 год [Текст]. – Смоленск: Смоленский губернский статистический комитет, 1911. – 734 с.: паг: ил.

7. Памятная книжка Смоленской губернии на 1913 год [Текст]. – Смоленск: Смоленский губернский статистический комитет, 1912. – 538 с.: паг: ил.

8. Памятная книжка Смоленской губернии на 1914 год [Текст]. – Смоленск: Смоленский губернский статистический комитет, 1913. – 525 с.: паг.

9. Памятная книжка Смоленской губернии на 1915 год [Текст]. – Смоленск: Смоленский губернский статистический комитет, 1914. – 485 с: паг.

10. Россия в мировой войне 1914-1918 гг. (в цифрах) [Текст]. – М.: ЦСУ, 1925. – 104 с.

11. Сборник статистических сведений по Союзу С.С.Р. 1918-1923 [Текст]. – М.: ЦСУ, 1924. – 480 с.

12. Свод статистических сведений по делам уголовным, производившимся в 1889 г. в судебных учреждениях, действующих на основании уставов 20 ноября 1864 г. [Текст]. – СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1894. – 176 с.
13. Список общего состава Отдельного корпуса жандармов, исправлен по 1 июля 1915 года. 1 и 2 части / [Отд. корпус жандармов Деп. полиции] [Текст]. – Пг.: Типография штаба отд. корп. жанд., 1915. – 807 с.

V. Источники личного происхождения

1. Батюшин, Н.С. Тайная разведка и борьба с ней [Текст] / Н.С. Батюшин. – М.: Х-History, 2002. – 103 с.
2. Герасимов, А.В. На лезвии с террористами [Текст] / А.В. Герасимов // «Охранка»: Воспоминания руководителей политического сыска: в 2 т. Т. 2. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. – С. 36-89.
3. Джунковский, В.Ф. Воспоминания [Текст]: в 2 т. Т. 2 / В.Ф. Джунковский. – М.: Изд. им. Сабашниковых, 1997. – 685 с.: ил.
4. Кафафов, К.Д. Воспоминания о внутренних делах Российской империи [Текст] / К.Д. Кафафов // Вопросы истории. – 2005. – № 2, 3, 5.
5. Спиридович, А.А. Записки жандарма [Текст]: / А.А. Спиридович. – М.: Художественная литература, 1991. – 268 с.

VI. Литература

1. Аврех, А.Я. Распад третьеиюньской системы [Текст] / А.Я. Аврех. – М.: Наука, 1985. – 268 с.
2. Аврех, А.Я. Столыпин и III Дума [Текст] / А.Я. Аврех. – М.: Наука, 1968. – 520 с.
3. Аврех, А.Я. Царизм и Третьеиюньская система [Текст] / А.Я. Аврех. – М.: Наука, 1966. – 188 с.
4. Агафонов, В.К. Заграничная охранка [Текст] / В.К. Агафонов. – Пг.: «Книга», 1918. – 388 с.

5. Алексеев, Т.В. Реквизиционная деятельность особого совещания по обороне государства в годы Первой мировой войны [Текст] / Т.В. Алексеев // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2014. – № 11. – С. 81-84.
6. Алексеева, М.А. Новгородское губернское жандармское управление: 1867- 1917 г. [Текст]: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / М.А. Алексеева. – Великий Новгород, 2007. – 170 с.
7. Алексушин, Г.В. Развитие губернаторской власти в России (1708-1917 гг.): исторический опыт и уроки [Текст]: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Г.В. Алексушин. – М., 2008. – 457 с.: ил.
8. Алексушин, Г.В. Самарские губернаторы [Текст] / Г.В. Алексушин. – Самара: Самарский Дом печати, 1996. – 320 с., ил.
9. Ананьич, Б.В., Ганелин Р.Ш. Дубенцов Б.Б. и др. [Текст] / Б.В. Ананьич. Кризис самодержавия в России. 1895-1917. – Л.: Наука: Ленингр. отделение, 1984. – 664 с.
10. Ансимов, Н.Н. Борьба большевиков против политической полиции самодержавия [Текст] / Н.Н. Анисимов. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. – 150 с.
11. Ансимов, Н.Н. Охранные отделения и местная власть царской России в начале XX в. [Текст] / Н.Н. Анисимов // Советское государство и право. – 1991. – № 5. – С. 119-125.
12. Асташов, А.Б. Дезертирство и борьба с ним в царской армии в годы Первой мировой войны [Текст] / А.Б. Асташов // Российская история. – 2011. – № 4. – С. 44-52.
13. Бакшт, Д.А. Енисейское губернское жандармское управление: организационно-правовой и региональный аспекты функционирования в системе Департамента полиции МВД (1880-1917 гг.) [Текст] / Д.А. Бакшт. – Красноярск, 2015. – 261 с.: ил.
14. Белова, И.Б. Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России 1914- 1925 гг. [Текст] / И.Б. Белова. – М.: АИРО—XXI, 2014. – 432 с.

15. Белова, И.Б. Первая мировая война в российской провинции. 1914 – февраль 1917 [Текст]: [монография] / И.Б. Белова. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 283 с.
16. Блинов, И.А. Губернаторы. Историко-юридический очерк [Текст] / И.А. Блинов. – СПб.: Типография К.Л. Пентковского, 1905. – 365 с.
17. Брачев, В.С. Мастера политического сыска дореволюционной России [Текст] / В.С. Брачев. – СПб.: Нестор, 1998. – 109 с.
18. Будаев, Д.И. «Дневник» В.И. Грачева [Текст] / Д.И. Будаев // Край Смоленский. – 2002. – № 10.
19. Будаев, Д.И. Рожденный в борьбе союз. Очерки истории рабочего и крестьянского движения в Смоленской губернии в 1861-1917 гг. [Текст] / Д.И. Будаев. – М.: Московский рабочий, 1984. – 198 с.
20. Будаев, Д.И. Смоленская губерния в 1861 - 1917 годах [Текст] / Д.И. Будаев. – Смоленск: СГПИ, 1990. – 90 с.
21. Волков, А. Петроградское охранное отделение [Текст] / А. Волков. – Пг.: Знание - сила, 1917. – 16 с.
22. Герасимов, А.В. На лезвии с террористами / «Охранка»: Воспоминания руководителей политического сыска [Текст] / А.В. Герасимов. – М.: Литературное обозрение, 2004. – С. 36-89.
23. Гончарова, Ю.В. Жандармские полицейские управления железных дорог (1867-1917 гг.) [Текст]: автореферат дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Академия управления МВД России. – Москва, 2000. – 23 с.
24. Гончарова, Ю.В. Жандармские полицейские управления железных дорог, 1867 – 1917 гг. [Текст]: дис. ... канд. юр. наук: 12.00.01 / Ю.В. Гончарова. – М., 2000. – 239 с.
25. Горбунов, К.Е. Административная власть Симбирской губернии в 1796 – 1917 гг. [Текст]: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / К.Е. Горбунов. – М., 2005. – 297 с.: ил.
26. Горская, Н.И. Смоленское земство в последние годы своего существования (1905-1918 гг.) [Текст]: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Н.И. Горская. – Смоленск, 1996. – 330 с.

27. Грачев, А.А. Губернское правление, канцелярия губернатора и полиция в системе государственного управления Пензенской губернии в начале XX века [Текст]: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / А.А. Грачев. – Пенза, 2002. – 232 с.: ил.
28. Греков, Н.В. Русская контрразведка в 1905-1917 гг.: шпиономания и реальные проблемы [Текст] / Н.В. Греков. – М.: Московский общественный научный фонд; ООО «Издательский центр научных и учебных программ», 2000. – 209 с.
29. Григорьев, Б., Колоколов Б. Повседневная жизнь российских жандармов [Текст] / Б. Григорьев. – М.: Молодая гвардия, 2007. – 897 с.
30. Гуларян, А.Б. Жандармы и полиция в российской провинции. На материалах Орловской губернии. 1894–1914 гг. [Текст] / А.Б. Гуларян. – Орел: Орел - ГАУ, 2011. – 165 с.
31. Гурьев, В.И. Московская полиция в конце XIX – начале XX вв.: организация, структура, состав [Текст]: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / В.И. Гурьев. – М., 2012. – 177 с.
32. Давыдов, Ю.А. Мешочники и диктатура в России 1917-1933 [Текст] / Ю.А. Давыдов. – СПб.: Алетейя, 2007. – 371 с.
33. Деревянко, И., Шаров А. Тайная война [Текст] / И. Деревянко // Военные знания. – 1994. – №5-10.
34. Дорохов, В.Г. Политический сыск в Томской губернии: 1881 – февраль 1917 гг. [Текст]: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / В.Г. Дорохов. – Кемерово, 2005. – 195 с.
35. Дремков, Н.В. Полицейские структуры и органы жандармерии Ярославской губернии в XIX – начале XX вв. [Текст]: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Н.В. Дремков. – Ярославль, 2010. – 210 с.
36. Дубровский, А.М. Благотворительные общества в Смоленске и в Смоленском крае в начале Первой мировой войны [Текст] / А.М. Дубровский // Смоленская губерния в Первой мировой войне. – Смоленск: Край Смоленский, 2016. – 504 с.
37. Дякин, В.С. Русская буржуазия и царизм в первой мировой войне [Текст] / В.С. Дякин. – Л.: Наука, 1967. – 362 с.

38. Ерошкин, Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. – 3-е изд., перераб. и доп [Текст] / Н.П. Ерошкин. – М.: Высш. шк., 1983. – 352 с.
39. Жандармы России [Текст] / сост. В.С. Измозик. – СПб.: Нева; М.: Омка-Пресс, 2002. – 640 с.
40. Жилинский, В.Б. Организация и жизнь охранного отделения во время царской власти [Текст] / В.Б. Жилинский. – М.: Тип. Т-ва Рябушински, 1918. – 63 с.: ил.
41. Жукова, Л.А. Земское самоуправление и бюрократия в России: Конфликты и сотрудничество, 1864-1917 [Текст] / Л.А. Жукова. – М.: Хронограф, 1998. – 179 с.
42. Жухрай, В.М. Террор. Гении и жертвы [Текст] / В.М. Жухрай. – М.: АСТ-ПРЕСС: Книга, 2002, – 435 с.
43. Забелин, П.В. Местное самоуправление в годы Первой мировой войны: новые направления деятельности (на материалах Смоленской губернии) [Текст]: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / П.В. Забелин. – Смоленск, 2013. – 175 с.
44. Зайончковский, П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870-1880- годов [Текст] / П.А. Зайончковский. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1964. – 513 с.
45. Звонарев К.К. Агентурная разведка: Германская агентурная разведка до и во время войны 1914-1918 гг. [Текст] / К.К. Звонарев/ Кн. 2. – М., 2003. – 163 с.
46. Звягинцев, Е.А. Провокаторы и подстрекатели [Текст] / Е.А. Звягинцев. – М.: Задруга, 1917. – 30 с.
47. Зданович, А.А. Как реконструировали контрразведку в 1917 году [Текст] / А.А. Зданович // Военно-исторический журнал. – 1998. – № 3. – С 54-55.
48. Зданович, А.А. Отечественная контрразведка (1914-1920): Организационное строительство [Текст] / А.А. Зданович. – М.: Издательство «Крафт+», 2004. – 237 с.
49. Зырянов, П.Н. Социальная структура местного управления капиталистической России (1861-1914 гг.) / П.Н. Зырянов // Исторические записки. Т. 102. – М.: Наука, 1982. – 368 с.
50. Иванов, А.А. Образ спецслужб Российской империи в общественном сознании в период Первой мировой войны (1914-1917) [Текст] / А.А. Иванов // Известия

Самарского научного центра Российской академии наук. – 2008. – Т.10. – № 4. – С. 1045 – 1052.

51. Иконникова, Т.Я. Дальневосточный тыл России в годы Первой мировой войны [Текст] / Т.Я. Иконникова. – Хабаровск: Хабаровский государственный педагогический университет, 1999. – 365 с.

52. Ильюхов, А.А. Революция 1917 года на Смоленщине. Хроника событий [Текст] / А.А. Ильюхов. – Смоленск: Смоленское обл. кн. изд-во «Смядынь», 2007. – 333 с.

53. Карпачев, М.Д. Движение за народную трезвость в Воронежской губернии в начале XX в. [Текст] / М.Д. Карпачев // Вопросы истории. – 2010. – № 9. – С. 85-96.

54. Кипров, И.А. Создание и деятельность Смоленской организации партии социалистов - революционеров накануне и в период революции 1905 – 1907 гг. [Текст]: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / И.А. Кипров. – М., 2003. – 310 с.

55. Китанина, Т.В. Война, хлеб, революция, продовольственный вопрос в России (1914- октябрь 1917 г.) [Текст] / Т.В. Китанина. – Л.: Ленинградское отделение издательства «Наука», 1985. – 384 с.

56. Китанина, Т.М. Россия в Первой мировой войне. 1914-1917 гг. Экономика и экономическая политика царского правительства в первые годы войны. 1914-середина 1916 гг. [Текст] / Т.М. Китанина. – СПб.: издательство С.-Петербургского университета, 2003. – 146 с.

57. Козенко, Б.Д. Отечественная историография Первой мировой войны [Текст] / Б.Д. Козенко // Новая и новейшая история. – 2001. – № 3. – С. 3-27.

58. Кононов, В.А. Институт губернаторства в дореволюционной России: взаимодействие губернской и центральной администраций, 1708-1917 гг.: На материалах Смоленской губернии [Текст]: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / В.А. Кононов. – Смоленск, 2005. – 214 с.

59. Кононов, В.А. Смоленские губернаторы, 1711-1917 [Текст] / В.А. Кононов. – Смоленск: Маджента, 2004. – 398 с.

60. Кравцев, И.Н. Тайные службы империи [Текст] / И.Н. Кравцев. – М.: РАГС, 1999. – 192 с.
61. Куликов, В.В. Земские учреждения и правительственный контроль (вторая половина XIX – начало XX века) [Текст] / В.В. Куликов. – М.: Ин-т государства и права Рос. акад. наук, 2001. – 256 с.
62. Лурье, Ф.М. Полицейские и провокаторы: политический сыск в России. 1880–1917 г. [Текст] / Ф.М. Лурье. – М.: Терра, 1998. – 432 с.
63. Лысенко, Л.М. Губернаторы и генерал-губернаторы Российской Империи (XVIII - начало XX века). Издание 2-е, исправленное и дополненное [Текст] / Л.М. Лысенко. – М.: МПГУ, 2001. – 358 с.
64. Любичанковский, С.В. Структурно-функциональный подход к истории местного управления Российской империи (1907-1917 гг.) [Текст] / С.В. Любичанковский. – Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2005. – 402 с.
65. Мазитов, Э.А. Деятельность уфимского губернатора А.С. Ключарева (1905 – 1911 гг.) [Текст]: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Э.А. Мазитов. – Уфа, 2009. – 219 с.
66. Макаров, Г.А. История развития полиции и жандармерии на Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX вв.: На материалах Ставрополя и Кубани [Текст]: дис. ... канд. ист. наук / Г.А. Макаров. – Пятигорск, 2005. – 153 с.
67. Малиновский, Р.Я. Солдаты России [Текст] / Р.Я. Малиновский. – М.: Воениздат, 1969. – 452 с.
68. Мальцев, Д.А. Советская историография Первой мировой войны // Первая мировая война: историографические мифы и историческая память. В 3 кн. [Текст] / под ред. О.В. Петровской. – Кн.1. – М.: РИСИ, 2014. – С.15-30.
69. Минаков, А.С. Губернаторский корпус и центральная власть: проблема взаимоотношений (по материалам губерний Черноземного центра второй половины XIX - начала XX вв.) [Текст]: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / А.С. Минаков. – Орел, 2011. – 488 с.
70. Минаков, А.С. Губернское ведомство МВД: состав, функции, взаимодействие с центром (по материалам Орловской губернии второй половины XIX – начала

XX веков) [Текст]: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / А.С. Минаков. – Орел, 2003. – 282 с.

71. Минаков, А.С. Социокультурные особенности облика провинциального жандарма в России второй половины XIX века (по материалам ОГЖУ) // Проблемы исторической психологии и взаимодействия мировоззрений в истории. Материалы Всероссийской научной конференции. – Орел, 2000. С. 106–108.

72. Мирасанова, В.М., Федюк Г.П. Ярославские губернаторы: 1777 – 1917. Историко-библиографические очерки [Текст] / В.М. Мирасанова. – Ярославль: Ярославский государственный университет, 1998. – 417 с.

73. Миролубов, А.А. Документы по истории Департамента полиции периода Первой мировой войны [Текст] / А.А. Миролубов // Советские архивы. – 1988. – №3. – С. 80-84.

74. Миролубов, А.А. Политический сыск России в 1914-1917 гг. [Текст]: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / А.А. Миролубов. – М., 1988. – 214 с.

75. Миронов, Б.Н. Погрязшая в смуту и укравшая победу революции [Текст] / Б.Н. Миронов // Вестник Санкт – Петербургского университета. История. – 2017. – Т. 62. – Вып. 4. – С. 693-716.

76. Миронов, Б.Н. Социальная история России (XVIII-XX вв.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства [Текст] / Б.Н. Миронов. Т.2. – СПб.: Дмитрий Булавин, 2003. – 583 с., ил.

77. Москвитин, Ю.Н. Полиция Томской губернии в 1867 – 1917 гг.: Устройство, численность и материальное обеспечение служащих [Текст]: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Ю.Н. Москвитин. – Барнаул, 2004. – 234 с.

78. Мулукаев, Р.С. Полиция в России (IX – начало XX века) [Текст] / Р.С. Мулукаев. – Нижний Новгород, 1993. – 212 с.

79. Николаевский, Б.И. История одного предателя: террористы и политическая полиция [Текст] / Б.И. Николаевский. – М.: Высшая школа, 1991. – 370 с.

80. Новоселов, М. Ю. Губернские жандармские управления: история создания и структура [Текст] / М. Ю. Новоселов // Молодой ученый. – 2014. – №11. – С. 286-288.

81. Опилкин, А.С. Центральное (Московское) районное охранное отделение в системе органов политической полиции Российской Империи [Текст]: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / А.С. Опилкин. – М., 2012. – 214 с.
82. Осоргин, М.А. Охранные отделения и его секреты [Текст] / М.А. Осоргин. – М.: Грядущее, 1917. – 32 с.
83. Павлова, Г.В. Воронежская губернская администрация (губернское правление и канцелярия губернатора) в 60-х гг. XIX – начале XX вв. [Текст]: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Г.В. Павлова. – Воронеж, 2004. – 270 с.
84. Перегудова, З.И. Департамент полиции в борьбе с революционным движением: годы реакции и нового революционного подъема [Текст]: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / З.И. Перегудова. – М., 1988. – 262 с.
85. Перегудова, З.И. Методы борьбы Департамента полиции с революционным движением [Текст] / З.И. Перегудова. – М., 1990.
86. Перегудова, З.И. Политический сыск в России (1880-1917). [Текст] / З.И. Перегудова. – М.: РОССПЭН, 2013. – 519 с.
87. Пильский, П. Охранка и провокация [Текст] / П. Пильский. – Пг., 1917. – 48 с.
- Пунин, Л.Н. Работа железных дорог в военное время, с 11 схемами [Текст] / Л.Н. Пунин. – М.: Военное издательство, 1931. – 54 с.
88. Рабинович, М.И. Классовая борьба в деревне в период реакции и нового революционного подъема (1907 – 1914 гг.) (По материалам Смоленской губернии) [Текст]: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / М.И. Рабинович. – Смоленск, 1984. – 289 с.
89. Работнов, Н.Г. Тайны Ярославского застенка [Текст] / Н.Г. Работнов // Ярославская старина. Временник ярославского губернского архива. Выпуск 1. – Ярославль, 1924. – 223 с.
90. Рахимов, Р.Н. Современная российская историография Первой мировой войны [Текст] / Р.Н. Рахимов // Первая мировая война: историографические мифы и историческая память. В 3 кн. / под ред. О.В. Петровской. Кн.1. – М.: РИСИ, 2014. – 250 с.

91. Рахимов, Р.Н. Современная российская историография Первой мировой войны // Первая мировая война: историографические мифы и историческая память. В 3 кн. [Текст] / под ред. О.В. Петровской. Кн.1. – М.: РИСИ, 2014. – С.43-94.
92. Революционная борьба и карательная политика царизма в XIX столетии. [Текст] / сб.ст. под ред. Н.А. Троицкого. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1986.
93. Реент, Ю.А. Полицейская система Российской империи начала XX в., 1900 – 1917 гг. [Текст]: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Ю.А. Реент. – М., 2002. – 521 с.
94. Ремнев, А.В. Самодержавие и Сибирь: административная политика второй половины XIX – начала XX века [Текст] / А.В. Ремнев. – Омск: Изд-во Омск. ун-та, 1997. – 253 с.
95. Романов, К.С. Департамент полиции МВД России накануне и в годы Первой мировой войны. (1913 – 1917 гг.). [Текст]: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / К.С. Романов. – СПб, 2002. – 274 с.
96. Саар, Г. Охранное отделение о деятельности Саратовской организации РСДРП [Текст] / Г. Саар // Коммунистический путь. – Саратов, 1923. – № 9. – С. 199-124.
97. Самолюбова, С.С. Столыпинская аграрная реформа в Смоленской губернии и крестьянское движение в период ее осуществления (1907-1915) [Текст]: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / С.С. Самолюбова. – М., 1958. – 215 с.
98. Сватиков, С.Г. Русский политический сыск за границей [Текст] / С.Г. Сватиков. – Ростов-на-Дону: [Ростово-Нахичеванский ком. труд. н.-с. партии], 1918. – 75 с.
99. Сейдаметов, Д., Шляпников Н. Германо-австрийская разведка в царской России [Текст] / Д. Сейдаметов. – М.: Гос. воен. изд., 1939. – 72 с.
100. Сенин, А.С. Генерал С.А. Ронжин и его очерк о российских железных дорогах в первую мировую войну // <https://cyberleninka.ru/article/n/general-s-a-ronzhin-i-ego-ocherk-o-rossiyskih-zheleznih-dorogah-v-pervuyu-mirovuyu-voynu>.
101. Сенина, Н.В. Отдельный корпус жандармов в конце XIX – начале XX вв.: организация, кадры, деятельность: по материалам Тульской губернии. [Текст]: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Н.В. Сенина. – Тула, 2007. – 303 с.

102. Сенявская, Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России [Текст] / Е.С. Сенявская. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. – 383 с.
103. Сергеев, Е. Ю. Актуальные проблемы изучения Первой мировой войны [Текст] / Е.Ю. Сергеев // Новая и новейшая история. – 2014. – № 2. – С. 15-22.
104. Сизиков, М.И., Борисов А.В., Скрипилев А.Е. История полиции России (1718-1917). [Текст] / М.И. Сизиков. Вып. 2. – М.: АПО, 1992. – 55 с.
105. Сикорский, Е.А. Деньги на революцию: 1903-1920. Факты, версии, размышления [Текст] / Е.А. Сикорский. – Смоленск: Русич, 2004. – 172 с.
106. Смоленская губерния в первой мировой войне [Текст]. – Смоленск: Край Смоленский, 2016. – 500 с.: табл.; 22 см.
107. Соловьева, М.Е. Царские провокаторы и дело социал-демократической фракции 2-й Государственной думы [Текст] / М.Е. Соловьева // Вопросы истории. – 1966. – №8. – С. 124-129.
108. Старков, Д.А. Местное административное управление в Среднем Поволжье в годы Первой мировой войны, август 1914 – февраль 1917 гг. (Пензенская, Самарская, Симбирская губернии). [Текст]: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 /Д.А. Старков. – Саратов, 2008. – 241 с.
109. Старцев, В.И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905-1917 гг. [Текст] / В.И. Старцев. – Л.: Наука. Ленинградское отд-ние, 1977. – 270 с.
110. Степанский, А.Д. Самодержавие и общественные организации России на рубеже XIX –XX вв. [Текст] / А.Д. Степанский. – М.: Б. и., 1980. – 96 с.
111. Суржиков, А.В. Военный плен в русской провинции (1914-1922). [Текст]: дис. ... д-ра истор. наук: 07.00.02 / А.В. Суржиков. – Екатеринбург, 2015. – 564 с.
112. Сысоев Н.Г. жандармы и чекисты. От Бенкендорфа до Ягоды. – М.: Вече, 2002. – 432 с.
113. Трошина, Т.И. Великая война. Забытая война... Архангельск в годы Первой мировой войны (1914-1918 гг.) [Текст] / Т.И. Трошина. – Архангельск: Кира, 2008. – 169 с.

114. Тютюнник, Л.И. Департамент полиции в борьбе с революционным движением в России на рубеже веков [Текст]: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Л.И. Тютюнник. – М., 1986. – 294 с.: ил.
115. Флоринский, М.Ф. Кризис государственного управления в России в годы первой мировой войны: Совет Министров в 1914-1917 гг. [Текст] / М.Ф. Флоринский. – Л.: ЛГУ, 1988. – 207 с.
116. Фуллер, У. Внутренний враг: Шпиономания и закат императорской России / пер. с англ. Маликовой [Текст] / У. Фуллер. – М.: Новое литературное обозрение, 2009. – 376с.
117. Хутарев-Гарнишевский, В.В. Отдельный корпус жандармов и департамент полиции МВД: органы политического сыска накануне и в годы Первой мировой войн, 1913-1917 гг. [Текст]: дис. ... канд. ист. наук / В.В. Хутарев-Гарнишевский. – М.: МГУ, 2012. – 369 с.
118. Черменский, Е.Д. Государственная дума и свержение царизма в России [Текст] / Е.Д. Черменский. – М.: Мысль, 1976. – 318 с.
119. Чукарев, А.Г. Методы и средства политического розыска в царской России [Текст] / А.Г. Чукарев // Вопросы истории, философии, географии, экономики Дальнего Востока. – Владивосток, 1968. – С. 193-201.
120. Шевырин, В.М. Россия в Первой мировой войне (новейшая отечественная историография) [Текст] / В.М. Шевырин // Россия в Первой мировой войне: новые направления исследований. Сб. обзоров и реф. (Препринт) / Редкол.: Глебова И.И. (отв. ред.) и др. – М., 2003. – 232 с.
121. Шиловский, Д.М. Полиция Томской губернии в борьбе с преступностью в 1867-1917 гг. [Текст]: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Д.М. Шиловский. – Новосибирск, 2002. – 251 с.
122. Шинджикашвили, Д.И. Сыскная полиция царской России в период империализма [Текст] / Д.И. Шинджикашвили. – Омск: [б. и.], 1973. – 67 с.
123. Шубин, Н.А. Россия в Первой мировой войне. Историография проблемы (1914–2001). [Текст]: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Н.А. Шубин. – М., 2001. – 287 с.

124. Щеров, И.П. Военная миграция в России. 1914 – 1922: [Текст]: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / И.П. Щеров. – Смоленск, 2001. – 512 с.
125. Щеров, И.П. Миграционная политика России. 1914-1922 [Текст] / И.П. Щеров. – Смоленск: СГПУ, 2000. – 314 с.
126. Щеров, И.П. Организация и деятельность коллегий по делам пленных и беженцев в Смоленском крае, 1914 – 1921 гг. [Текст]: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / И.П. Щеров. – М., 1998. – 257 с.
127. Эренфельд, Б.К. Дело Малиновского [Текст] / Б.К. Эренфельд // Вопросы истории. – 1965. – №7. – С. 106–116.
128. Эренфельд, Б.К. Из истории борьбы большевистской партии с подрывной деятельностью тайной полиции [Текст] / Б.К. Эренфельд // Вопросы истории КПСС. – 1979. – №12. – С. 84 — 94.
129. Эренфельд, Б.К. Тяжелый фронт [Текст] / Б.К. Эренфельд. – М.: Политиздат, 1983. – 142 с.
130. Bauermeister A. Spies Break Through: Memoirs of a German Secret Service Agent. – New York, 1934.
131. Gleason W. The all-Russian Union of Zemstvos and World war I // The zemstvo in Russia: an Experiment in local self- government. – Cambridge, 1982.
132. Kimitaka M. The role of Zemstvo in Tsarist Total-War Management and in its Collapsi. – Sapporo. 1994.
133. Gatrell P. Russia's First World War: a Social and Economic history. – Harlow, England, 2005. – 318 p.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Количественный состав полицейских управлений
Смоленской губернии (1914 г.)

№ п/п	Уездные полицейские управления	Полицейские чины	Служащие канцелярии	Итого
1.	Смоленское городское	14	12	26
2.	Бельское	8	4	12
3.	Вяземское	6	7	13
4.	Гжатское	6	6	12
5.	Дорогобужское	6	6	12
6.	Духовщинское	6	4	10
7.	Ельнинское	6	4	10
8.	Краснинское	6	7	13
9.	Поречское	7	5	12
10.	Рославльское	8	8	16
11.	Смоленское	5	7	12
12.	Сычевское	5	7	12
13.	Юхновское	6	6	12
	Итого	89	83	172

Источники: ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. 1914. Д. 997; Там же. Д. 1019; Там же. Д. 1020; Там же. Д. 1021; Там же. Д. 1022; Там же. Д. 1024; Там же. Д. 1031; Там же. Д. 1032; Там же. Д. 1037; Там же. Д. 1104; Там же. Д. 1237.

Таблица № 2

Социальный состав и образование полицейских Смоленской губернии (1914г.)

№ п/п	Полицейские управления	Число станов	Количество городских участков	Всего полицейских чинов	Социальное происхождение						Всего	Образование			
					дворяне	крестьяне	священники	мещане	почет. гражд. и купцы	иные		начальное	среднее	домашнее	военное
1.	Смоленское городское	-	3	14	2	9	1	1	-	1	13	8	-	4	1
2.	Бельское	4	2	8	-	4	2	-	1	1	8	4	2	2	-
3.	Вяземское	2	1	6	3	1	1	-	-	1	5	3	2	-	-
4.	Гжатское	2	2	6	-	-	3	1	-	2	6	3	3	-	-
5.	Дорогобужское	2	2	6	4	2	-	-	-	-	6	6	-	-	-
6.	Духовщинское	3	1	6	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
7.	Ельнинское	3	1	6	1	1	1	2	-	1	5	3	-	2	-
8.	Краснинское	3	1	6	-	-	3	1	-	2	6	5	1	-	-
9.	Поречское	3	2	7	4	2	-	-	-	1	7	5	1	-	1
10.	Рославльское	4	2	8	-	1	-	-	2	1	4	2	-	1	1
11.	Смоленское	3	-	5	2	1	1	-	-	1	5	4	-	-	1
12.	Сычевское	2	1	5	2	1	-	-	-	2	5	3	1	1	-
13.	Юхновское	3	1	6	3	2	-	1	-	-	6	6	-	-	-
	Итого	34	19	89	21	24	12	6	3	13		52	10	10	4
	В процентах			79*	26,6%	30,4%	15,2%	7,5%	0,8%	16,5%	76*	66,6%	12,8%	12,8%	5,1%

Источники: ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. 1914. Д. 997; Там же. Д. 1019; Там же. Д. 1020; Там же. Д. 1021; Там же. Д. 1022; Там же. Д. 1024; Там же. Д. 1031; Там же. Д. 1032; Там же. Д. 1037; Там же. Д. 1104; Там же. Д. 1237.; Памятная книжка Смоленской губернии на 1914 год. Смоленск, 1913. С. 67-70. *Сведения о социальном составе 79 человек и об образовании 76 человек

Таблица № 3

Состав канцелярских служащих полицейских управлений
Смоленской губернии (1914 г.)

№ п/ п	Уездные полицейские управления	Количество служащих	Социальное происхождение						Образование		
			дворяне	крестьяне	священники	мещане	почет. гражд. и купцы	иные	начальное	среднее	домашнее
1.	Смоленское городское	12	3	9	-	-	-	-	6	2	3
2.	Бельское	4	1	1	-	-	-	2	3	1	-
3.	Вяземское	7	-	5	-	1	1	-	6	-	1
4.	Гжатское	6	1	3	-	-	-	2	3	3	-
5.	Дорогобужское	6	2	2	-	1	-	1	4	2	-
6.	Духовщинское	4	-	1	-	-	1	-	2	-	-
7.	Ельнинское	4	-	2	-	1	-	1	3	-	1
8.	Краснинское	7	-	2	1	2	1	1	4	1	2
9.	Поречское	5	1	-	-	3	1	-	4	1	-
10.	Рославльское	8	4	1	-	2	-	1	8	-	-
11.	Смоленское	7	3	3	-	1	-	-	6	-	1
12.	Сычевское	7	1	2	2	1	-	1	7	-	-

13.	Юхновское	6	1	3	1	1	1	-	5	-	1
	Итого	83	17	33	4	13	5	9	62	10	9

Источники: ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. 1914. Д. 997; Там же. Д. 1019; Там же. Д. 1020; Там же. Д. 1021; Там же. Д. 1022; Там же. Д. 1024; Там же. Д. 1031; Там же. Д. 1032; Там же. Д. 1037; Там же. Д. 1104; Там же. Д. 1237.; Памятная книжка Смоленской губернии на 1914 год. Смоленск, 1913.

Таблица № 4

Сведения о составе полицейской стражи Смоленской губернии

к 1 июля 1915 г.

№ п/п	Уезды	Количество волостей	Всего урядников	Из них старших	Конная стража			
					Всего по штату	В наличии	Из них старших	Помощников старших
1.	Бельский	32	32	2	58	57	1	1
2.	Вяземский	18	18	2	46	44	1	1
3.	Гжатский	23	23	2	48	44	1	1
4.	Дорогобужский	15	15	1	45	41	1	1
5.	Духовщинский	15	15	1	59	59	1	1
6.	Ельнинский	17	17	2	62	61	1	1
7.	Краснинский	14	14	2	48	38	1	1
8.	Поречский	16	16	2	60	60	1	1
9.	Рославльский	27	27	2	64	63	1	1
10.	Смоленский	11	11	2	54	44	1	1
11.	Сычевский	24	24	1	40	36	1	1
12.	Юхновский	27	27	2	56	48	1	1
	Итого:	239	239	22	640	595	12	12

Источник: ГАРФ. Ф. 102. Оп. 73. 1915. Д. 10 ч. 11.2. Л. 85.

Жандармерия Смоленской губернии (1915 г.)

Структурные подразделения		Начальник	Вахмистр	Унтер-офицер	Место расположения	Итого
I.Смоленское губернское жандармское управление	1. Смоленское губернское жандармское управление	полковник И.Н. Астафьев, адъютант М. Малама	1	4	Смоленск	7
	2. Помощник по Смоленскому, Рославльскому, Ельнинскому, Поречскому, Краснинскому, Духовщинскому уездам	ротмистр Н.В. Щербачев	1	6	Смоленск	8
	3. Помощник по Вяземскому, Дорогобужскому, Бельскому, Сычевскому, Гжатскому, Юхновскому уездам	ротмистр А.И. Лебель	1	5	Смоленск	7
ИТОГО		4	3	15		22
II. Ельнинское отделение Московско-Камышинского жандармского полицейского управления железных дорог		подполковник М.В. Журавский	1	22	Смоленск	24
III. Вяземское отделение Петроградского жандармского полицейского управления железных дорог		подполковник К.В. Воршев	1	20	Вязьма	22
IV.Смоленское отделение Московско-Рижского жандармского полицейского управления железных дорог		ротмистр Е.В. Клепфер	1	28	Смоленск	30
ИТОГО		3	3	70		76
ВСЕГО		7	6	85		98

Источники: Список общего состава чинов Отдельного корпуса жандармов, исправлен на 1 июля 1915 г. 1 и 2 часть. Пг., 1915. С. 62, 63, 122-125, 128-130, 197, 257, 259, 269, 464, 531, 563, 577, 596.

Таблица № 6

Число жителей Смоленской губернии, призванных в армию (1914-1915 гг.)

№ п/п	Наименование военных округов и уездов	Число призванных в 1914 г.	Число призванных в 1915 г.
	Петроградского военного округа		
1	Бельский уезд	13106	325
2	Духовщинский уезд	8439	257
3	Дорогобужский уезд	6958	178
4	Сычевский уезд	5962	155
	Московского военного округа		
5	Вяземский уезд	1108	359
6	Гжатский уезд	4354	458
7	Ельнинский уезд	6078	655
8	Рославльский уезд	9652	1161
9	Юхновский уезд	3052	347
	Минского военного округа		
10	Краснинский уезд	3810	1180
11	Смоленский уезд	6062	1165
12	Поречский уезд	6324	1358
	Итого:	74905	7598

Источник: ГАСО. Ф. 1. Оп. 6. 1915. Д. 117. Л. 418-421.

Таблица № 7

Нарушения обязательных постановлений жителями Смоленской губернии (ноябрь-декабрь 1916 г.)

№ п/п	Уезды	Подвоз дров для армии	Реквизия	Появление в нетрезвом	Нарушение тишины и покойствия	Продажа предметов по	Нарушение санитарных	Скупка военного	Побег из арестных	Ношение и хранение	Нарушение паспортного	Нарушение противопож	Оскорблени е чинов	Укрывательс тво	Другие	Итого
1.	Бельский	3	-	3	4	-	-	-	-	-	-	3	2	1	-	16
2.	Вяземский	6	-	2	2	3	-	4	1	1	1	3	-	1	-	24
3.	Гжатский	-	1	3	1	1	-	1	-	-	-	-	-	2	2	11
4.	Дорогобужский	-	1	3	-	1	1	-	-	-	-	3	2	-	-	11
5.	Духовщинский	-	-	2	2	-	-	1	-	1	-	10	1	1	-	18
6.	Ельнинский	6	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	1	1	1	10
7.	Краснинский	-	-	1	2	-	-	1	-	-	2	-	-	-	4	10
8.	Поречский	-	1	2	4	-	-	-	-	1	-	3	2	-	-	13
9.	Рославльский	2	-	13	2	2	1	7	-	-	-	12	1	-	-	40
10.	Смоленский	2	2	9	3	1	3	2	1	1	6	4	5	2	3	44
11.	Сычевский	-	3	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	4
12.	Юхновский	2	1	1	-	2	-	1	-	-	-	-	-	-	-	7
	Итого:	21	9	39	20	10	6	18	2	4	9	38	14	8	10	208

Источник: ГАСО. Ф. 1. Оп. 8. 1916. Д. 959.